

ГОРОДИЩЕ
ТОПРАК-КАЛА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ
Н.Н.МИКЛУХО-МАКЛАЯ

670

ТРУДЫ
ХОРЕЗМСКОЙ
АРХЕОЛОГО-
ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ

XII

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1981

ISSN 0130—5034

ГОРОДИЩЕ
ТОПРАК-КАЛА

(РАСКОПКИ 1965—1975 ГГ.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1981

В монографии публикуются итоги раскопок городища Топраккала, проведенных в 1965—1975 гг.; вводится в научный оборот новый разнообразный материал для исследования этнических и социальных проблем Средней Азии в античности и раннем средневековье (IV—VI вв.); приводится иллюстративный материал фортификации древнего города, архитектуры ранее неизвестных храмовых комплексов, керамики, украшений и предметов быта, нумизматических коллекций из раскопок. Приложен каталог монет.

Ответственные редакторы:

Е. Е. НЕРАЗИК, Ю. А. РАПОПОРТ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исследование древних городов и городской жизни, процессов урбанизации в древних обществах всегда являлось одной из основных задач среднеазиатской археологии. В последние десятилетия, когда наряду с продолжением регулярных раскопок крупнейших городских центров древней Средней Азии — Мерва и Афрасаба — развернулось исследование древнебактрийских городов Халчаяна, Дальверзин-тепе, Зар-тепе, Дильберджина и других, интерес к данной проблеме еще более возрос. Расширение археологических исследований в Средней Азии принесло с собой поток информации о структуре города, городских ремеслах, быте, культуре и общественных организациях горожан в различных среднеазиатских областях. Накопление массовых археологических материалов дало возможность углубить разработку важнейших проблем истории городов и урбанизации в древней Средней Азии, что нашло выражение в появлении монографий, посвященных отдельным городам, и ряда обобщающих работ¹.

Раскопки городов, сплошное археологическое обследование отдельных районов Средней Азии с целью составления каталога археологических памятников², систематизация и типологизация полученного материала позволили выявить (наряду с разработкой и многих других проблем) высокий подъем экономики и культуры в кушанский период истории Средней Азии. Отмечено, что городская жизнь становится здесь намного интенсивнее, чем прежде, увеличивается роль города в экономической и культурной жизни страны.

Одно из заметных мест в ряду среднеазиатских городов кушанской эпохи принадлежит городищу Топрак-кала. Как известно, раскопки дворца Топрак-кала, предпринятые в 1946—1950 гг. Хорезмской археолого-этнографической экспедицией АН СССР под руководством С. П. Толстова, привели к сенсационным открытиям. Впервые появились сведения о ярком и своеобразном искусстве позднеантичного Хорезма — многокрасочных настенных росписях, глиняной раскрашенной скульптуре, монументальной архитектуре³. Обнаружение царского архива во дворце, первые шаги в расшифровке

найденных там документов обогатили науку первоклассным источником для разработки многих важнейших вопросов истории Хорезма и всей Средней Азии⁴.

Все эти открытия сразу выдвинули Топрак-калу в число наиболее выдающихся памятников не только Средней Азии, но и всего Древнего Востока. К тому же принцип построения городской планировки, который удалось проследить до раскопок, дал определенные основания для реконструкции облика древнехорезмийского города⁵, который на том уровне знаний считался «ярким выражением античного города Средней Азии»⁶. А. Ю. Якубовский писал тогда, что «материалы античных городов Хорезма, от Джанбас-калы до Топрак-калы, дали возможность всестороннего изучения городской жизни в рабовладельческую эпоху»⁷. Разумеется, однако, что до вскрытия больших площадей городской застройки (а в 1938 и 1940 гг. на городище были проведены только рекогносцировочные работы) мог быть создан лишь самый обобщенный образ древнехорезмийского города. Он рисовался в виде укрепленного прямоугольника со строго регулярной планировкой. Единственная магистраль рассекала город на две половины, занятые крупными домами-массивами правильных четырехугольных очертаний. Начинаясь от единственных ворот в середине южной стороны города, центральная улица подводила к большому храмовому зданию у подножия дворца. Видимо, неполнота источниковедческой базы, естественная в то время, породила представление о некоторой архаичности античных городов Хорезма сравнительно с современными им городскими центрами Средней Азии, в частности — о чрезвычайно архаичной общественной структуре городского организма, консервативно сохранявшего на протяжении столетий цепкие пережитки родового строя⁸. Неясными оставались многие вопросы истории городов в Хорезме.

В последующие годы, после завершения раскопок дворца, исследование истории городов древнего Хорезма продолжало оставаться в числе основных проблем в планах работы Хорезмской экспедиции. Раскопки на городище

Куя-Уаз⁹, Шах-Сенем¹⁰, Гяур-кала¹¹, Хазарасп¹² расширили представление о древнехорезмийском городе. Сплошное обследование пригационных систем Хорезма, его земельно-хозяйственных оазисов, отличающиеся широким хронологическим диапазоном¹³, дало дополнительные важные сведения для изучения таких существенных проблем, как соотношение города и его сельской округи, городского и сельского ремесел и других вопросов. Все это способствовало выявлению роли города как политико-административного, культурного и торгово-ремесленного центра земледельческой округи. Таким образом, ко времени возобновления работ на городище Топрак-кала был достигнут совершенно иной уровень сведений о древнем среднеазиатском городе, нежели в 1946 г., когда начались раскопки «трехбашенного замка», что не могло не отразиться на методике работ и самой их направленности.

Раскопки на городище начались в 1965 г., когда в течение месяца немногочисленный отряд провел шурфовку двух смежных кварталов в северной части западной половины города. Уже эти первые работы показали, что общая планировка города действительно была строго регулярной: боковые и центральная улицы обнаружены именно там, где они были зафиксированы во время первых рекогносцировочных работ.

В 1966 г. начались раскопки большого жилого квартала, названного кварталом Б, причем вскрывались только самые верхние слои, относившиеся к последнему периоду существования города — V—VI вв. В 1967 г. было вскрыто несколько помещений раннего города и получен большой керамический материал этого периода истории его существования. На одном из раскопов получены новые сведения о крепостных сооружениях города и их сложной истории. В 1968 г. раскопки жилого квартала приобрели более широкие масштабы. Были вскрыты десятки жилых и хозяйственных помещений и начали выявляться закономерности их планировки. Раскопки соседнего квартала (квартал А) привели к чрезвычайно важному открытию. Оказалось, что один из кварталов города был занят целиком монументальными сооружениями, резко отличавшимися от скромных жилых и хозяйственных комнат в соседнем квартале. Ряд признаков указывал на их общественное назначение. Можно было предположить, что это был храм огня.

Затем наступил трехлетний перерыв в раскопках городища, которые возобновились в 1972 г. В квартале Б в тот сезон часть помещений была углублена до горизонта, датированного IV—V вв. н. э., по которому в последующие три сезона была вскрыта вся террито-

рия квартала, где производились раскопки. Получены важные данные о планировке городища: в большом шурфе на улице между кварталами А и Б открыта мощная кирпичная стена, которую следует считать оградой храма. Создалось впечатление, что в Топрак-кале существовал укрепленный храмовый, может быть, храмово-административный комплекс, наподобие священных участков древнемесопотамских городов или терема эллинов. Продолжалась и расчистка храма в квартале А, обнаружившая чрезвычайно сложную историю многочисленных перестроек и ремонтов монументального здания, существовавшего в течение ряда столетий, но в последние периоды уже не использовавшегося по назначению.

1973 г. принес с собой открытие в квартале А небольшого святилища, где были найдены рога барана-архара, украшенные позолоченными бронзовыми браслетами с рельефным орнаментом, и множество бронзовых, стеклянных и глиняных предметов, преимущественно украшений. В 1974—1975 гг. уточнились планировка храмовых комплексов, их планировка и соотношение друг с другом. Выяснено, что первоначально в этом квартале стояло несколько очень мощных сооружений из сырцовых кирпичей на кирпичных же цоколях. Толщина стен этих сооружений превышала 4 м. Впоследствии остатки этих сооружений были превращены в цоколи позднейших храмов.

Раскопки выбранного нами участка жилого квартала Б также были закончены. Вскрытая территория составила одну треть всей площади квартала. Окончательно установлена планировка квартала, выделены четыре строительных горизонта, оформилось представление о жилом доме горожанина в III—IV и IV—V вв. н. э.

В 1965 г. проведены разведочные работы в предатомном комплексе городища, позволяющие определить общие черты его первоначальной планировки и позднейшие перестройки. Таким образом, раскопки городища показали, что созданная ранее реконструкция города в общих чертах верна. Однако они внесли в нее и существенные коррективы.

К сожалению, небольшие масштабы раскопок (относительно площади городища) оставили открытыми многие возникшие при исследовании древнего города вопросы. Тем не менее, в итоге работ получены данные, намного превышавшие те скромные задачи чисто стратиграфического порядка, которые стояли перед авторами первоначально. Получены материалы, проливающие свет на такие вопросы, как застройка кварталов города и их социальная сущность, многие стороны материальной и духовной культуры населения и др. Одним

из важнейших итогов работ является открытие городского храмового квартала. Наконец, впервые получены разнообразие и обильные сведения для характеристики кушано-афригидского периода (IV—V вв.) — одного из наиболее темных и неразработанных в истории Хорезма.

Изложение и систематизация всех этих материалов и является главной задачей данной монографии. Ограниченность объема не позволила, к сожалению, раскрыть в ней все возможные аспекты исследования полученных в результате раскопок сведений.

Предисловие, главы I, III и VI написаны Е. Е. Неразик, глава II — М. С. Лапировым-Скобло, глава IV — С. А. Трудновской, глава V — Б. И. Вайнберг. В оформлении книги принимали участие М. С. Лапиров-Скобло (чертежи), Г. М. Баев (чертежи, таблицы находок), А. Н. Лехницкая (таблицы керамики). Книга иллюстрирована фотографиями С. Н. Иванова.

Авторы пользуются случаем выразить свою глубокую признательность М. Ф. Грошевой, В. А. Иогансен, А. И. Шаталову, К. А. Канавиной, С. Абдурахмановой, Н. Н. Вактурской, И. В. Лясникову, М. М. Рожанской, О. А. Кузнецовой и другим участникам раскопок на городище за большую помощь в работе.

¹ Пугаченкова Г. А. Халчаян. Ташкент: Изд-во ФАН, 1966; Дальверантепе. Кушанский город на юге

- Узбекистана. Ташкент: Изд-во ФАН, 1978, 233 с.; Круликова И. Т. Дильберджи. М.: Наука, 1974, ч. 1; Круликова И. Т., Пугаченкова Г. А. Дильберджи. М.: Наука, 1977, ч. 2; Древний Восток: Города и торговля (III—I тыс. до н. э.). Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1973; Массон В. М. Проблема древнего города и археологические памятники Северной Бактрии. — В кн.: Древняя Бактрия. Л.: Наука, 1974, с. 3—13.
- ² Пресладзе Э. В. Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана. — В кн.: Бактрийские древности. Л.: Наука, 1976, с. 93—103.
- ³ Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949, с. 176—187.
- ⁴ Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Изд-во вост. лит., 1962, с. 204—224.
- ⁵ Толстов С. П. Древний Хорезм. М.: Изд-во МГУ, 1948, с. 123—124.
- ⁶ Якубовский А. Ю. Главные вопросы истории развития городов Средней Азии. — Труды ТФАН СССР, 1951, т. XXIX, с. 8.
- ⁷ Там же, с. 7.
- ⁸ Толстов С. П. Древний Хорезм, с. 123.
- ⁹ Неразик Е. Е. Археологическое исследование городища Куял-Уаз в 1952 г. — ТХЭ, 1959, т. II, с. 367—396.
- ¹⁰ Рапорт Ю. А. Раскопки городища Шах-Севен в 1952 г. — ТХЭ, 1959, т. II, с. 397—420.
- ¹¹ Рапорт Ю. А., Трудновская С. А. Раскопки Гяуркалы. — ТХЭ, 1959, т. II, с. 347—367.
- ¹² Воробьева М. Г., Лапиров-Скобло М. С., Неразик Е. Е. Археологические работы в Хазараспе в 1958—1960 гг. — МХЭ, 1963, вып. 6, с. 157—200.
- ¹³ Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья. М.: Наука, 1969, с. 94—184; Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). М.: Наука, 1976, с. 13—157.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ПАМЯТНИКА

Городище Топрак-кала и его окрестности.

Топрак-кала находится в Еллик-Калинском р-не Каракалпакской АССР. Теперь вокруг него простираются колхозные поля, но еще недавно здесь была солончаковая равнина с многочисленными всхолмлениями естественного и искусственного происхождения. На ее поверхности и в рельефе проступали следы древних полей, русел и пригационной сети, вхлывшей в длительно существовавшую систему Гавхор—канала, упоминающегося в трудах средневековых историков. Она исследовалась археолого-топографическим отрядом Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, возглавлявшимся Б. В. Андриановым¹. Синхронный городищу оазис оказался малодоступным исследованию, так как его земли осваивались и в последующие эпохи, особенно в XII—начале XIII в., когда зона Гавхора была густо заселена и хорошо возделана. Жизнь здесь не прекращалась в течение многих столетий. Тем не менее, на некоторых участках удалось проследить следы древнего магистрального канала. В 2—2,5 км южнее Топрак-калы он имел вид плоского вала шириной 30—35 м, между валами — 20 м. Высота береговых отвалов местами достигала 4—6 м.² На приводимом аэрофото (рис. 1) хорошо видно, что с трех сторон городища располагались большие поля. С западной стороны вплотную ко рву, огибавшему город, подступали виноградники, планировка которых легко распознается по характерному чередованию узких и широких гряд. Территория к югу от города была занята различными по размеру и очертаниям пахотными участками: здесь средневековые поля «накладывались» на древние. К югу от ворот, продолжая линию центральной улицы города, тянулась прямая светлая полоса, хорошо различимая с воздуха. Видно, это след вешней к воротам города дороги, подходившей в нескольких километрах от него к большому каналу³. Близ юго-восточного угла городища, среди полевых участков, отличающихся по конфигурации от вышеупомянутых, заметны остатки каких-то планировок и высятся несколько бугров, группирующихся вокруг небольших такыров. Отсюда происходит большое количество тех же типов мелких мед-

ных хорезмийских монет, что и с городища.

Судя по всему, ближайшие к городу подступы были слабо заселены. Остатки жилых построек зафиксированы в 1,5—2 км к востоку от Топрак-калы, в черте обвалованных полевых участков, тянущихся полосой с юга на север. Значительно гуще следы обитания к северо-западу от города, близ Кзыл-калы, где находились многочисленные бугры, часть их, как выяснилось, являлась остатками жилых построек, причем некоторые были украшены штукатуркой с многоцветной росписью.

Близ северной стены города, в северо-западном углу которого высятся дворец, располагался обширный так называемый Северный комплекс — развалины монументальных зданий дворцового типа. Здесь вскрыты большие парадные залы и более скромные помещения, сводчатые сооружения, дворы⁴. Комплекс примыкал к огромному, огражденному валом участку, по площади значительно превышавшему городище. Пространство внутри него не застроено, отличается большими перепадами рельефа. Не исключено, что это был парковый комплекс, хотя возможны и другие предположения. С северо-запада всю эту систему замыкала Кзыл-кала, представляющая собой поднятое на высокий цоколь, сплошь занятое сводчатыми помещениями здание, которое, вероятно, служило казармой для гарнизона. Об этом могут свидетельствовать, в частности, особенности планировки, относимой к так называемому коридорно-гребенчатому типу⁵. Какое-то отношение к сельской округе Топрак-калы могла иметь и большая усадьба со сводчатым зданием внутри окруженного паховой стеной участка, названная Малой Топрак-калой. Она находится у подножия Султан-Уизада, в 4,4 км севернее Топрак-калы.

В заключение отметим, что на ответвлении Гавхора, шедшем на северо-восток к Бурлык-кале, верхние слои которой одновременны раннему городу (первые века н. э.), в 8—10 км от последней обнаружены остатки крупного гончарного производства того же времени, состоявшего из нескольких десятков круглых гончарных печей⁶. Остатки других одновременных им печей той же конструкции выявлены в

10 км восточнее города, на берегах канала, отходившего от Гавхора в сторону Аяз-калы⁷. Следует при этом указать, что на самом городище и близ него зарегистрированы лишь отдельные гончарные шлаки, но печи пока не обнаружены. Пространство между указанными печами и городом было малозаселенным, поэтому возможно, что эти располагавшиеся на периферии оазиса крупные ремесленные мастерские обслуживали не только его население, но в какой-то степени и жителей самого города.

Общие сведения о стратиграфии городища.

Городище Топрак-кала имеет прямоугольные очертания и обведено мощными, теперь сильно обвалованными стенами с останцами многочисленных башен вдоль каждой из сторон. Заключенная внутри стен площадь достигает 17,5 га (500×350 м). В середине южной стены находился вход со сложным предвратным сооружением. В северо-западном углу возвышался дворец, поставленный на высокий доколь из сырцовых кирпичей. Примыкавший к подножию дворца участок города также был окружен толстой кирпичной стеной с внутренним коридором. Вероятно, его следует расценивать в качестве цитадели. Согласно довоенным исследованиям С. П. Толстова, здесь в числе других строений находился храм огня⁸. Сейчас от всех этих построек остались лишь основания стен, кирпичные вымостки полов и фундаментов, сливающиеся местами в большие массивы кирпичной кладки в один-два ряда кирпичей по высоте. Кладка подгибается материковым песком, кое-где выходящим на поверхность. Этот участок не застраивался почти на всем протяжении существования города (рис. 2).

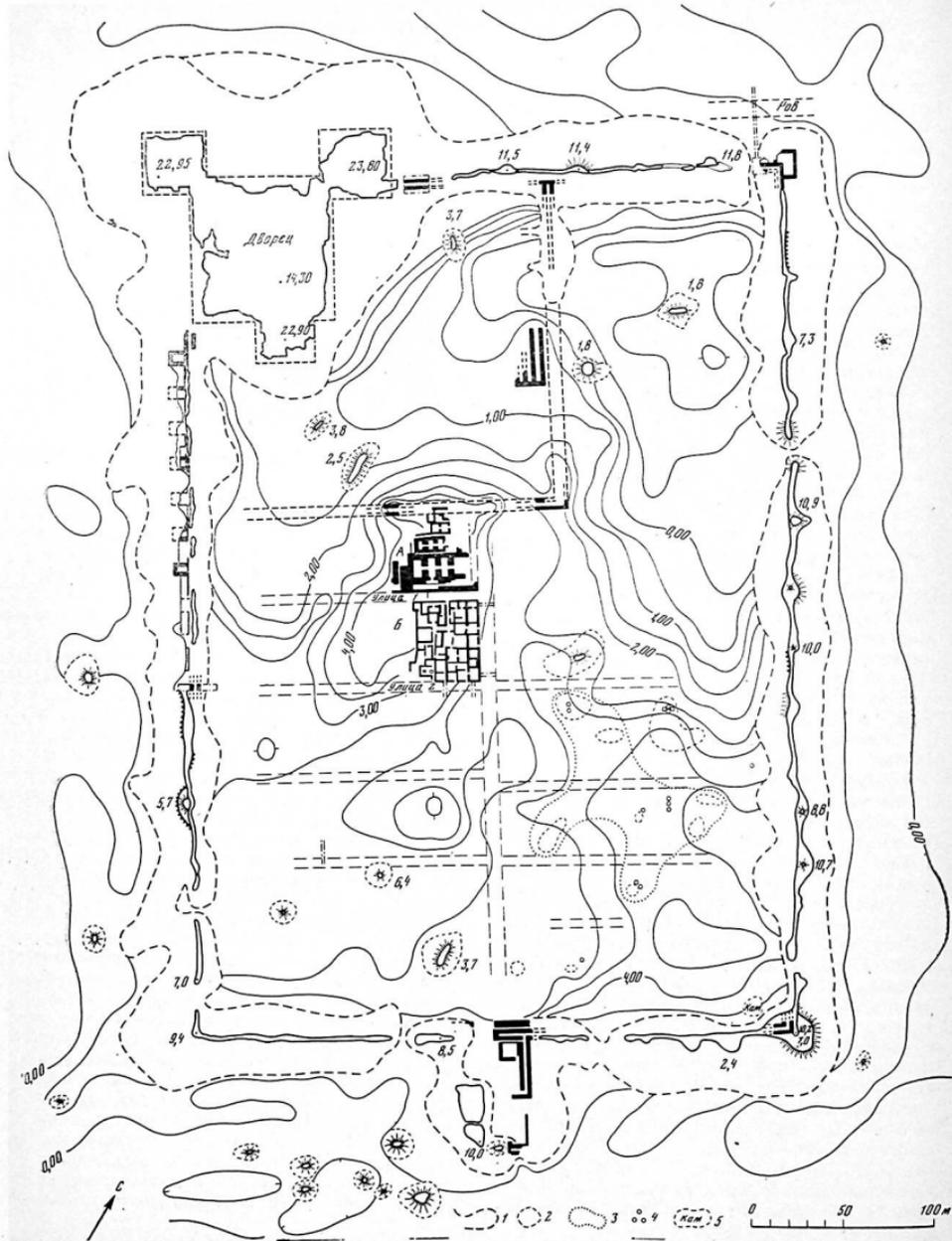
Визуальные наблюдения в сопоставлении с данными аэрофотосъемки уже на первых этапах исследования города легли в основу представлений об общих чертах его плана. Это представление не изменилось в итоге проведенных на городище раскопок. Установлено, что правильной сеткой улиц оно делилось на 8—10 кварталов (размерами 100×40 м), лежавших по обе стороны центральной улицы, шедшей от единственного входа в середине южной стены к цитадели. Следует сказать, что рельеф поверхности городища невыразителен и на его в целом плоской поверхности очертания улиц и кварталов выражены не в рельефе, а скорее цветом почвы при определенном освещении. Лишь в северной части городища имеются значительные всхолмления. Самой высокой точкой на городище является вершина бугра, примыкавшего к стене цитадели. Отметка этой точки равна 6,75 м⁹. В южной и центральной части городища также высяты бугры, но они естественного происхождения. Это так называемые

Рис. 1. Топрак-кала. Аэрофото

шоколаки, образовавшиеся в результате аккумуляции песчаных наносов вокруг корней кустов. Окрестности Топрак-калы изобилуют подобного рода естественными холмами, среди которых имеются и развалины построек.

Самый низкий уровень поверхности городища отмечен в его северо-восточном углу (—1,06 м; —0,76—0,91 м), где, видимо, находился бассейн. Незастроенные площади располагались вдоль восточной стены, а также у подножия дворца в цитадели. Там, как указывалось, сохранились лишь самые основания построек. Значительные перепады в рельефе поверхности наблюдаются на территории двух северных кварталов в западной половине города, обозначенных буквами А и Б (см. рис. 2, план). Уровень поверхности в центре квартала Б достигает 4 м, по направлению к центральной улице он постепенно снижается до 2,5 м. До начала раскопок можно было предположить, что эти перепады в рельефе городища объясняются разной сохранностью культурных слоев, недостаточно тщательным выравниванием площади, на которой возводились постройки, и наличием крупных сооружений, значительно более фундаментальных, нежели обычные жилые дома города. Будучи перекрытыми более поздними слоями, такие постройки могли бы образовывать значительные всхолмления на поверхности города. Выяснилось, что в действительности все перечисленные обстоятельства имели место. Раскопки выявили очень сложную картину стратиграфии городища с многочисленными перестройками и перепланировками. Представление о ней получено в результате

всей совокупности произведенных там работ. На городище вскрыта значительная часть площади квартала А, занятого на протяжении всей его истории монументальными зданиями. Раскопана примерно $\frac{1}{3}$ площади соседнего жилого квартала Б, равная 1200 кв. м. Учитывая изменение планировки в результате перестроек от горизонта к горизонту, здесь расчищено свыше 130 помещений. Несколько из них раскопано до материка, в других заложены шурфы, давшие важные результаты. Раскопана до материка часть улицы между кварталами А и Б; поперечные и продольные траншеи и шурфы были заложены также на центральной улице, улице 2 (между кварталом Б и следующим, расположенным южнее) и на некоторых других участках города (см. рис. 2, план). Помимо этого, проведены небольшие по масштабу работы на территории предвратного сооружения, на западной крепостной стене, у подножия которой, на площади квартала Б, был заложена большой стратиграфический шурф, а также сделан разрез крепостной стены в месте ее разрушения близ северо-восточного угла города. Интересные сведения о стратиграфии города получены в результате углубления до материка в раскопах близ юго-западного и юго-восточного углов квартала А.

Все эти работы были сопряжены с большими трудностями. Как и в каждом длительно существовавшем многостойном городе, на Топрак-кале в течение нескольких столетий велось непрерывное строительство с использованием наиболее сохранившихся стен разрушенных построек, возведением новых, включавших остатки древних стен, и т. п. Тщательные записки фасадов стен и выяснение уровней их оснований выявили чрезвычайно сложную картину, хотя в целом на значительных по площади участках квартала Б наблюдается известное единообразие уровней стен.

Учитывая сложность ведения раскопок, необходимо кратко остановиться на использовавшейся нами методике работы. Поскольку несмотря на солончаковый характер почвы внутри городища всюду на его поверхности проступала кладка стен, раскопки велись по помещениям. Слон внутри них фиксировался на остающихся в процессе работы бровках. Нами сделано не менее шестидесяти таких разрезов. Общая «привязка» слоев осуществлялась по

средством бровок, проведенных через весь квартал с запада на восток и с севера на юг. Наиболее надежны для установления синхронности построек по горизонтали расчистка больших площадей и соединение помещений через проходы по одним и тем же поверхностям полов. Выделение горизонтов по вертикали велось с учетом стратиграфических данных и распределения вещественных материалов (керамики, монет и др.). Разумеется, учет их не обходимо и в первом случае, при установлении синхронности помещений. Пользуясь такой методикой, в квартале Б последовательно вскрыты напластования от уровня 400 см в высокой его части и 280—300 см — у центральной улицы до 220—240 см. До материка опустились в юго-восточном углу квартала, в раскопе V (рис. 3) и в ряде шурфов внутри помещений. До нижнего слоя на протяжении 16 м раскопана улица 1 (между кварталами А и Б).

Полученные материалы позволили выделить три горизонта (четвертый практически не сохранился и зафиксирован лишь на самых высоких отметках раскопанной части квартала), составляющие два больших этапа в жизни города: II—III вв. (или I—III вв.) и IV—VI вв. Мощность наслоений раннего города, выделенная в нижний (I) горизонт, равна 1,1—1,4 м, позднего (II и III горизонты) — 1,7—2 м (см. рис. 3—4).

В течение всего первого этапа квартал застраивался постепенно. Первые постройки возникли неодновременно, судя по тому, что основания их стен стоят в разных уровнях, причем часть из них — на культурных слоях. Так, в шурфе, заложеном в помещении III—7, выявлена древняя стена, поставленная на уровень 122 см. Материк здесь открыт на уровне 85 см. Над ним накопился почти 40-сантиметровый слой с включением керамики и костей и прочих «культурных» остатков прежде, чем поставили древнюю стену. Сходная картина открыта в шурфе в помещении III—9. Напротив, древние стены в помещениях III—12 и II—6 стоят на материке, причем в последнем случае можно предположить, что внутри этого горизонта было несколько строительных периодов (см. шурфы в помещении III—9, III—7, II—6; рис. 5).

Хронологические рамки нижнего (I) горизонта в основном соответствуют первому хронологическому комплексу монет, выделенному Б. И. Вайнбергом, и укладываются в пределы I—III вв. н. э. Однако стратиграфия монет из нижнего горизонта еще не вполне ясна из-за их крайней малочисленности. Почти все выделенные Б. И. Вайнбергом типы монет этого комплекса (B²²⁰, B²²¹ и БВ/1) проходят из

Рис. 2. Городище Топрак-кала. Инструментальная съемка

1 — границы осыпей крепостных сооружений и двора; 2 — склопления стен; 3 — площадь, занятая обломками хумов; 4 — днища врытых в землю хумов; 5 — склопление камней

верхних слоев горизонта I. Можно полагать, что для него окажутся более характерными кушанские монеты. Монета Хувишки найдена на полу постройки внутри цитадели, где нет позднейших наслоений. Другая кушанская монета с S-видным надчеканом обнаружена над матерком в помещении III—12 (рис. 4, Б). Выше нее, в соседнем помещении III—11 в уровнях 224—248 см, лежат монеты B²V/1 и B²V/6. На гребне древней стены, пропускающей в помещении VI—13 через поверхность пола на уровне 216 см, найдена монета типа B²V/4 (Вазамар)¹⁰, а немного выше, на уровне 231 см, — монета Васудевы. Таким образом, дата горизонта I «зажата» между кушанскими монетами Хувишки и с S-видным надчеканом и выпусками хорезмийских монет, относимых к чекану Вазамара, и должна на вскрытой нами территории квартала определяться II—III вв. Вместе с тем находки отдельных форм керамики с росписью позволяют предполагать наличие на городище и более ранних слоев, если только это не пережиточно существовавшие формы (см. рис. 39, 34, 48). В целом же как будет подробно показано ниже, параллели керамики из нижнего горизонта ведут в основном в круг хорезмийских археологических памятников, где найдены лишь кушанские монеты (например, дом 1 близ Аяз-калы III) или же их нет вовсе. Горизонт II (уровень 200—280 см) представляет собой слитную застройку, возникшую в результате перепланировки. В застройку включаются остатки наиболее сохранившихся древних построек, но часть стен ставится заново, а некоторые старые срубаются. Планировка, в целом производящая впечатление единовременной из-за ряда параллельных стен, идущих почти из одного конца квартала в другой, на самом деле членилась на отдельные пристроенные друг к другу участки. Некоторые поздние помещения оказываются на одном уровне с ранними, а в слое, вскрытом по одному уровню, могут оказаться разновременные предметы. Поэтому выделять стратиграфически и датировать помещения этого горизонта необычайно трудно. Надстройки стен горизонта I и перепланировки на отдельных участках могли производиться в разное время (внутри одного хронологического периода), в связи с чем гребни древних стен могли какое-то время разрушаться, прежде чем были надстроены, как это видно на рис. 5. Хронологически перерыв между горизонтами I и II пока не выявлен, и, следовательно, если он и существовал, то не был длительным. В керамике из нижних слоев горизонта II появляется ряд новых форм, но в целом она сохраняет старые традиции. Керамика сопровождается находками хорезмийских мелких бронзовых

монет типов B²V/1, B²V/2, B²10—B²13, относимых Б. И. Вайнберг к хронологическому комплексу II (см. ниже), но встречаются и другие, более поздние, что, видимо, объясняется стратиграфической ситуацией.

Застройка горизонта II без существенных перепланировок, видимо, существовала довольно долго. На уровне 250—270 см стены многих помещений были надстроены. На данном уровне уже встречается и грубая светлоангобирыванная керамика, распространяющаяся в вышележащих слоях. Среди найденных на этих уровнях монет преобладают относящиеся к типам B²10—B²13, хотя есть и другие в основном в помещениях со смешанными слоями. По этим признакам выделяется второй строительный период горизонта II, знаменующий переход к новой эпохе в жизни Топрак-калы. Его конец характеризуется некоторым оживлением жизни на отдельных участках квартала, где зафиксированы перестройки.

В дальнейшем в средней части квартала начинается новое строительство, связанное со значительными перепланировками (горизонт III). При этом менялось и назначение помещений. В керамическом комплексе ведущими становятся пные формы посуды, тяготеющие к V—VI вв. К этому горизонту относится наибольшее число монет. Они представлены главным образом типами B²14—B²19, причем над верхними полами преобладают последние.

Остатки каких-то построек с уровнем оснований 380—395—413 см зафиксированы также в квартале Б против храмового здания I, расположенного в квартале А (горизонт II). Но стены их сохранились в высоту не более чем на полкирпича—кирпич, и по таким обрывкам трудно составить целую картину. Однако все-таки ясно, что эта планировка не совпала с более ранней, относящейся к горизонту III. Датировать ее довольно трудно. Это могли быть остатки последнего строительного периода горизонта III, но возможно также, что перед нами следы построек VII—VIII вв. Расчищено несколько больших ям, повредивших нижние стены в помещениях I—5, IV—1 и IV—2. В одной из них найден кувшин, очень близкий по форме к аналогичным сосудам афригидской эпохи (VII—VIII вв.). По некоторым признакам можно думать, что застройка этого времени занимала лишь незначительную часть раскопанной площади в квартале Б и была, вероятно, связана с существованием храмового здания в квартале А.

Стратиграфия территории, занятой соседним кварталом А, по имеющимся у нас неполным сведениям, отличается от приведенной выше, поскольку здесь открыты постройки на цоколях с уровнями полов 443—465 см.

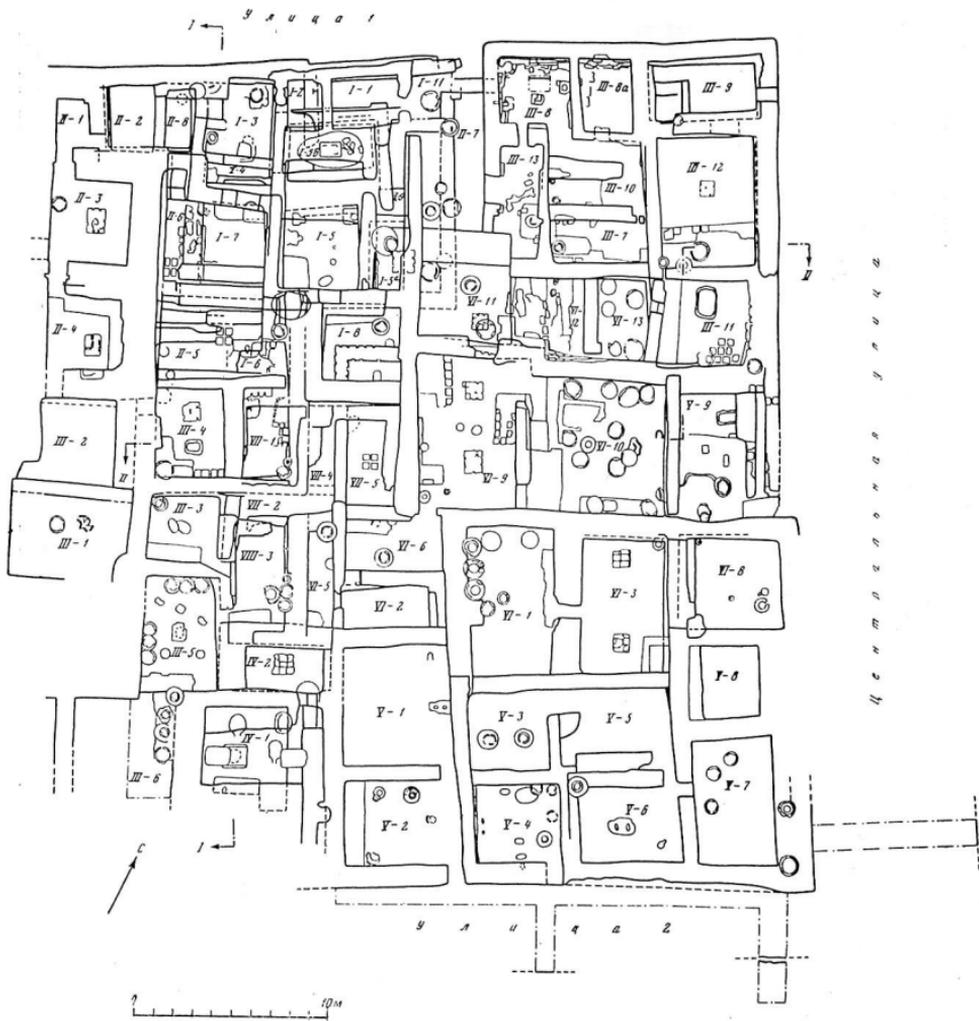

Рис. 3. Сводный план квартала Б

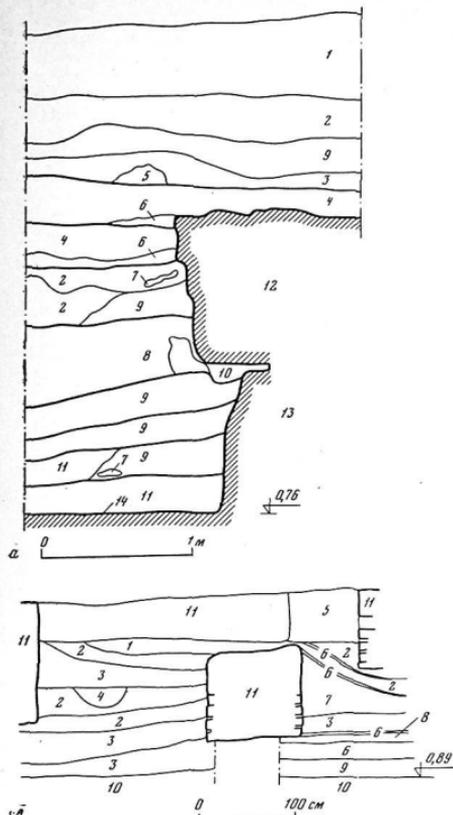
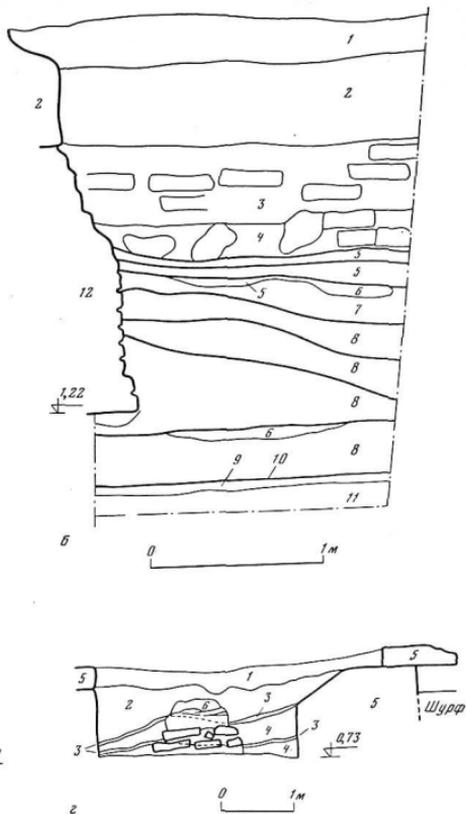

Рис. 5. Разрезы через наслоения в квартале Б

а — шурф в помещении II-6: 1 — кирпичная стена; 2 — рыхлый мелковатый слой; 3 — рыхлый слой с наносами; 4 — плотный слоистый грунт; 5 — рыхлый зеленый слой; 6 — мягкий наносный слой с угольками; 7 — фрагмент керамики; 8 — плотный неоднородный глиняный слой с отдельными комками; 9 — плотный глиняный слой; 10 — мягкий наносный слой; 11 — рыхлый культурный слой; 12, 13 — стены из сырцовых кирпичей; 14 — поверхность материка. Жирными линиями показаны полы II горизонта; 4 — подбутовка из обломков сырцовых кирпичей под стену II горизонта; 5 — комковатый слой с обломками керамики и костей; 6 — зеленый гумусный слой; 7 — плотный глиняный слой с культурными остатками; 8 — рыхлый слой с культурными остатками; 9 — глиняный слой с песком; 10 — поверхность материка; 11 — серый материковый песок; 12 — древняя стена из сырцовых кирпичей

б — шурф в помещении III-9: 1 — мягкий коричневатый наносный слой; 2 — рыхлый слой с киральцем культурных остатков; 3 — плотный однородный слой; 4 — рыхлый зеленый слой;

5 — плотный кирпичный слой; 6 — золистая прослойка; 7 — плотный комковатый кирпичный авал с включениями керамики и костей; 8 — плотный однородный глиняный слой; 9 — рыхлый слой с включениями золы и песка; 10 — серый песок; 11 — остатки разновременных кирпичных стен. Линиями, разделенными точками, показаны полы

г — разрез через наслоения в помещении V-6: 1 — плотная комковатая глина; 2 — плотный слой с линами пепла, золы, строительного мусора; 3 — обманка пола зеленоватого цвета; 4 — комковатый плотный слой; 5 — стены из сырцовых кирпичей; 6 — разрушенный хум

Центральная часть наслоений этого квартала образовалась в результате разрушения монументальных построек, верхняя из которых превратилась в высокий бугор.

Таким образом, эпизодически обживавшие отдельные помещения и небольшого масштаба строительство проходили на городище и в

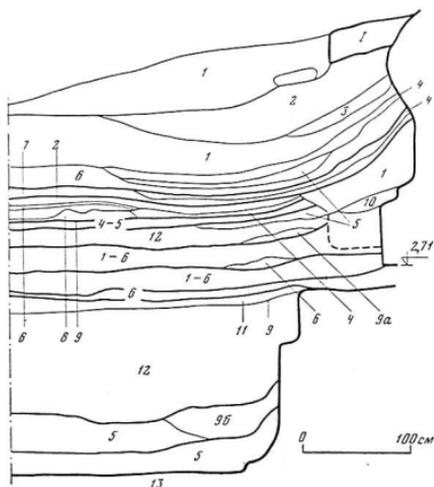

Рис. 6. Шурф у западной крепостной стены

1 — рыхлый слой глины с песком и обломками сырцовых кирпичей; 2 — плотный слоистый глиняный слой; 3 — глина с саманом; 4 — культурный слой, окрашенный в зеленый цвет; 5 — плотная комковатая глина (4—5 — смешанный слой); 6 — культурный слой серого цвета (1—6 — смешанный слой); 7 — культурный слой желтого цвета; 8 — сырцовые кирпичи; 9 — следы горения; 9a — рыхлый горелый слой; 9b — плотный горелый слой; 10 — песок; 11 — плотный подбутовочный слой со следами горения; 12 — плотный однородный глиняный слой (забутовка); 13 — материк. Цифрой 1 обозначена кирпичная присладка к стене. Жирными линиями на разрезе обозначены полы

VII—VIII вв., но они сосредоточились в основном на небольшом участке внутри квартала А. Здесь существовало несколько помещений и были приспособлены для жилья развалины здания I с еще сохранившимися сводами. Остальная территория города использовалась, видимо, прежде всего для захоронений.

Эти выводы, сделанные главным образом на основании раскопок квартала Б, существенно дополняются очень важными для понимания стратиграфии городища и периодизации его истории сведениями, полученными в итоге раскопок западной крепостной стены и улицы 1 (между кварталами А и Б), которые мы и приведем в заключение данного раздела.

Шурф у западной крепостной стены. Благодаря раскопкам западной крепостной стены установлено, что его оборонительные сооружения претерпели существенную перестройку, причем в основе ранней и

поздней крепостной стены лежат различные принципы построения (об этом см. подробнее в главе II). Ранняя стена с двухэтажным коридором внутри и стрелчатой формы бойницами в верхней стрелковой галерее существенно отличалась от позднейшей, поставленной на оползнь и обвалы первой. Кроме того, поздняя стена, видимо, стыкуется с линией укреплений дворца, возникшей после его заустения (не ранее начала IV в. н. э.). Подробнее об этом — в монографии, посвященной дворцу, здесь же нам важно подчеркнуть, что раскопки западной крепостной стены выявили два строительных периода, соответствовавших, по нашему мнению, двум этапам в жизни города (II—III вв. — нижний горизонт I и IV—VI вв. н. э. — горизонты II и III).

Напластования у стены города, разумеется, стратиграфически не связаны с поздней стеной, поставленной снаружи, но благодаря их изучению могут появиться косвенные данные, касающиеся ее истории. Большой стратиграфический шурф размерами 3×3 м был заложен у западной крепостной стены и пробит до материка на глубину 3,5—4 м (рис. 6). Нижние культурные отложения, залегавшие над тремя поверхностями, разделены плотными комковатыми слоями, включавшими сравнительно небольшое число керамики и костей животных. Среди фрагментов преимущественно красноангобрированной и лощеной керамики здесь найдены фрагменты светлоангобрированной посуды с сиреневым оттенком черепка в изломе, подобной найденной в слоях среднего и верхнего горизонтов Кой-Крылган-калы, где она датируется I—IV вв. н. э.¹¹ Эти слои перекрыты плотным однородным глиняным слоем мощностью 0,8—0,9 м. На его поверхности в культурном слое, проникшем в шов между долом крепостной стены и ее кладкой, на уровне 233—245 см найдена монета типа B²V/1, относимая Б. И. Вайнберг к середине—последней трети III в. н. э.¹² и обломок ручки глиняного сосуда, воспринявшего римскую патеру, завершающейся скульптурным изображением головы барана. Культурные отложения над упомянутой плотной глиной, составившие 0,7 м и залегавшие над тремя поверхностями, перекрыты тонким плотным слоем глины, выше которой шли наслоения с многочисленными гумусными прослойками, включавшие значительное количество светлоангобрированных сосудов, изготовленных из глины с большой примесью древесины и известковых включений. Их следует датировать V—VI вв. н. э. (рис. 7).

Таким образом, нижние и верхние напластования здесь оказались разделенными плотным слоем, который мог образоваться во время перестройки стены, хотя не исключено и дру-

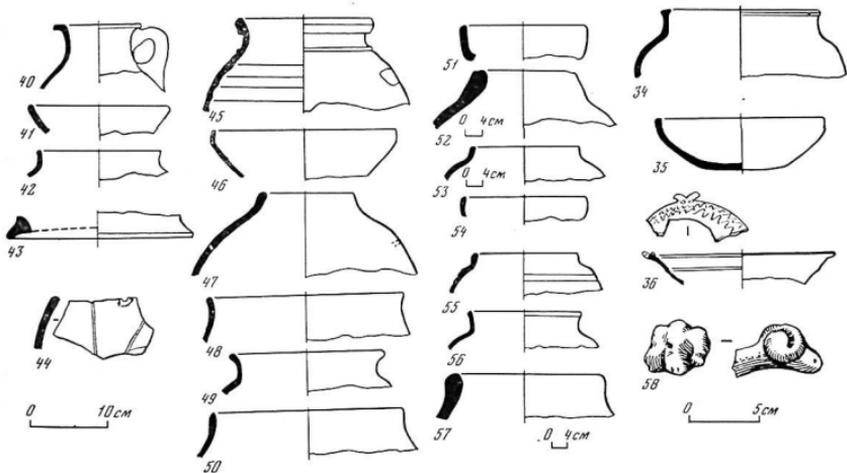
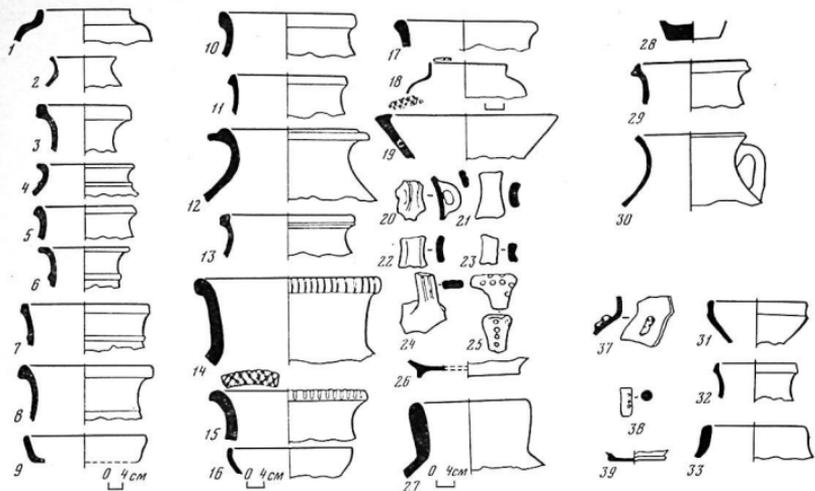
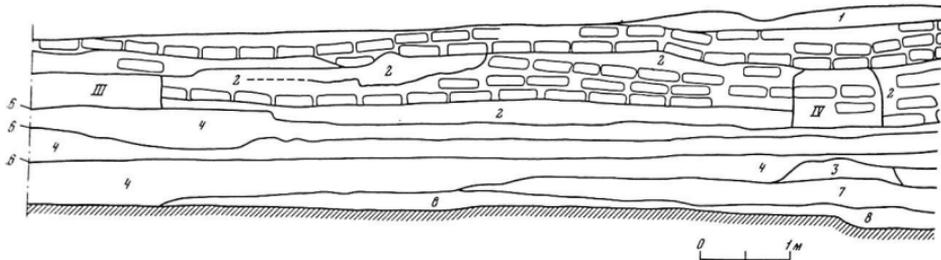

Рис. 7. Керамика из шурфа у западной крепостной стены

1—27 — уровень первого пола; 28—35 — уровень второго пола и из ямы во второй стене; 36—39, 45—46 — третий и четвертый полы; 40—44, 47—58 — уровни 7—11 полов

гое толкование. Нельзя не учитывать, что пространство вдоль стен города обычно предпочитали не застраивать, чтоб сохранить свободными подступы к ним для быстрого маневрирования во время опасности, и чистые, мало «закультуренные» нижние слои в шурфе производят впечатление участка такого простран-

ства. Уровень его, возможно, в какой-то момент был укреплен и поднят при помощи сырой глины. Если же считать, что она появилась здесь в результате перестройки стены, то находка монеты может в определенной степени служить ориентиром в отношении времени этого события: конец III в. н. э., а скорее — начало IV в. (хотя единичные находки монет вообще не могут являться твердым основанием для датировок). Кроме того, для уточнения датировки монет типа $B^{2V}/1$, видимо, еще требуются дополнительные материалы, на что, по нашему мнению, указывают несколько моментов: 1) в слоях городища они, как правило, залегают выше монет типа $B^{2V}/3$ и $B^{2V}/4$ (Вазамар); 2) количество монет типа $B^{2V}/1$ и $B^{2V}/2$, найденных в Хорезме, резко превосходит немногочисленные выпуски $B^{2V}/3$ и $B^{2V}/4$, которые, видимо, являются началом этого чекана; 3) в слоях городища Куля-Уаз монеты типа $B^{2V}/1$ найдены вместе с бронзовой туалетной ложечкой и крупными каменными бусинами. Подобные предметы найдены и на городище Топрак-кала. Обычно их относят к IV—V вв. (см. главу IV).

Раскопки улицы 1. Раскопки пространства между кварталами А и Б вместе с первыми сведениями об улицах античного города Хорезма дали важные сведения о стратегии городища, иллюстрирующие вышеприведенные данные, касающиеся выделения горизонтов в его напластованиях. Эти раскопки показали, что наслоения на улицах росли вместе с наслоениями в кварталах и на поверхности городища, поэтому улицы выделяются скорее цветом, чем рельефом.

Улица 1 открыта до материка на протяжении 16 м от коридора II—7, являвшегося единственным входом в квартал на данном ее отрезке, до соединения с главной магистралью города (см. рис. 3). К западу от коридора II—7, в самой высокой точке улицы, против храмового здания в квартале А, поперек нее, был заложен большой шурф размерами $3 \times$

$\times 4$ м, опущенный до материка, вскрытого, однако, не на всей его площади.

В этих раскопках открыты участки северного фасада квартала Б, являвшегося южной границей улицы 1, и мощная кирпичная стена шириной около 3 м, ограничивавшая ее с севера. В шурфе фасад квартала составляли останцы поставленных по одной вертикали друг на друга стен с уровнем оснований 388 см, 314 см и 208 см. Как можно увидеть ниже, и в западном участке раскопанной нами части квартала сохранился самый высокий уровень (388 см), которого нет в восточной части. От поверхности материка до уровня +208 см стены не обнаружено; по-видимому, она несколько углублена за фасад верхней стены, и, таким образом, в первоначальный период жизни в городе перед мощным комплексом в квартале А была более широкая улица, чем впоследствии, или же иное открытое пространство. На данной глубине раскопа отмечаются строительный мусор с комьями обгорелой красного цвета глины, угольков и т. п.

При раскопках восточного конца улицы на фасаде квартала Б выявлена кладка трех стоявших друг на друге стен. От верхней сохранился местами на небольшом протяжении только один ряд сырцовых кирпичей с уровнем основания 333 см. Основание второй стены лежит в уровне 268 см, третьей, нижней, — 222—226 см. Высота нижней всего 30—35 см, верхней — от 75 см в западной части до 35 см в восточной. Основание второй стены представляет собой неровную, сильно изгибающуюся линию. Фасад нижней стены неоднороден: местами в хорошо прослеживающуюся кирпичную кладку включены участки гладкоштукатуренной стены, где кладка неразличима. Эти участки не составляют единого целого, иногда частично поставлены друг на друга (рис. 8).

На восточном конце фасада квартала Б видно, что верх нижней стены разрушен и перекрыт рыхлым наносным слоем толщиной до 30 см. Уже поверх этого слоя поставлена вто-

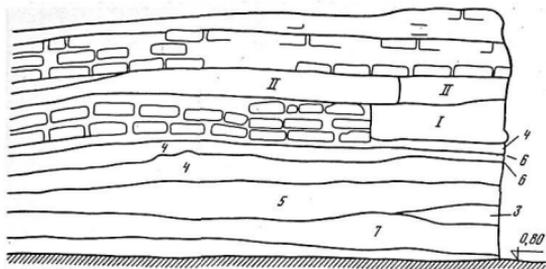

Рис. 8. Южная сторона улицы 1 между кварталами А и Б

1 — разрушенная стена из сырцовых кирпичей; 2 — рыхлый слой с большим количеством золы; 3 — рыхлый слой с керамичной и костями; 4 — плотный комковатый слой с включениями керамики и костей; 5 — рыхлый слой с угольками, соломой, керамичной и костями; 6 — уровень поверхности улицы; 7 — рыхлый слой с гускусом; 8 — песок, зона Римскими цифрами обозначены остатки разновременных стен; штрихованной линией — уровень материка

рая стена, что может дать основание для предположения о каком-то периоде заупустения, во всяком случае, на данном участке квартала. С другой стороны, вторая стена представляется единовременным массивом кладки и поэтому вернее было бы предположить, что она поставлена сразу после разрушения первой стены вообще, а не только на отдельном участке. Нижняя стена, так же как и в шурфе, стоит на наслоениях первоначальной улицы, южная граница которой «уходит» под верхнюю застройку квартала (рис. 9). Древняя южная граница улицы (нижняя стена на ее северном фасаде) обнаружена в шурфах, заложенных в помещениях II—7, III—8 и III—9. В двух первых открыты участки кирпичной стены, стоявшей на материке; кирпичная стена в помещении III—9, являясь ее продолжением, поставлена на 35-сантиметровой слой плотной глины и золыстых прослоек. Толщина стены около 1 м. При этом выяснилось, что стены помещения III—9 с уровнем основания 229—239 см поставлены либо на останец этой стены, либо на поверхности, наклонно спускавшиеся с него и переходившие в горизонтальные слои улицы (см. рис. 5, в).

Монументальная стена, являющаяся северной границей улицы, разрушалась, по-видимому, постепенно, о чем свидетельствует ее облик: если ближе к середине улицы, против центрального помещения храмового здания, уровень гребня достигает 3 м, то в месте соеденения боковой улицы с центральной хорошо сохранились лишь нижние три ряда кирпичей, а разрушенная кромка ее опускается постепенно. Толщина перекрывающих ее рыхлых слоев с многочисленными обломками костей животных и керамики увеличивается (также постепенно) с 0,2 м близ середины 1,3 м возле центральной улицы. В шурфе выявлено, что на уровне 388 см эта стена была надстроена, однако надстройка имела совершенно иной вид: вместо мощной трехметровой толщи была поставлена полтораметровая стен-

ка. Уровень основания ее 370 см. Очень возможно, что синхронной ей являлась самая верхняя стенка квартала с отметкой основания 388 см. Уровень основания (счет сверху) стены квартала — 314 см — выше, нежели граница, от которой древняя мощная стена квартала А начинает идти вертикально (см. рис. 4). До уровня 310 см в напластованиях улицы опускается и грубая светлоангоброванная керамичка, которую можно датировать в пределах V—VI вв. В профиле три верхние поверхности улицы здесь образуют вогнутую линию, а слои насыщены органическими остатками. Видимо, это следы строительства в VII—VIII вв., когда частично застраивалась и улица, а слои горизонта III (V—VI вв.) нарушались поздними ямами. Нам кажется, что появление упомянутой надстройки древней стены и следует отнести к одному из этих периодов, скорее к V—VI вв. В восточном конце улицы она не сохранилась. Здесь на поверхность выступает кладка субструкционных клеток храма (подробнее см. ниже), поставленных на уровне 214 см, несколько отступя от границы улицы. Край древней стены закрыт, как указывалось, рыхлыми слоями с включением органических остатков, керамики и костей животных.

Теперь остановимся на соотношении всех этих стен, для чего необходимо обратиться к рассмотрению заполнения улицы. Тогда отложенный над материком, обнаруженный на уровне 72—93 см, достигает в центральной части улицы 3,2 м, уменьшаясь по направлению к центральной магистрали до 2—2,2 м. В этих напластованиях различается 12—14 поверхностей. Каждая из них представляет собой однородную глинистую прослойку толщиной 15—20 см. В западном шурфе 9 нижних откосы к периоду существования древней стены квартала А, верхние, просевшие в середине гумусные слои образовались, как указывалось, в последний период существования города. Керамичка из наслоений на уровне от материка

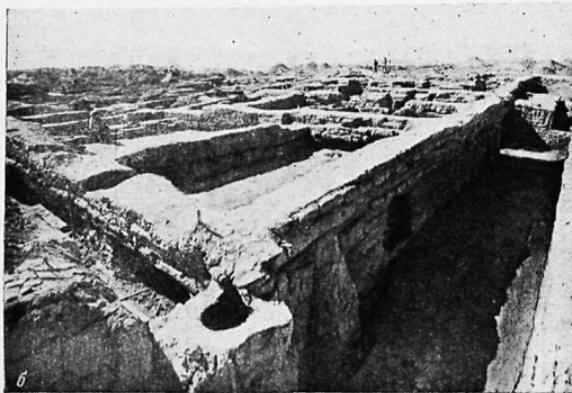
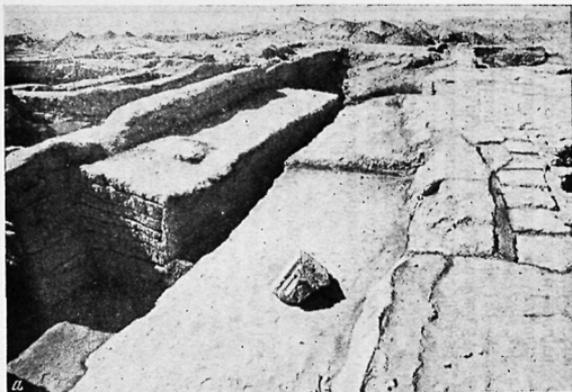

Рис. 9. Раскопки улицы 1 между кварталами А и Б

а — траншея вдоль мощной кирпичной стены, ограничивавшей улицу с севера; б—в — северная сторона квартала Б; г — вход в квартал Б. На первом плане — мощная кирпичная стена, ограничивавшая улицу с севера

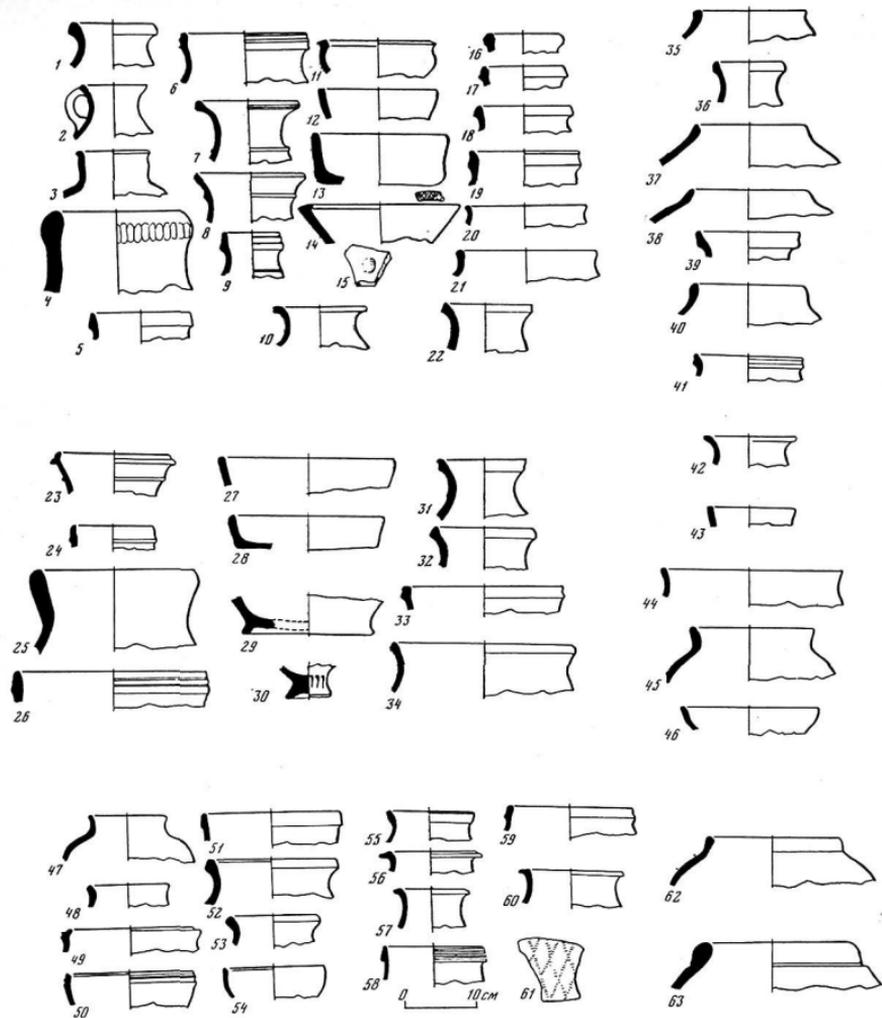

Рис. 10. Керамика из наслоенной улицы 1 между кварталами А и Б

1—22 — уровни двух верхних стен на северном фасаде квартала Б; 23—46 — уровень 3-й стены; 47—63 — уровни ниже основания 3-й стены; 2, 3, 15, 20, 29, 30, 44, 47 — лепные сосуды

до основания нижней стены на северном фасаде квартала Б (208 см) отличается от верхней хорошим качеством изготовления, она тонкостенна и красноангобирована. Много фрагментов лощеной посуды. Керамика из слоев от уровня 200—230 см до 314 см демонстрирует постепенное ухудшение качества (рис. 10).

В восточном конце улицы, где вскрыто 12 поверхностей, шесть нижних уходит под кромку нижней стены на северном фасаде квартала Б. Найденная в этих слоях керамика синхронона посуде из шурфа и отличается от верхней наличием светлоглиобитрованной посуды кой-крылганского типа, как это отмечалось выше при описании посуды из нижних слоев шурфа у западной крепостной стены. В верхних горизонтах города ее нет, и поэтому она не может, по нашему мнению, датироваться временем позже III в. н. э. Следует указать также, что над шестой поверхностью улицы, уже упоминавшейся выше, найдены монеты типа B²⁰ и B²¹, которые Б. И. Вайнберг относит к выделенному ею первому хронологическому комплексу (I—III вв. н. э.). Для понимания стратиграфического членения города чрезвычайно важно указать, что эта шестая поверхность улицы подходит к кроме разрушенного края древней стены, являвшейся северной границей улицы.

Таким образом, стратиграфическая граница между нижним и средним (II) горизонтом в наслоениях улицы и ограничивавшими ее стенами проявляется довольно четко. Она лежит в уровнях 200—220 см. На этот уровень поставлены стены субструкционных клеток цоколя храма I в квартале А. Однако отдельные фрагменты внутри этих клеток, в нижних слоях у древней стены, позволяют предположить, что внутри квартала А могут быть слои более ранние, нежели открытые в квартале Б на расположенном нами участке.

В заключение следует упомянуть, что над нижней поверхностью улицы лежит слой белой золы и пепла 20—30 см толщиной, выклинивавшийся у центральной улицы. Но его нет в слоях на улице 2. Вероятно, он связан с культом, которому был посвящен храм 1, однако могла быть и вторая причина, объясняющая его появление: как будет показано ниже, храм погиб при пожаре.

Планировка застройки кварталов. Квартал Б. *Нижний, 1, горизонт.*

Наслоения нижнего горизонта в квартале вскрыты лишь в юго-восточном его углу на площади 106 кв. м, впоследствии занятой почти более поздними помещениями V—1—V—6 V—7 и в отдельных шурфах. Поэтому первоначальная планировка квартала пока нам практически неизвестна, хотя имеются основания полагать, что она сильно отличалась от застройки горизонта II. Прежде всего, как уже указывалось, в этот период еще не было слитной и регулярной застройки. Далее, существовала какая-то иная система связей с улицами: позднейших коридоров II—7 и VI—5—VII—4 в этот период еще не было¹³. Они об-

разовались на месте каких-то помещений. Вместе с тем на отдельных участках планировка оставалась стабильной, и новые стены (горизонта II) продолжают направление нижних, являясь их надстройкой (рис. 11). По ряду признаков можно предполагать, что некоторые помещения были богато украшены: в выходах нижнего слоя, проступавшего через разрушенные последние полы помещений горизонта II, обнаружены крошки и даже куски алебаstra (помещения V—9, VI—13 и др.).

В небольшом шурфе, заложенном в помещении VI—13 для зачистки основания северной стены, обнаружена каменная база колонны, на которую данная стена была поставлена. База имеет горшковидную форму и не отличается от найденных в храмовом здании в квартале А и вокруг него. Следовательно, можно думать, что в самую древнюю застройку квартала были включены залы, отделанные алебастром, с колоннами из каменных баз и в целом жилища были отделаны гораздо богаче, чем в более поздние периоды жизни в квартале. Однако о самих древнейших жилищах мы пока почти не имеем сведений.

В силу своей специфики территория, занятая раскопом V, где вскрыт нижний горизонт, не дала типичной картины последовательности напластований в квартале и смены планировки. Наблюдаются периоды, когда это пространство не застраивалось: возможно, что в данное время здесь существовал большой двор или площадь. Древние стены, обнаруженные только на месте позднейших помещений V—6 и V—7, сложены из сырцовых кирпичей, размеры которых из-за плохой сохранности стен определить не удалось (см. рис. 11). Они сохранились на высоту до 1 м, причем толщина южной стены, обращенной на улицу 2, необычно велика — 1,5 м, она намного превышает обычную толщину стен, равную 0,8—0,9 м. Здесь, как и всюду на данном участке, зачищены два пола (см. рис. 5з). Верхний представлял собой плотную глиняную обмазку, над которой почти на всем участке лежал неоднородный слой с линзами песка, комками обгорелой глины, угольками, осколками. Посредине сохранились остатки разрушенной кирпичной кладки с вставленным в нее хумом. Кое-где зафиксированы ямы от столбов и столбиков, может быть, поддерживавших какие-то навесы. Нижний пол представлял собой плотную утоптанную поверхность. На этом уровне тоже отсутствуют какие-либо детали внутренней планировки, за исключением очага, открытого близ упомянутой мощной кирпичной стены, отделявшей двор от улицы 2. Очаг имел округлую форму, диаметр 30 см, высота стенка 35 см. Дно слегка углублено в пол. Ря-

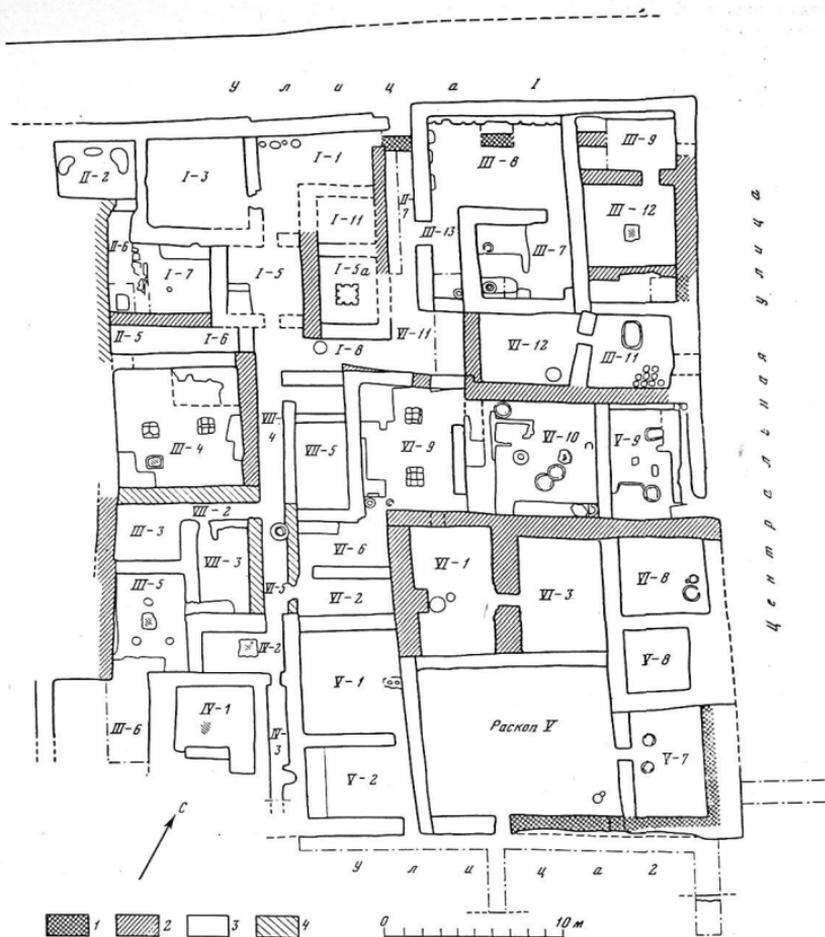

Рис. 11. План квартала Б. Горизонт II, первый строительный период

1 — стены, стоящие на материке; 2 — уровень оснований стен — 130—170 см; 3 — уровень оснований стен — 200—300 см; 4 — надстройки стен или уровень их оснований выше 240 см. Основания стен помещений IV-1, IV-2, III-5, V-1 и V-2 не выявлены. Штрихпунктиром обозначены траншеи и шурфы

дом — другое углубление овальной формы со слегка опаленными, обмазанными глиной стенками. Сюда, по-видимому, выгребались угли из очага. В слое, заполнявшем помещение, найдены костяные накладки от луков. Кости со следами обработки обнаружены также на соседнем участке, впоследствии занятом помещением V-5. Слой над полом здесь оказался сплошь забитым фрагментами керамики и

костями животных. Встречались костяные накладки от луков и в примыкавших к юго-восточному углу квартала слоях двух улиц, а также на участке двора, впоследствии занятом помещением V—4. Эти находки и специфика слоя, о которой говорилось выше, позволяют предположить, что где-то здесь находилась мастерская по изготовлению луков. Следует отметить, что в слоях помещения V—4 на уровне пятого пола найдена чрезвычайно интересная костяная статуэтка, изображающая женщину в длинном одеянии (см. подробнее главу IV).

II горизонт. Первый строительный период. В этот период на раскопанной части территории квартала существовала слитная застройка. Раскопано около 50 помещений, высота стен которых достигает полуметра и более. Их сравнительно хорошая сохранность дала возможность определить расположение дверных проемов и выявить определенные закономерности в планировке квартала.

Можно считать установленным, что не менее 15 помещений вместе с коридорами и дворами составляли тогда один большой комплекс. Это помещения III—3, III—5, III—6 и VII—3; IV—2, VI—2, VI—6, VI—9, VI—10 и VI—11, а также, возможно, VI—1 и VI—3; VII—5, I—5, I—5a, I—3, I—1 и I—11; III—13, III—7 и III—8. Не исключено также, что на каком-то этапе истории комплекса в его состав входил большой зал III—4. Представляется вероятным, что это было одно большое домовладение. В слитной планировке комплекса все же можно выделить небольшие группы взаимосвязанных помещений, объединявшихся системой коридоров VII—2, VI—5, VII—4, I—8 и II—7. Когда-то сквозная, она соединяла выходы на улицы 1 и 2, ограничивавшие жилой квартал Б с севера и с юга (см. рис. 11).

На центральную улицу выходили не связанные с основным комплексом помещения III—9 и III—12; III—11 и VI—13; V—8, V—9 и VI—8. Юго-восточный угол, где первоначально находилась мастерская по изготовлению луков, по-прежнему не был застроен. Помещения II—2, II—6, II—5 и III—4 относились к застройке, расположенной западнее комплекса и пока не вскрытой.

В многокомнатном домовладении центральными по значению были помещения VI—9 и VI—10. Первое — большой (8×5 м), видимо, парадный зал, в котором последовательно расчищены четыре пола (от уровня 260 до 232 см), но лишь самый нижний из них относился к рассматриваемому горизонту.

На четвертом полу¹⁴ по длинной оси помещения (север—юг) располагались две кирпич-

ные выкладки размерами 40×40 см и высотой в два кирпича (20 см). По-видимому, они служили основаниями колонн, поддерживавших кровлю. Весь северо-западный угол помещения занимала квадратная кирпичная вымостка (2,2×2,2 м), к середине южной стороны которой примыкал кирпичный выступ длиной 50 см и шириной в один кирпич.

Высота этой вымостки-суфы равнялась 50 см. В юго-западном углу помещения также находилась кирпичная вымостка размерами 1×1 м с выемом-ступенькой, может быть, для удобства сидения. Против выема в пол до венчик выкопан хум, сохранившийся целиком, а рядом с ним — большой широкогорлый сосуд. От кирпичной вымостки почти до северо-западного суфы вдоль стены тянулась кирпичная высокая полочка шириной 25 см.

В помещении собрано небольшое количество фрагментов столовой красноглиняной и красноангробрированной посуды. В целом же оно производит впечатление чистого парадного зала, служившего для отдыха и приемов. Отсутствие очагов, относящихся к этому полу, позволяет предположить, что это было летнее помещение. Четырьмя проходами оно связано с целой группой других помещений, что лишь раз подчеркивает его роль средоточия жизни обитателей всего домовладения. Посредством дверного проема в восточной стене описанный двухколонный зал сообщался с обширным хранилищем VI—10 размерами 7,2×7,2 м. Вся его площадь оказалась занятой остатками разновременных хумов, четыре из которых относятся к рассматриваемому периоду. Близ западной стены этого хранилища находилась широкая и низкая кирпичная суфа, а вплотную к ней был пристроен заком из трех ячеек, сделанный из поставленных на ребро сырцовых кирпичей. В юго-восточном углу помещения возле узкой суфы-полки, идущей вдоль южной стены, обнаружен маленький подковообразный очаг размерами 40×50 см и высотой 5 см. Скорее всего, это след от ставившейся сюда жаровни, пол под которой прокалился и был покрыт легким слоем золы и угольков. Над полом найдена монета типа B²10, а в заполнении над ним — несколько более поздняя — B²19, видимо, попавшая сюда из верхних наслоений (рис. 12).

К югу от описанной группы находится ячейка из двух помещений — VI—1 и VI—3, на первых этапах раскопок казавшаяся совершенно загадочной ввиду полного отсутствия дверных проемов во внешних стенах. Понски их были затруднены неоднократными ремонтами этих стен, построенных, как выяснилось, ранее соседних, причем при застройке смежных участков квартала менялись назначения

Рис. 12. Помещения VI—9 и VI—10 (на первом плане)

составных частей ячейки и ее связь с соседними помещениями.

Так, в частности, при позднейшем строительстве в юго-западном углу квартала (раскоп V) оказалась нарушенной южная граница помещений VI—1 и VI—3. Поэтому их взаимосвязь с соседними во всех подробностях не выяснена. Но все же удалось установить, что на одном из этапов строительства, может быть, не сразу, в поздний период истории Топраккалы, в северной части помещения VI—1 был сделан проход, соединивший его с залом VI—9. Последовательность напластований на данном участке квартала позволяет предполагать, что именно к этим двум помещениям в более позднее время перешла роль парадного зала и соединенного с ним большого хранилища, которую ранее играли помещения VI—9 и VI—10. Облик их в рассматриваемое время остается неясным. Следует лишь отметить, что данная двухкомнатная постройка (VI—1 и VI—3) с очень мощными стенами существовала долго, возникнув, вероятно, еще в период, соответствующий горизонту I.

К западной стене «центрального ядра» комплекса примыкали небольшие помещения VI—2, VI—6 и VII—5, соединявшиеся с парадным залом VI—9 и имевшие, видимо, подсобное назначение. На уровнях 239 и 243 см в них не было никаких деталей внутренней планировки.

Юго-западную часть комплекса занимали помещения VII—3, III—3, III—5, III—6. Они отличались сравнительно крупными размерами (от 15 до 20 кв. м) и имели прямоугольные или квадратные очертания. Основным по значению в этой группе было, вероятно, помещение III—5, представлявшее собой жилую комнату площадью около 20 кв. м. В ней вскрыто восемь уровней полов, два из которых относились к рассматриваемому горизонту. На уровне нижнего (230 см) посредине помещения была низенькая вымостка-очаг размерами 1×0,8 м, высотой 0,3 м, с опаленной и углубленной серединой. Вокруг нее стояли, видимо, три сосуда, в расположении которых есть какая-то непонятная симметрия. Никаких следов от них, однако, не сохранилось, за исключением трех округлых ям диаметром около 0,4—0,5 м. На полу найдены осколки нескольких красноангобированных чаш и другой столовой посуды, а также мелкие хорезмийские бронзовые монеты, к сожалению, нечитаемые. Возле южной стены находилась низенькая суфа-«скамейка» шириной 1 м, через которую вел проход в помещении III—6. Дверными проемами в южной и восточной стенах данное помещение было связано с соседним. Самое большое из них — помещение III—6 площадью около 24 кв. м. — по уровню рассматриваемого горизонта не вскрыто. В последний период существования квартала здесь было сосредоточено большое количество хумов, частично врытых в кладку более ранних стен, относившихся к данному горизонту.

Другое помещение — VII—3 — очень чисто, с узкой суфой «скамейкой» вдоль южной стены. В нем также найдены фрагменты столовой краснооглибованной посуды (но изготовленной из грубого глиняного теста), среди которой много чаш и мисок.

Помещения III—3 и IV—2, также расположенные в юго-западной части вскрытого участка квартала, непосредственно с описанными связаны не были. К первому из них подвиг коридор VII—2, второе являлось проходным, располагаясь на оси коридора VI—5 — VII—4 и IV—3. Если назначение помещения III—3 трудно определить ввиду отсутствия сколько-нибудь характерных признаков в интерьере или составе находок, то помещения IV—2 размерами 4,5×2,5 м, несомненно, жилое. В центре его на полу (седьмом по счету, уровень 224—237 см) находилась четырехугольная очажная вымостка с опаленной поверхностью. Помещение отличается тщательностью отделки. При ремонте полов поверхность покрывалась слоем плотной глины с саманом; такой же обмазкой покрыты неоднократно ремонтировавшиеся стены. В слое над полом найдено лишь небольшое количество столовой посуды. Коридор VI—5 — VII—4 (рис. 13, а) соединял описанные помещения с северной частью комплекса, состоящей из помещений I—5, I—5а, I—11, и I—3 и I—1, где мы сталкиваемся со следами значительных перестроек, неоднократно происходивших здесь на всем протяжении существования квартала. Планировка участка по рассматриваемому горизонту восстанавливается сугубо предположительно, так как часть его площади закрыта нагромождением верхних стен и испорчена врытыми в них еще более поздними хумами. К тому же и в период, соответствующий горизонту II, здесь происходили серьезные перестройки, менявшие всю систему взаимосвязи помещений и саму планировку. Стены частично или полностью срубались, а затем через какое-то время на поверхность срубленной кладки без какой-либо выраженной слои перебивки клались новые кирпичи. Так, при расчистке фасада северной стены помещения I—5 выявился торец стены, шедший в направлении юг—север и прослеживавшийся на соответствующих уровнях в помещениях I—5б и I—1. В результате удалось установить, что при строительстве помещения (см. рис. 16) I—5б был срублен юго-восточный угол первоначального помещения I—3, изменившего свои размеры и конфигурацию. Перестройки, относящиеся к последним периодам существования квартала, полностью изменили и облик помещений I—5 и I—5а; в частности, был разрушен юго-восточный угол последнего, просле-

женный лишь при расчистке поля в помещении VI—11. В результате произведена с учетом всех этих этапов строительства на данном участке реконструкция его история восстанавливается следующим образом. Первоначально композиционным центром данной группы помещений был крытый, почти квадратный дворик I—5 размерами 4,2×4 м, связанный с системой коридоров проходом в южной стене. Эта стена сильно повреждена поздней ямой: обнаружены лишь бесформенные останки кирпичной кладки. Однако проход в середине ее выявлен достаточно убедительно благодаря культурному слою над полом.

Юго-западный угол дворика занимала высокая (до 50 см) кирпичная суфа размерами 1,75×1,75 м. Как показали раскопки других помещений, такие угловые суфы были типичны для застройки горизонта II. Такая же суфа открыта, например, в зале VI—9 и в помещении III—7 (рис. 13, б).

Дворик I—5 сообщался с прочими помещениями описываемого комплекса посредством Г-образного коридора I—4, возможно, использовавшегося и в качестве хранилища. Вдоль его северной стены открыты расположенные в один ряд четыре округлые углубления диаметром 20—23 см — скорее всего, от стоявших здесь небольших сосудов. Однако поскольку никаких фрагментов керамики в них не сохранилось, возможна и другая версия: в ямах укреплялись основания столбов, поддерживавших навес — айван, открывавшийся на улицу. Это тем более вероятно, что северная стена коридора оканчивается на уровне данного пола и могла быть поставлена позже (см. рис. 13, в).

Облик остальных помещений данной группы, к сожалению, выявлен пока не во всех подробностях. В обширной, почти квадратной комнате I—3 размерами 5,4×5,5 м рассматриваемый уровень еще не вскрыт полностью. Ясно лишь, что она была жилой: в ее центре прослеживаются очертания большого кострища. Два других помещения (I—5а и I—11) вскрыты, как указывалось, лишь небольшими участками, свободными от останков верхних стен. Поэтому осталось непонятным, как они сообщались с остальными помещениями — скорее всего, проходы были в их северных стенах. Первое из этих помещений являлось, судя по наличию в его центре четырехугольной очажной вымостки, жилой комнатой; назначение второго не ясно.

Описанную группу помещений с южной и восточной сторон огибали коридоры I—8 и II—7, на месте стыка которых находился дворик VI—11 (рис. 13, г). В этом дворике размерами 4×6 м расчищено шесть полов, снята толща наслоений, равная 1,2—1,4 м. С каждым

Рис. 13. Помещения в квартале Б
а — коридор VI-5—VII-4; б — помещение I-5; в — помещение I-11; г — помещение VI-11

уровнем детали интерьера менялись; происходили перемены и в очертаниях помещения. К рассматриваемому времени относятся полы 4 и 5 (240—260 см), по существу представляющие одну неровную, местами сильно ремонтированную поверхность, состоящую из многих глиняных обмазок, кое-где разделенных слоем плотной глины толщиной 20—25 см.

Из дворика VI—11 через коридор II—7 можно было попасть в северо-восточную часть комплекса, в которую входили помещения III—13, III—7 и III—8. Основным в этой группе было помещение III—7. В нем расчищено пять полов (от отметки 306 до 220 см). По уровню 220 см помещение III—7 имело размеры 4,6×4,4 м (см. рис. 14б). Весь его северо-западный угол занимала суфа площадью 2,4×2 м и высотой 25 см, сложенная из сырцовых кирпичей и покрытая плотными глиняными обмазками. В ее край вмазан круглый керамический очаг диаметром 40 см и глубиной 25 см. Очаг имел поддувало в виде канала шириной 10 см. В юго-западном углу комнаты, между суфой и стеной, находилась четырехугольная яма размерами 1×1,8 м и глубиной около 50 см. Эту часть помещения от остальной площади отделяла кирпичная перегородка, участки которой были разной толщины, не смыкались и смежены с одной линией. В яме стоял хум, а на суфе — красноангобированный горшок. Пол почти на всем пространстве южной части помещения покрыт толстым рыхлым гумусным слоем, окрашенным в зеленовато-коричневый цвет. В слоях над третьим и четвертым полами (уровень 220—246 см) найдены бронзовые хорезмийские монеты типа B²VI/6. Помещение занимало юго-восточную часть большого двора III—8. Площадь его превышала 47 кв. м. Над всей поверхностью западной части двора прослеживается тонкий слой золы и угольков, но весьма слабые следы горения наблюдаются лишь местами. Вероятно, сюда выбрасывали золу из печки в соседнем помещении III—7. Вдоль западной стены двора обнаружены несколько ям округлой формы, а на стене — три небольших четырехугольных выступа. В юго-восточном его углу был устроен водосток из двух вставленных один в другой сосудов. Нижний — большой хум без дна — стоял в яме, края которой и соседние участки пола были укреплены обломками сырцовых кирпичей. Фасады стен двора запечатлели следы многочисленных ремонтов. Северная стена двора, являвшаяся стеной квартала, на уровне 277 см носит следы надстройки, причем нижняя стена выступает внутрь помещения. Она сильно разрушена: ее верхняя кладка срублена и использована для устройства очажка и двух ям хозяйственного значения. Следы

алебастровой штукатурки в слое над поверхностью двора в западной части, существенная перестройка стен, остатки каких-то гладкоштукатуренных поверхностей на этом участке фасада квартала, выходящего на улицу 1, позволяют предполагать большие перемены на данной территории, о первоначальном облике которой можно только догадываться.

Теперь обратимся к прочим помещениям, на протяжении всего периода не входившим в описанный комплекс, а располагавшимся изолированно или маленькими группами. Как правило, они были обращены на улицы. На центральную улицу выходили двухкомнатные ячейки VI—12 и III—14, III—12 и III—9, а также изолированные помещения V—9, V—8, VI—8 и V—7. В помещении VI—12 общая толщина наплавставаний над шестью полами составляла 1—1,5 м. Два нижних уровня относятся к рассматриваемому горизонту. Размеры помещения 4,2×5,5 м.

Основной пол по уровню 240 см очень неровен, сильно понижается по направлению к западной и восточной стенам. Близ северо-восточного угла стоял хум, возле которого — врытый в пол небольшой красноангобированный сосудик, раздробленный при разрушении стен помещения. Тут же лежали обломки лепного горшка и маленького лепного сосудика-игрушки. Стены помещения поставлены на уровень, где происходит, видимо, «перебивка» слоев: простирает кладка стены нижнего горизонта, на поверхности которой лежал монета B²V/4, а чуть выше — кушанская (Васудева). Уровень этот не сохранил никаких следов обживания, зафиксированы лишь три округлые ямки, видимо, от небольших колышков. Помещение III—11, соединенное проемом с вышеописанным, расчищено по уровням четырех полов (280, 260, 248 и 224 см). Верхние два пола относятся к более позднему времени. По уровню пола 3 помещение было пустым. Над полом лежал 30—35-сантиметровый слой плотной комковатой глины с вкраплениями песка. В нем найдены небольшая бронзовая монета типа B²VI/2, обломки керамики и костей. Северная стена ниже этого пола не продолжается, видимо, была перестройка.

Значительную часть площади пола 4 занимала большая четырехугольная яма со скругленными углами размерами 220×90 см, глубиной 17—25 см. Яма заполнена серым мелкозернистым песком. Над этим полом также найдена небольшая бронзовая монета типа B²VI/6. Глубина помещения до этого уровня равна 65 см. Выход из него, скорее всего, находился в восточной стене и вел на центральную улицу (см. рис. 14, в и 15, е).

Рис. 14. Раскопки в квартале Б
а — помещения II-7; б — помещения III-7 и III-12; в — помеще-
ние III-11; г — помещения III-9 и III-12

В соседней группе большое помещение III—12 на протяжении своей истории меняло очертания. Первоначально было квадратным (5,1×5,1 м), затем южная стена была передвинута, и образовалось еще более обширное, теперь уже прямоугольное помещение размерами 7×5,1 м. В нем расчищено четыре пола, напластования над которыми составили 95 см — у западной стены и 70 см — у восточной. Уровни полов: 1-го — 276 см; 2-го — 251; 3-го — 241; 4-го — 224 см. Два нижних относятся к рассматриваемому горизонту. На полу 3 почти посредине квадратного зала находилась кирпичная квадратная выкладка — очаг размерами 90×90 см и высотой 15 см (рис. 14, з). Глубже, на полу 4, вместо этой выкладки было кострище, оставшееся большой опаленный след, присыпанный золой и угольками. Впечатление наиболее разрушенной производит западная стена: кладка неровная, кирпичи положены нерегулярно, отдельные выступают, нарушая гладь фасада. Можно было даже проследить очередность возведения стен помещения; южная и северная строились позже западной, причем последняя в месте стыка слегка подрублена. Из-за разрушенности стен система кладки выявлена лишь на отдельных участках. Установлено, что верхняя северная стена сложена из сырцовых кирпичей размерами 35×35×9(10) и 37×37×9(10) см с растворами, толщина которых равна 3—7 см.

В очень небольшом смежном помещении III—9 оказалось гораздо меньше наслоений, что и кажется впечатлением, что в какие-то периоды оно было заброшенным. Признаки существования наблюдаются только над полом 3 (248 см), когда на нем была сделана кирпичная выкладка размерами 80×40 см и высотой 20 см, расположенная близ северо-восточного угла помещения (рис. 15, а, з).

По полу 4 (215—220 см) помещение имело более жилой вид: близ западной стены в поверхности пола расчищены три округлой формы ямы, в которых находились остатки кувшин. В северо-западном углу накопился золю-гумусный слой. Третий и четвертый полы связаны с перестройкой северной стены, являвшейся одновременно северной границей квартала. Она несколько выступает внутрь помещения, отклоняясь от направления верхней стены.

Помещение V—9, отделявшееся от соседнего толстой, неоднократно наращивавшейся стеной, сообщалось с улицей посредством небольшого широкого дверного проема (1,2 м) с кирпичным порогом. Оно отличалось большими размерами (6,7×4 м) и необычностью облика. Весь пол в нем изрыт углублениями, причем некоторые довольно правильной формы и ка-

жутся следами от каких-то стоявших здесь предметов. Местами заметны пятна огня и золы. Вдоль всей восточной стены встречаются осколки алебаstra. Некоторые признаки позволяют думать, что им была отделена поверхность стены нижнего горизонта. Эта стена, являвшаяся внешней границей квартала со стороны центральной улицы, вообще претерпела значительную перестройку. По-видимому, ее пришлось укрепить, поставив снаружи дополнительную кирпичную стену, причем между обоими массивами кирпичной кладки образовалась большая щель. Перестраивалась и северная стена, толщина которой достигла 1,6 м (рис. 15, б).

Смежное с описанным помещением VI—8, видимо, строилось в несколько более раннее время (но в пределах данного горизонта) и первоначально должно было входить в один комплекс с помещениями VI—I и VI—3, будучи объединенным с ними общей северной стеной, поставленной на уровень 145 см. Однако последующие перестройки изменили первоначальную схему: ее нарушило появление помещения V—8, неоднократно изменявшего свой общий абрис. На уровне второго пола (206 см) в этом последнем найдено большое число костей животных, в том числе рога оленей и других копытных, носящие следы обработки. Напомним, что подобные предметы встречались и в нижнем слое помещения V—5. Не исключено, что это следы какого-то ремесла. Помещение VI—8 также не совсем обычно. Здесь на втором полу (179—210 см) рядом находились два очага. Конструкцию их восстановить не удалось, так как сохранились лишь заглубленные в пол основания очагов, имевшие округлые очертания. Диаметр большого 55 см, меньшего — 25 см, глубина — 15 см. Пол почти на всей площади этого сравнительно небольшого помещения опален до красноты и засыпан золой, углями, сажей. Находок почти нет, лишь в одном из углов — маленький жернов (диаметром 35 см). Возможно, перед нами — остатки небольшой пекарни. Далее, в юго-восточной части квартала значительный по площади участок был не застроен, лишь в самом углу, судя по остаткам выгораживавшей его стены, существовало обширное помещение V—7, в котором стояли два хума.

На улицу 2, между кварталом Б и более южным, обращено еще три помещения, два из которых — V—1 и V—2 — составляли изолированную ячейку, связанную только с улицей. Первое из них являлось крытым двориком площадью около 30 кв. м, у восточной стены которого находился очаг в виде возвышения с двумя опаленными округлыми углублениями. Размеры очага 1,3×0,7 м, диаметр углублений

Рис. 15. Раскопки в квартале Б
а — помещения III-9 и III-12; б — помещение V-9; в — помеще-
ние III-11; г — помещения III-9 и III-12

0,3 м. В помещении V—2 вдоль западной стены шла суфа из сырцовых кирпичей шириной 1,2 м и высотой около 0,2 м. Помещение IV—1, отделенное от описанных узким коридором IV—3, соединявшим с улицей 2 многоквартирный комплекс, также, видимо, сообщалось с этой улицей, однако выход из него не найден. Предполагается, что он находился в его юго-восточном углу и был заложен сырцовыми кирпичами или эта кладка являлась высоким кирпичным порогом, поверхность которого слилась в одну плоскость с поверхностью разрушенной стены.

В этом помещении в целом сняты наслоения над восемью полами. В период существования нижнего по уровню 224—257 см оно было сугубо жилым. В центре его зафиксированы следы кострища, рядом с ним, вдоль южной стены, шла узкая кирпичная суфа, а близ юго-восточного угла в стене была глубокая ниша. Тот же план сохранялся и на более высоком уровне пола 7.

Осталось сказать несколько слов о застройке в северо-западном углу раскопанной части квартала. Здесь находятся помещения III—4, II—5, II—6—I—7 и II—2. Первое из них наиболее интересно. Это — большой зал площадью 6×7,5 м, планировка которого во многих деталях сходна с интерьером зала VI—9, но гораздо хуже сохранилась из-за большого количества перестроек на данном участке. Так же как и в этом последнем, по линии центральной оси помещения III—4, ориентированной, однако, не на север—юг, а на запад—восток, расположены две четырехугольные выкладки размерами 1×0,9 м, являвшиеся основаниями колонн. Северо-восточный угол занят большим кирпичным массивом высотой 35 см — по-видимому, суфой того же типа, что и в помещениях VI—9 и III—7, но с неровной поверхностью и рваными краями. Отчетливые границы этого массива становятся на уровне следующего, более нижнего пола (212 см), но тогда планировка помещения была другой. Вымосток под колонны не было, близ южной стены находился овальный очаг, обведенный глиняным бортиком (на плане очаг и вымостки совмещены). Юго-восточный угол на протяжении всего этого времени был занят узкой вымосткой — «скамейкой» в форме буквы Г, сложенной из сырцовых кирпичей. Дверной проем, видимо, находился в северной стене и вел из этого помещения в узкий коридор II—5, выводивший на запад, в еще не вскрытый участок застройки. Он перекрыт кирпичной стеной, поставленной на уровне 252 см и продолжавшей направлением глухой кирпичной же стены, являвшейся западной границей раскопанной части квартала, построенной одновременно и

поставленной на остатки более ранних стен, также составлявших одну линию.

Помещение II—6 (I—7) в рассматриваемый период осваивалось лишь эпизодически: только на одной из расчищенных внутри него поверхностей (уровень 241 см) есть остатки узкой кирпичной суфы близ северной стены и слабый след кострища в северо-восточном углу. Над этой поверхностью выступает массив кирпичной кладки, оказавшийся, как указывалось, гребнем старой стены, возможно, использованной какое-то время в качестве западной границы помещения прежде, чем поставили новую стену, перегородившую коридор II—5. После строительства данной стены помещение было совсем заброшено. Нежилым по этому уровню являлось и соседнее помещение II—2, отгороженное от описанного кирпичной стеной и забутованное обломками сырцовых кирпичей. Поверхность забутовки изрыта ямами.

Итак, в раскопанной нами трети квартала B по уровню горизонта II (220—240 см) располагалось обширное домохозяйство, состоявшее из 15—20 помещений и включавшее большую двухколонный парадный зал и крупное по размерам хранилище, вокруг которых объединялись несколько ячеек с одним или двумя жилыми помещениями и несколькими подсобными, а также с двориком. На центральную и боковые улицы выходили не сообщавшиеся с этим комплексом помещения, часть которых была, видимо, связана с ремеслом.

Второй строительный период. В последующий период вся описанная выше система застройки постепенно меняется. Часть помещений была заброшена, другие поддерживались многократными ремонтами и лишь на некоторых участках велось новое строительство. В целом интенсивность жизни была ниже, чем прежде. Рассмотрим, какие изменения произошли в описанном выше многоквартирном комплексе (рис. 16).

К этому времени приходит в упадок двухколонный зал VI—9. Здесь накапливается рыхлый с гумусом слой, в которой постепенно погружаются вымостки под колонны и суфы. Та же картина наблюдается в соседнем хранилище VI—10. Расчетка заполнившего помещение рыхлого слоя, в котором различаются четыре утопанные поверхности, показала, как постепенно скрывались под ним заком и суфы. Над четвертым полом (уровень 235—238 см) уже виднелась только одна из трех ячеек закрома, третья поверхность перекрыла и ее, спрятав также почти целиком суфу у западной стены. Может быть, упадок прежнего «ядра» домовладения был вызван тем, что теперь им становится приспособленная для нового обитания старая постройка из двух помещений —

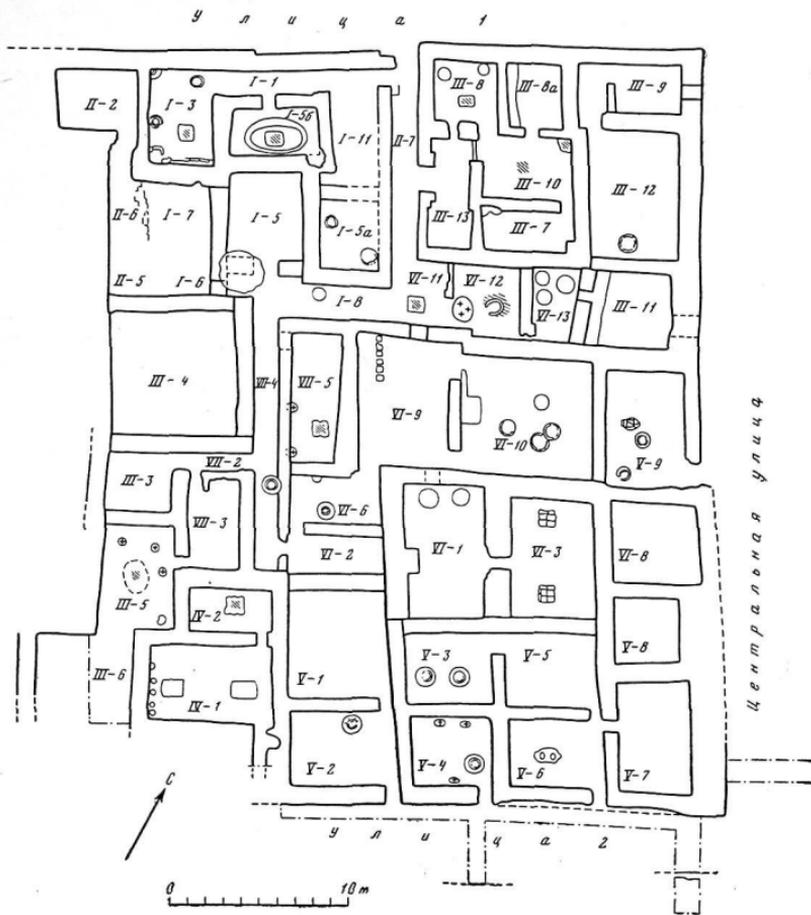

Рис. 16. План квартала Б. Горизонт II. Второй строительный период

VI-1 и VI-3. Последнее размерами $7,7 \times 4,4$ м воспроизводит зал VI-9, хотя и не во всех подробностях: нет кирпичной угловой суфы и других вымоستок. Однако оно также двухколонное, и основаниями колонн служили кирпичные вымостки, расположенные по центру помещения на оси север—юг. Одна из вымоستок

была квадратной ($0,9 \times 0,9$ м), другая — прямоугольной ($0,9 \times 0,8$ м), причем сохранился только один ряд кирпичей по высоте, хотя они должны были быть выше. Не исключено, что помещение было отделано алебастром, остатки которого встречались в завале. Следует отметить, что уровень пола с кирпичными выкладками много глубже соседних (как и на всем участке в юго-восточном углу квартала). Он равен 175 см. Поверхность пола через дверной

проем, соединявший помещения VI—3 и VI—1, переходила в более высокий уровень (197 см).

Второе помещение данной ячейки — VI—1 — на всем протяжении своего существования являлось хранилищем. Все слои в нем перерезаны ямами от стоявших в них хумов, днища которых находились на разных уровнях. Выделить относящиеся к рассматриваемому периоду было сложно, так как все они изготовлены из грубопомешанной глины с большой примесью дресвы. Однако есть основания полагать, что в это время хумы концентрировались у северной стены: на месте сохранились днища двух сосудов, но, судя по наличию многочисленных обломков, их было больше.

В связи с упадком зала VI—9 большие изменения претерпели и связанные с ним подсобные помещения VI—2 и VI—6. Первое, видимо, было заброшено, а во втором над полом накапливаются коричневатозеленые гумусные слои. В рассматриваемое время в нем стоял большой хум (рис. 17, а), а у северной стены находился округлый керамический очаг, в котором обнаружены обгоревшие кости животных. Рядом с ним на полу найдена шашлычница, возле хума — железный предмет дисковидной формы с напаянным широким плоским ушком для крепления рукоятки. Предмет похож на скобель или сечку.

В соседнем помещении VII—5 на уровне 265—273 см (полы 6, 7) обнаружена интересная особенность, которая будет встречаться и в других помещениях: две небольшие ямки, вырытые в полу и заполненные костями животных. Ямы уходят под стену, что может свидетельствовать о перепланировках на данном участке. Посредине помещения располагалась кирпичная четырехугольная очаговая вымостка размерами 0,75—0,80 см со слегка опаленной поверхностью. Скопление костей животных в ямке (скорее всего бараньих) зафиксировано и в помещении VI—12, в слое, перекрывающем описанный выше слой первого строительного периода. Рядом с ямой стоял глиняный лепной горшок. В восточной части помещения на полу сохранился след от очага подковообразной формы с невысокими глиняными бортиками (ширина 15 см, высота бортиков 10 см). Возможно, здесь ставилась жаровня с углями. Соседняя маленькая комнатка VI—13 в этот период служила хумханой (см. рис. 17, в).

В юго-западной группе помещений комплекса, расположенной по другую сторону коридора VI—5—VII—4, заметных перепланировок в этот период не произошло. По-прежнему основной жилой комнатой здесь являлось помещение III—5, посредине которого сохранились следы большого кострища, а слой над полом

замусорен различными органическими остатками. В нем много рыбьей чешуи, костей животных, керамики. Костями животных плотно забиты три небольшие ямки в северной части комнаты, вокруг кострища. В одной из ямок возле прохода найдены два небольших красноангобрированных сосуда и детская игрушка — маленький лепной горшочек.

Прочие связанные с этой комнатой помещения (VII—3 и III—3), как и ранее, лишены сколько-нибудь выразительных деталей интерьера, однако культурный слой над полом хранит следы обитания.

Совершенно иной вид приобрела в это время северная группа домовладения, состоявшая ранее из помещений I—5, I—5а, I—3, I—1 и I—11. Благодаря строительству нового помещения I—5б, частично занявшего площадь прежних помещений I—3 и I—4, радикально нарушалась былая композиция. Помещение I—3 сильно уменьшилось (при этом изменились его пропорции) и теперь не было связано с двориком I—5. Отличительной чертой его внутренней планировки являлась четырехугольная очаговая вымостка, расположенная в центре. На уровне пола 8 (259 см) в юго-западном углу помещения находилась кирпичная вымостка размерами 0,7×1,2 м и высотой 15 см, на которой лежали обломки жерновов. У западной стены был врыт хум (сохранилось только его днище). Вокруг него на полу видны ямки от столбиков диаметром 10—12 см и глубиной 15 см. Хум заполнен пеплом, смешанным с землей.

В этой комнате вокруг очага найдено много обломков столовой и кухонной посуды, особенно многочисленны миски. Назначение и облик помещения оставались стабильными на протяжении длительного времени. Путем ремонтов и обновления обмазок полов — а вскрыто три уровня пола (от 259 см до 298 см), — вновь воспроизводился тот же план с центральной очаговой вымосткой, на которую по мере ее разрушения укладывали новые кирпичи, а пол вокруг укрепляли новым слоем глины. В северо-западном углу находился водосток в виде вставленных друг в друга хумов (рис. 18). Новое помещение I—5б, построенное под углом к дворнику, было первоначально почти целиком занято большой, видимо, хозяйственной ямой размерами 2×3 м, глубина которой достигала 84 см. Яма прослеживается на трех нижних полах, дно ее опущено до уровня 196 см (пол 11). Этот последний, очень зольный, хранящий следы огня, уходит под ее основание и под западную стену, также не продолжавшуюся вниз. Именно при расчистке стен данного помещения и были установлены их перестройки, происходившие на уровне

Рис. 17. Раскопки в квартале Б

а — помещения VI-6 и др.; б — помещения III-8 и III-8а;
в — помещения VI-12 и VI-13; г — общий вид раскопок кварта-
ла Б

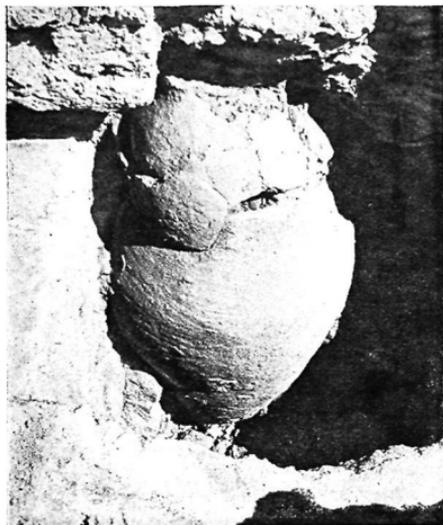

Рис. 18. Водосток в помещении I—3

211—230 см и давшие основание реконструировать первоначальную планировку горизонта II на данном участке.

Следует добавить, что возле западной стены помещения на уровне пола (270 см) найдены две бронзовые и одна костяная ложечки.

В дворике I—5 над полом накопился толстый рыхлый слой с гумусом, поверхность которого, бугристая и неровная, изрыта ямами глубиной 30—35 см. Заполнение их, так же как и слой над полом, — зеленовато-коричневой окраски, насыщено гумусом, обломками кирпичей, керамики и костями животных. Очага нет. Над полом в большинстве случаев вдоль западной стены найдены полусферическая крышка глиняного сосуда, глиняная чаша усеченно-конической формы и шаровидная крупная сердцевидная бусина. В одной из ям близ южной стены обнаружен серебряный кубок (см. рис. 53, 12).

Как выглядели в это время помещения I—5а и I—11 — осталось не ясным, но скорее всего они не использовались по назначению. В первом из них очажная выкладка теперь отсутствовала, а близ юго-восточного угла и у западной стены стояли хумы. Помещение I—11 полностью скрыто нагромождением стен.

Произошли большие изменения и на участке, прежде занятом обширным двором III—8. На уровне 258—293 см он был перегороджен тонкой кирпичной стеной на два помещения, получившие номера III—8 и III—8а. Западная часть двора также превратилась в самостоятельное помещение III—13. В помещении III—8 наиболее обжитым выглядит уровень пятого пола (258—277 см). Посредине почти квадратной комнаты (3,5×3,7 м) тогда располагалась четырехугольная очажная выкладка из сырцовых кирпичей с опаленным пятом от огня посредине. Вокруг нее на полу много золы. У северной стены, вероятно, стояли два врытых до половины тулова в пол сосуда (здесь сохранились два округлых углубления) (рис. 17, б).

В помещении III—8а, примерно тех же размеров, в это время вдоль западной и частично северной стен шло легкое возвышение шириной 60 см и высотой 10—15 см. Как выяснилось при углублении в нижние слои, оно состояло из уплотненной глины. В сообщавшемся с ним помещении III—13 вскрыта толща наслоений над четырьмя полами, равная примерно 0,5 м. Облик помещения несет следы постепенного упадка. Разрушавшиеся стены кое-где ремонтируются, поверхность их неровная, со щелями и вмятинами. В восточной стене сделан широкий проем в перепланированный в это время участок, занятый ранее помещением III—7. Теперь здесь находились два помещения: III—7 и III—10. Последнее из них в уровнях выше 300 см выглядит заброшенным. Только в северо-восточном углу находилось четырехугольное возвышение со следами опаленности. В центре помещения обнаружено небольшое скопление золы и угольков, а пол хранит следы огня. Это было самое просторное помещение в описываемой группе (5,3×4 м). Соседнее помещение III—7, соединявшееся с ним проходом, значительно уже. На его верхнем полу (уровень 300 см) в северо-западном углу обнаружена подставка под жаровню в виде двух положенных плашмя сырцовых кирпичей со слегка обожженной поверхностью. Щель между кирпичами заполнена золой. В юго-восточном углу возвышалась квадратная выкладка из сырцовых кирпичей, уже существовавшая здесь ранее, в период застройки, относящейся к первому строительному периоду горизонта II. Нарушилась также и общая коридорная система, объединявшая в прошлом составные части большого домовладения. В дворике VI—11 появилась очажная четырехугольная вымостка. Южный конец коридора VI—5—VII—4 перегораживается стеной, отделившей от описываемого комплекса помещения IV—1 и VI—2.

Большие перемены произошли и на участке квартала, обращенных к улицам. Помещение IV—1, выходящее на боковую улицу 2, увеличилось и изменило очертания, занимая теперь и площадь коридора IV—3. В этой сравнительно большой комнате (4,5×7 м) на полу возвышались две усеченно-пирамидальной формы кирпичные выкладки размерами 1,3×0,9 и 1,15×0,88 м, высотой до 0,5 м. Выкладки находились на центральной оси комнаты, идущей в направлении запад—восток, причем каждая почти примыкала к соответствующей стене, а между выкладками получался широкий проем, равный 1,2 м. Нет сомнения в том, что выкладки являлись основаниями колонн, повторяя в глине в укрупненном масштабе форму каменных плитов под горшкови́дные базы колонн, подобные обнаруженным в квартале А. Отмеченная выше особенность расположения выкладок близко к стенам, явно не обусловленная конструктивными требованиями (так как для перекрытия помещения не требовалось дополнительных опор в виде колонн), позволяет предположить, что их наличие вызывалось другими целями. Вероятно, парадный облик комнаты определялся ее особым назначением, о котором можно только догадываться. Чтобы завершить описание интерьера помещения, следует добавить, что вдоль западной стены открыт ряд углублений в поверхности пола — видимо, от стоявших здесь сосудов.

В связанном с описанным соседнем помещении IV—2 в это время (по уровню 280 см) посредине находилась четырехугольная кирпичная вымостка с выгоревшим, заполненным золой углублением в центре. Поверхность вымостки вокруг углубления слегка опалена. Отметим особо, что пол в помещении выложен сырцовыми кирпичами, покрытыми несколькими слоями плотной глиняной обмазки с примесью мелкого сапана. Стены помещений ремонтируются и укрепляются положенными плашмя кирпичами. Размеры очажной выкладки 0,9×0,8 м, высота — в один ряд кирпичей. Находки в данном помещении — главным образом фрагменты тонкостенной столовой посуды хорошего качества. Описанная двухкомнатная постройка, безусловно, необычна. Не являлась ли она культовым сооружением, небольшой часовой типа позднейших квартальных мечетей, повторявших план жилых домов и стоявших, как известно, где-либо на перекрестке близ улицы? Только расширенное раскопок поможет ответить на этот вопрос.

Примыкавшие к восточной стене описанной ячейки помещения V—1 и V—2 заметных изменений не претерпевают, лишь в первом

теперь нет очага, а во втором стоял большой хум, врытый в землю. Появляются (вероятно, в самом конце данного периода) постройки и в юго-восточном углу квартала, ранее не построенном. Здесь теперь располагалось пять больших помещений, одно из которых было изолированным (V—4), а остальные составляли единую группу (V—3, V—5, V—6 и V—7).

В помещении V—4 открыто три уровня пола, верхний из которых, выходящий на поверхность и связанный с надстройкой стен, относится к следующему горизонту. При расчистке нижнего пола обнаружена уже неоднократно упоминавшаяся особенность: три небольших ямки, забытые костями животных и перекрыты обмазкой пола. В слое над ним найдены две круглые бусины из дымчатого халцедона и костяная булавка. Здесь же обнаружены несколько мелких бронзовых хозремзийских монет типа B²15—B²17.

В следующей четырехкомнатной группе три помещения — V—3, V—5 и V—6 — близки по площади (около 5×4 м) и очертаниям: они вытянуты с запада на восток. Четвертое — V—7 — ориентировано по длинной оси с севера на юг и несколько больше по площади, равной 7×5,5 м. Центральным по значению в этой группе было помещение V—6. Близ его середины находился большой очаг в виде возвышения размерами 1,7×1 м с тремя опаленными углублениями. Два из них — округлой формы, диаметром примерно 0,3 м, третье — неправильной, шириной около 0,7 м. Очаг очень разрушен и возвышается над полом всего на 0,2 м, видимо, потому топка не обнаружена. Он весьма своеобразен, отличается от обычных для жилых помещений застройки квартала и близкое подобие находит лишь в очаге, обнаруженном в помещении V—1, относившемся к первому строительному периоду данного горизонта.

Необычным оказалось и заполнение соседнего помещения V—5. В этом последнем над несколькими полами (вернее, обмазками одного постоянно отремонтированного и укреплявшегося слоями глины) накопился яркоокрашенный зеленовато-коричневый рыхлый слой толщиной около 0,8 м, из которого извлечено большое количество костей животных и обломков керамики. Напомним, что аналогично выглядел и нижний слой в этом помещении, где были найдены костяные накладки сложносоставного лука, а в соседнем помещении — V—8, в слоях первого строительного периода данного горизонта также встречались обработанные кости животных. Возможно, что все это — разрозненные следы разрушенной мастерской,ступающие на разных уровнях, тем более

что верхние слои здесь тонки и маломощны. Не менее вероятно, что ремесленное производство существовало здесь на протяжении длительного времени, стратиграфически выраженного выделенными нами горизонтами.

Прочие помещения описываемого комплекса не вносят в его характеристику ничего существенного. В помещении V—3 стояло в это время два больших хума, врытых в землю до середины тулова. Помещение V—7 было пусто, и назначение его не ясно. Столь же неопределенно и использование соседних помещений V—8 и VI—8, выходивших на центральную улицу. Скорее всего, они в данный период были заброшены. Слабо использовались и другие помещения, обращенные на центральную магистраль города (III—12 и III—9; VI—13 и III—11; V—9). Помещения III—12 и III—9 пусты, лишены каких-либо деталей интерьера, лишь в первом у южной стены стоял хум, а в помещении III—9 узкой перегородкой выделен предвходной тамбур. Очагов, как и других признаков обитания, нет, а полы представляют скорее утопанные неровные поверхности, чем специально сделанные глиняные обмазки. Однако стены несут следы ремонта, и, видимо, хотя и непродолжительное время, но эти помещения все же использовались.

Совершенно изменился облик большого помещения V—9. Наслоения над четырьмя полами, открытыми в данном помещении, составляли 0,5 м. К двум верхним относились три хума, поэтому можно считать, что в тот период оно служило кладовой. Над четвертым полом найдена округлая сердоликовая бусина (бусина из сердолика, но эллипсоидной формы встречена и над третьим полом). Вместе с ними найдена мелкая бронзовая хорезмийская монета типа B²16. Малопопятна в этот период взаимосвязь помещений в северо-западном углу раскопанной части квартала. Поздними ямами нарушен стык стен помещений II—5 и I—5. Не исключено, что они объединялись теперь в один комплекс, но твердой уверенности в этом нет. Стена между коридором II—6 и соседним помещением срублена и образовалась одно обширное помещение II—5, в западной части которого уже проступал массив древней стены, упоминавшейся выше. Отсутствие хорошо выраженных культурных наслоений свидетельствует, что оно использовалось мало. В соседнем помещении II—2 на рассматриваемом уровне прослеживалась бургистая неровная поверхность, из плотного слоя над которой извлечено большое число обломков хумов. Не остатки ли это разрушенной хумханы?

Большое двухколонное помещение III—4 разделило часть зала VI—9; оно было забро-

шено, вымостки под колонны и суфы перекрыли плотные глиняные слои, похожие на умышленную забутовку.

III горизонт. В более верхних уровнях в квартале наблюдается новое строительство, которое следует отнести к горизонту III. Уровень оснований вновь построенных стен помещений этого горизонта колеблется в пределах 315—320—345—365 см. В юго-восточной части квартала и на отдельных участках стены построек по ряду причин опускались ниже.

В рассматриваемый период сравнительно с предшествовавшим произошли большие изменения, выразившиеся прежде всего в том, что многокомнатный массив в последний период горизонта II, все еще продолжавший, хотя уже и в урезанном виде, занимать значительную часть раскопанной территории квартала, был разгорожен новыми стенами на отдельные комплексы. Очередность возведения стен не зафиксирована археологически, так как они могли строиться через такие короткие промежутки времени, которые трудно датировать, пользуясь имеющимися в нашем распоряжении вещевым инвентарем. Поэтому не всегда, к сожалению, ясна связь отдельных помещений, а в некоторых случаях проходы перегородками стены. Тем не менее основной принцип ясен: в промежутках времени, выраженный горизонтом III, многокомнатный единый массив помещений распадается (рис. 19).

Западная граница раскопа представляет собой в это время анфиладу помещений, вскрытых только до уровня 365—345 см. Это помещения III—1 и III—2, II—4, II—3 и II—1, вытянутые цепочкой с юга на север. Первые из перечисленных помещений составляют одну обширную (около 43 кв. м), неправильной конфигурации постройку, в плане представляющую собой как бы два составленных вместе помещения разных размеров. Сначала разграничивающей стены не было, и меньший прямоугольник выглядел большой нишей — айваном в северной стене постройки (уровень 345 см). В помещениях обитали долго, об этом свидетельствуют несколько уровней полов. Ко времени существования двух верхних полов (отметки 385 и 365 см) посредством перегородки, отделившей «нишу» от остальной площади, вместо одного появились два помещения. Под поверхностной коркой в помещении III—2 обнаружены фрагменты железного ножа и железный трехлопастной наконечник стрелы. Все периоды своего существования оба помещения сообщались с большим, почти квадратным помещением II—4 размерами 3,8×4 м. Его восточную и северную стены огорабала низенькая кирпичная суфа, а в расположенных на одной оси — вдоль западной

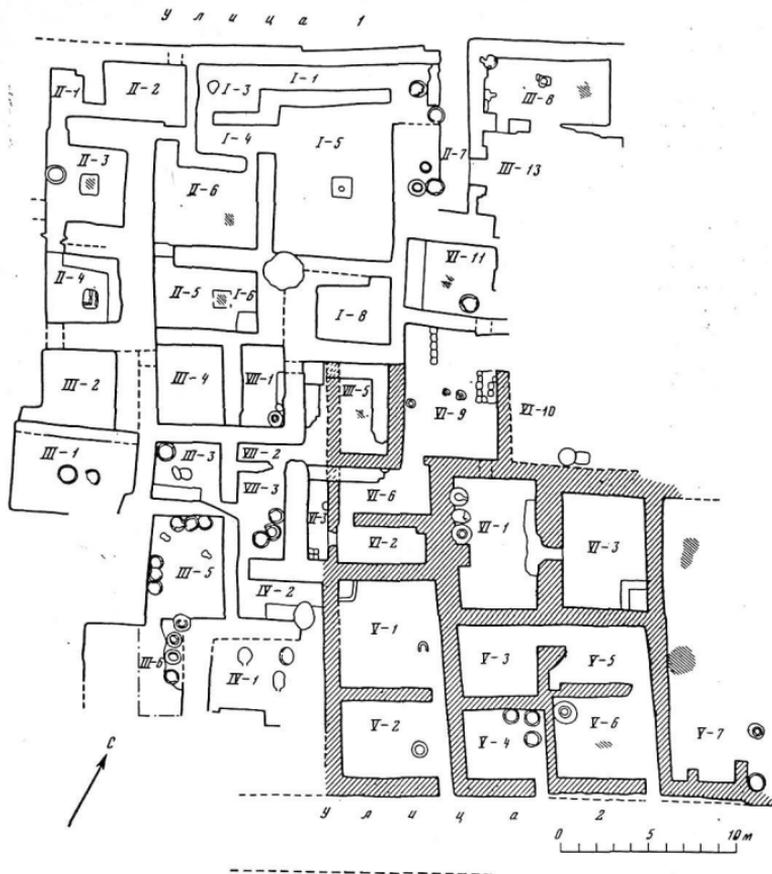

Рис. 19. План квартала Б. Горизонт III. Заштрихованы стены помещений, где верхнего уровня не было или он не сохранился

стены — проходах были кирпичные пороги. Примерно на середине комнаты находилась четырехугольная яма, обложенная с одной стороны сырцовыми кирпичами. Часть этой ямы (пробораз ташнау?) была выгорожена поставленными на ребро сырцовыми кирпичами.

В следующем также квадратном помещении II—3 ($4 \times 4,5$ м) посредине была расположена кирпичная выкладка размерами $1,5 \times 1$ м с округлым обгоревшим углублением в центре. У восточной стены обнаружен поставленный горлом вниз сосуд, относившийся к верхнему несохранившемуся полу. Культурного слоя над полом почти нет. Стены описанных помещений хранят следы многочисленных ремонтов и надстроек, поэтому они гораздо толще, чем на других участках застройки. Уровни

надстроек соответствуют не сохранившимся здесь верхним полам с отметками 383 и 365 см. Впрочем, помещение II—3 раскано по полу последнего из указанных уровней, который по проходу соединился с полом более низкого уровня в соседнем помещении II—4.

Все описанные помещения соединены проходами, расположенными по одной оси таким образом, что составляли один длинный узкий коридор, соединявшийся посредством тамбура II—1 со своего рода «распределительной клеткой» II—2 с дверными проемами в трех стенах.

История взаимосвязи описанной анфилады помещений с соседними достаточно сложна и не восстанавливается во всей последовательности. Здесь часто производились перепланировки, при которых проходы закладывались, и в результате общей последующей нивелировки уровней в течение столетий, когда городище было заброшено, выявить эти проходы не всегда удавалось. Такой заложенный входной проем обнаружен в северной стене помещения II—2, через который из описанных помещений могли попадать непосредственно на улицу. Расположенные восточнее помещения II—6 и II—5 также сообщались посредством дверных проемов, расположенных на одной оси.

В помещениях II—6—I—7 по-прежнему обитали лишь эпизодически. Оно постепенно заполнялось глинисто-песчаными наносами, в которых условно выделяется еще пять уровней, являвшихся поверхностями этих наносов. На одной из них (уровень 332 см) был замечен слабоопаленный след от разовидшегося здесь кострища. Фрагментов посуды и костей животных в помещении найдено очень мало.

В соседнем помещении—II—5—I—6—также открыто несколько уровней полов общей мощностью более 80 см. Первоначально это была сравнительно большая (4×5,5 м) жилая комната, посредине которой разжигался костер, а в юго-восточном углу находилась высокая квадратная (1,2×1,2 м) выкладка из сырцовых кирпичей. Отметим находку серебряной монеты типа B² VIII с изображением царя в профиль на аверсе, хорезмийской тамги и надписи—на реверсе на следующем полу (ур. 365 см). Позднее разделяющая помещения II—6 и II—5 стену передвинули южнее, и описанная комната приобрела коридорообразный вид (уровень 385 см). В этот период почти на ее середине находилась четырехугольная слабоопаленная очажная вымостка из сырцовых кирпичей. В углу продолжала существовать кирпичная выкладка. Необходимо заметить, что на описанной территории кое-где прослеживаются следы ям из верхних несохранившихся уровней.

На участке, занятом ранее помещениями I—5, I—5а и I—5б, также произошли перемены. По уровню 345 см перегораживавшие весь участок внутренние стены срубаются, и на данном пространстве образуется одно обширное помещение I—5 площадью 8,9×6,9 м, объединившее три предшествовавших. От улицы его отделял узкий коридор I—4. Посредине вновь образованного зала I—5 находилась выкладка из регулярно положенных сырцовых кирпичей с круглым углублением диаметром 35 см. Размеры выкладки 0,75×0,95 м. Углубление слегка опалено, заложено неплотом и золой, но опаленность не столь интенсивна, чтобы выкладку считать очажной. Скорее эта кирпичная площадка являлась основанием колонны, поддерживавшей кровлю, что необходимо при большой площади помещения. Среди находок в этом зале отметим маленький лепной антропоморфный сосуд (см. рис. 55, 2).

Зал окружало несколько небольших коридорчиков и коридорообразных помещений, имевших, видимо, подсобное значение. С коридором VI—5—VII—4 он уже не сообщался, будучи отделен от него рядом глухих стен. Вообще вся связующая помещения горизонта II система коридоров оказалась нарушенной. Помещение I—8 в данный период не функционировало, представляя собой выгороженный глухими стенами участок. Коридор II—7 отделила от него глухая стена, поставленная на уровень 324 см. Из подсобных помещений, окружавших зал I—5, наиболее интересным было помещение I—3. В нижних уровнях горизонта III (303—330 см), когда зала I—5 с центральной колонной еще не было, как и в период горизонта II, помещение I—3 сообщалось посредством широкого проема только с коридором I—1 и через него—с улицей. Это время вдоль его южной стены располагалась малополватная конструкция в виде желоба, образованного поставленными параллельно стене сырцовыми кирпичами на ребро. Ширина желоба 20 см, глубина равна высоте кирпича, т. е. 37—38 см. Желоб был заполнен однородной золой без дополнительных примесей и включений. В то же время его стенки и дно не имеют никаких следов даже слабого горения. Поверхность пола сплошь усыпана обломками керамики, главным образом толсто-стенной, и костями животных, преимущественно крупных. Можно предположить, что пол у желоба в южной части комнаты был всем этим вымощен специально. Судя по наличию среди костей нескольких проколов и скребков, не исключено, что все эти остатки были связаны с каким-то ремеслом, возможно с кожевенным. Зеленовато-коричневая окраска рых-

лого слоя, содержащего обилие обломков посуды и костей животных, свидетельствует о насыщенности его органическими остатками. По уровню 345 см план комнаты изменился: теперь это было небольшое проходное помещение, замыкавшее коридор I—4 с запада. Интересной ее особенностью является небольшая яма близ западной стены, слышась забитая костями животных, здесь же оказалась и челюсть человека.

Большой зал I—5 через дверной проем в восточной стене и небольшое распределительное помещение — тамбур I—11 — сообщался с улицей между кварталами А и Б и с коридором II—7, куда выходили и помещения, занимавшие северо-восточный угол раскопанной части квартала. Жизнь здесь наблюдается лишь в начале рассматриваемого периода и только на участке, занятом помещениями III—13, III—8 и III—8а. В первом из них разрушившиеся стены кое-где ремонтируются, поверхность их неровна, со щелями и вмятинами. Полов по существу нет — это скорее утопанные, неровные поверхности, с изредка встречающимися над ними фрагментами керамики. На пространстве, занятом ранее помещениями III—8 и III—8а (см. рис. 16), разделявшая их перегородка на уровне 320 см была срублена и образовался большой зал площадью 4×7 кв. м. Примерно посредине него, но не на линии центральной оси, а ближе к северной стене находилось четырехугольное возвышение с округлым углублением посредине диаметром 40 см, затем уменьшенным до 20 см. Можно предположить, что эта выкладка, как и в зале I—5, служила подставкой под столб, поддерживавший кровлю. Она сохранилась на уровне второго и третьего полов (320 и 307 см). В восточной части помещения на каждом из полов отмечаются остатки кострища. Близ середины западной стены расчищено обгорелое пятно с четырьмя четырехугольной формы ямками возле него диаметром 12 и 20 см.

Над вторым полом в западной стене обнаружены два воронкообразных углубления, проходившие через стену в виде глиняной суживающейся «трубы» в коридор II—7, открывавшийся на улицу 1.

При углублении к следующему, третьему, полу выяснилось, что края одной из этих «труб» как будто бы укреплены фрагментами керамики, а в полу возле отверстия «трубы» сделана ямка-слив. В одной из этих «труб» была зола. Назначение их непонятно, скорее всего, это след какого-то ремесла, но не исключено, что они вообще естественного происхождения и образовались после того, как помещение было заброшено, а стены его разру-

шились и размывались швы кирпичной кладки.

В последний период рассматриваемого горизонта (здесь — уровень 344 см) вместо зала опять появились два небольших помещения — III—8 и III—8а — с необычно плотными светло-желтыми обмазками полов. Юго-западный угол помещения III—13 в это время разрушен при строительстве на соседнем участке, занятом помещением VI—11: в него была врублена широкая стена, перегородившая коридор II—7. На остальной площади северо-восточного угла квартала описываемые слои либо не сохранились, либо здесь в это время построек не было.

Окончательно утратил прежнее значение зал VI—9, существовавший, видимо, лишь в начале рассматриваемого периода. В это время у его восточной стены была низкая и широкая кирпичная вымостка, а у западной — углубленный в пол округлый очаг, края которого скреплены фрагментами керамики, обмазанными сырой глиной. Диаметр очага 35 см, глубина 15 см. Следы каких-то кострищ отмечаются посредине помещения.

Особенно отчетливо выражен упадок в верхних слоях помещения VI—10. По существу вместо него теперь был открытый дворик или, вернее, открытое, не огороженное стенами пространство, заполненное гумусными слоями. На этой площади лишь у стены помещения VI—1 стояли два врытых в землю хума, сделанных из глины с большим добавлением дресвы и шамота.

Трудно сказать, что представляла собой ячейка помещений VI—1 и VI—3. В западную стену бывшего хранилища VI—1 врублены днища трех хумов, а недалеко от них найдены небольшие жернов. По-видимому, здесь также был дворик или это остатки несохранившегося уровня.

Со следами какого-то ритуала мы сталкиваемся на соседнем участке, ранее занятом теперь заброшенным залом VI—3. В его разрушенном, выходившем на поверхность слое найдены подставка и обломки глиняного изделия, украшенного налепным жгутиком — возможно, от оссуария.

Если на описанном участке квартала активность жизни так и не достигла бывшего уровня, то на территории, примыкавшей к улице 2, особенно в начале периода, наблюдается некоторое оживление. В помещениях VII—2, VII—3, III—3, III—5, III—6, IV—1 и IV—2 зафиксированы обилие культурных отложений, ремонты и перестройки, очаги и другие признаки интенсивности обитания. Несомненно жилым являлось помещение VII—3, в котором снята толща напластований, равная 0,5—0,6 м. Помещение

неоднократно подвергалось перестройкам, менялись размеры и очертания. В верхних уровнях (365 см), когда оно служило кладовой, где стояли три хума, его с двух сторон, как и в период застройки горизонта II, обгибали коридоры VII—2 и VI—5—VII—4. По уровню 330 см (на плане не отраженном) все это пространство занимало одно большое помещение, скорее двор, размерами 6×5 м. В его середине на участке площадью 1×0,8 м в углублении разжигали костер, в юго-восточном углу стоял хум, в северо-западном сохранились ямки от столбиков диаметром 0,3 м. Возле очага найдены подставки под вертел, сделанные из глины с большой примесью дресвы.

Косо прорубленным в западной стене проходом оно соединялось с помещением III—3, где возле южной стены находилась кирпичная суфа шириной 0,9 м и высотой 0,15—0,20 м, а рядом с ней — очаг в виде углубления овальной формы (0,5—0,24 м), возле которого была яма для золы.

На участке, занятом помещениями VII—1 и VII—4—VI—5, также происходили постоянные перепланировки. В верхних уровнях (350—355 см) коридора VII—4—VI—5 не было, а существовало одно обширное помещение VII—5, стены которого сохранились на высоту одного ряда кирпичей и не на всем их протяжении. Ниже, на уровнях 345—320 см, уже существовал коридор VII—4—VI—5.

В помещении VII—1 в это время в юго-восточном углу стояли два хума, а вдоль восточной стены шла кирпичная суфа шириной 0,45 м. Никаких других деталей внутренней планировки не зафиксировано. В какой-то период помещение, видимо, не использовалось, так как проход, соединявший его с коридором VII—4, был заложен.

Помещение III—5 в этот период не сообщалось с вышеописанными комнатами. Проход из него вел на юг, на территорию еще не вскрытого пространства, занятого помещением III—6. При раскопках помещения III—5 под тапкойной коркой найдены две бронзовые монеты типа B²19, коралловая бусина, стеклянная пуговка, бронзовая, видимо, косметическая ложечка. Над первым полом обнаружены бронзовое кольцо, перстень и четыре монеты типа B²14; над вторым — четыре бронзовые монеты, в том числе одна типа B²V/2 и одна B²V/4, остальные нечитаемые; бронзовые иглы, косметическая палочка и стеклянная вставка в перстень. По уровню третьего пола (340 см) это обширное помещение (6,3×4,15 м) служило кладовой: здесь стояли шесть хумов, была найдена зернотерка. Решительные изменения претерпело помещение, начиная с уровня пола 5 (307—286 см), когда его название было

иним: хумов не было, в культурном слое над полом найдено много костей животных, керамики, угольков. В полу открыты две ямы, заполненные костями животных и замасленные сверху. В слое над полом найдены четыре бронзовые небольшие монеты, к сожалению, неопределимые. В последнем помещении III—6 вскрыт только небольшой участок у входа. При этом у восточной стены открыты четыре хума, относящиеся к данному горизонту.

Совершенно иное значение приобрели в это время помещения IV—1 и IV—2, их назначение сравнительно с предшествовавшим периодом резко меняется. В помещении IV—1 уже не было более колонн. Теперь в нем находились три очага, отличавшиеся от существовавших здесь ранее. В разрушенном состоянии они выглядят овальными углублениями размерами 0,78×0,6 м; 0,82×0,7 м; 0,8×0,7 м. Топочные устья обращены на юго-восток. Наземная часть очагов почти не сохранилась, и по незначительным ее остаткам можно лишь подозревать, что они походили на небольшие тандыры. В таком случае помещение IV—1 в данное время служило небольшой пекарней. Однако они существовали, вероятно, недолго, так как на уровне следующего пола (338—356 см) вместо этих тандыров в центре помещения вновь появилась очажная четырехугольная вымостка размером 0,9×1 м с опаленым и законченным углублением посредине.

В соседней комнате IV—2 в это время очага уже не было, но она продолжала интенсивно использоваться. Открытые здесь полы (на уровне от 324 до 354 см) по существу представляли собой одну постоянно ремонтируемую и подновлявшуюся новыми глиняными обмазками поверхность. Вдоль южной стены шла невысокая суфа шириной 0,7 м из сырцовых кирпичей.

В раздельной комнате стене был высокий порог, совершенно сгнивший, а поверхность стен при разрушении и поэтому трудноразличимый в едином глиняном массиве. К тому же взаимосвязь помещений была нарушена глубокой и большой ямой, пробитой здесь с поверхности в самый последний период жизни в городе и содержавшей большое число обломков кувшинов, лепных горшков и хумов.

Помещения, занимавшие юго-восточную часть квартала, до конца рассматриваемого периода, видимо, не доживают. Назначение их сравнительно с предшествующим временем меняется, стены несут следы ремонтов и надстроек, появляется новый уровень полов. Так, в летнем дворике V—1 теперь имеются подковообразный очаг размерами 20×20 см и такой же глубины с глиняным бортиком большой закром из сырцовых кирпичей в северо-запад-

ном углу. Таким образом, дворик приобрел суб-хозяйственные функции. В помещении V—2 к этому уровню относится водосток, сделанный из врытой горлом визг верхней части хума. Весь северо-восточный угол соседнего помещения V—4 занимали три хума, от которых уцелели только днища.

Благодаря некоторой перепланировке изменился и облик комплекса, расположенного в юго-восточном углу квартала. Помещение V—7 теперь не входило в него, будучи отгороженным кирпичной глухой стеной от соседней комнаты V—6. В северо-западном углу этой последней стоял хум, врытый в землю по венчик, а рядом, в небольшой ямке найдены 23 слепшихся бронзовых хорезмийских монет типа B¹⁹, видимо, некогда завязанных в узелок.

В помещениях V—5 и V—3 культурный слой развели, полы превратились в такырную корку, что затрудняет определение их назначения. Помещение V—5 стало более узким за счет переноса южной стены. В его юго-западном углу устроена ниша, полузакрывающая большим косым выступом на западной стене.

Весь участок, где ранее находились помещения V—7, V—8 и VI—8, теперь был, видимо, занят открытой площадкой, смыкавшейся с центральной улицей. Здесь сохранились следы кострищ; в кладку стены, отграничивавшей ранее квартал от центральной улицы, врыты хумчи из груборазмешанной глины; два выступа на южной стене образовывали стойло. Возможно, здесь был большой открытый двор или навес, открывавшийся на центральную улицу.

В заключение следует отметить, что в верхней, самой высокой части квартала Б, располагавшейся против храмового здания соседнего квартала А, уцелели остатки еще одного, четвертого, горизонта (или строительного периода горизонта III?), но стены настолько разрушены и фрагментарны, что можно только констатировать сам факт его существования. Основная стен помещений зафиксированы в уровнях 390—410 см лишь на площади, равной 16×13 м. Они сосредоточены на участке, в более раннее время занятом обширным залом I—5 с колонной в центре (рис. 20). Центром этой позднейшей планировки также был зал I—5, но размеры его уменьшились за счет выделения коридора I—9, оглябавшего зал с восточной стороны. В коридоре стоял большой сохранившийся целиком хум. Коридор I—1 был перегорожен тонкими стенками на два маленьких помещения I—2 и I—3. В помещении I—3 были заложены существовавшие ранее проходы в стенах, и теперь здесь возникла запутанная система мелких клетушек без входов и выходов типа закровов. Поверх них сохранились

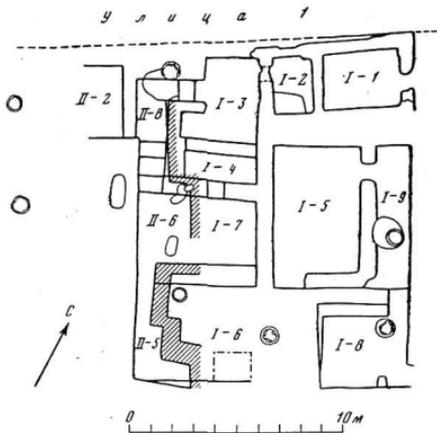

Рис. 20. План квартала Б по уровню 390—410 см. Штриховкой показаны остатки поздней стены

обрубки колочато-изогнутой стенки, образующей вдоль стены помещения II—4—II—5 узкий коридор II—6. Северную часть его повредила позднейшая яма, в которой в числе обломков кувшинов и лепных горшков найдены маленький лепной сосудик в виде животного.

Остатки кладок и костров отмечены и на поверхности улицы между кварталами А и Б. Здесь собраны фрагменты керамики, датирующей VII—VIII вв., и не исключено, что остатки описанной планировки относятся именно к этому времени и связаны с периодически приспособляемыми под временное жилище развалинами монументальных зданий в квартале А.

Остальная территория города в VII—VIII вв. превратилась в руины и использовалась под некрополь. Обломки оссуариев и целые их экземпляры найдены в юго-восточной части городища, на гребне и на склонах западной крепостной стены, на завалах в некоторых помещениях квартала Б и помещениях храма в квартале А.

Наиболее сохранившиеся постройки городища приспособлялись в качестве временных жилищ и много столетий спустя. Так во время раскопок западной крепостной стены в поздней стрелковой галерее найдены несколько прекрасных неполивных кувшинов, сосуд из тыквы и деревянный черпак, относящиеся к середине XIV в.

В квартале А. На площади квартала А возвышался бугор, вершина которого имеет, как

указывалось, наивысшую на городище отметку 6,75 м. На его поверхности прослеживались кирпичная кладка и даже кирпичи свода. К западу и востоку от бугра можно было предположить обширные незастроенные участки, может быть, площади. Здесь найдено несколько ступенчатых плитин и горшковидных без колонн из песчаника, форма которых известна в Хорезме уже в V—IV вв. до н. э. Некоторые из этих баз были зафиксированы во время первых разведочных работ на городище, что дало основание говорить о существовании в квартале многоколонного здания¹⁵.

Раскопками вскрыто примерно $\frac{2}{3}$ застроенной площади квартала А, равной 42×42 м. Эта территория занята главным образом несколькими зданиями (обозначим их цифрами I, II и III), воспроизводившими одну и ту же планировочную схему: цепочка помещений, соединенных широкими проходами, расположенными на одной оси и образовывавшими длинный коридор, проходивший по середине здания (рис. 21).

Размеры здания I, вытянутого с запада на восток, 35×18 м. Оно состоит из трех близких по величине помещений и большого двора, занимавшего его восточную часть. Длина помещений 11 м, ширина 4 м (рис. 22). Несколько «нестандартным» было помещение 1 с косо поставленной северной стеной, за счет чего протяженность западной стены сократилась до 10 м. Ширина проходов между помещениями равнялась 1,7 м, длина из-за большой толщины стен здания достигала 3 м. Внешние стены очень разрушены и высота их не превышает 0,5—0,6 м, останцы внутренних на отдельных участках возвышаются на 3 м.

Особенностью здания, кроме большой толщины стен, является необычный вид обмазок пола, отличающий их от глиняных обмазок в помещениях застройки соседнего квартала Б. Они несколько напоминают цемент желтовато-белым цветом и зловонность при ударе, что, по-видимому, объясняется их особым составом. Обмазки покрывали несколькими слоями (общей толщиной 10—15 см) подстилавшую их кладку из двух рядов крупных сырцовых кирпичей. На поверхности пола в помещении 1 лежал тонкий слой золы. Местами он слабо обожжен — как если бы на пол высыпалась горячая зола. Пятен огня больше в южной части помещения, где в центре стены находилась необычная для помещений жилого квартала окаянная ниша глубиной 0,7 м и шириной 0,5 м. Она очень разрушена поставленной поверх более поздней стеной, но, видимо, была сводчатой, а края могли быть оформлены выступами — пиластрами (см. рис. 23, в). Вдоль восточной стены помещения тянулась суфа шири-

ной 1,2 м и высотой 0,3 м, сделанная из сырцовых кирпичей. Не исключено, что такая же суфа была и у северной стены, но она скрыта позднейшей кирпичной кладкой.

Наиболее выразительной чертой интерьера помещения является «дорожка», вымощенная плитами известняка и ведущая от прохода в середине восточной стены к центру западной стены. Западная стена в этом месте, будучи перекрытой кладкой более поздней стеной, сильно разрушена. В последний период жизни в городе здесь стоял хум. Однако по самому основанию стену удалось окоптурить и высечь, что в ней была ниша глубиной 0,5 м и шириной, равной ширине ведущей к ней вымостке из известняка (около 2 м).

Всю середину соседнего помещения 2 занимают два массива кирпичной кладки, вытянутые, так же как и стены, в направлении север—юг. Расстояние между ними равно ширине проходов в западной и восточной стенах, а границы их являются продолжением сторон этих проходов. Массивы достигают в высоту 1,5 м. Один из них имел размеры $3,6 \times 1,5$ м, другой $1,25 \times 1,8$ м. Торцы останцов ступенчатые, горизонтальная поверхность неровная, и более всего они похожи на срубленную и обрубленную со всех сторон стену, что и подтвердилось в результате тщательного исследования (рис. 23, а). Пол помещения покрыт такими же «цементными» обмазками, как и в соседнем помещении 1. Возле описанных останцов он выложен обломками обожженных плиток, встречавшихся также в слое над полом (рис. 23, б). Наиболее регулярны вымостки у краев кирпичных массивов, обращенных к проему и между ними. Возле одного из этих торцов зачистилась округлая неглубокая яма, а рядом с ней найдена такая же горшковидная база колонны, как и обнаруженные ранее на городище вокруг бугра. Другая такая же база лежала на полу у проема в восточной стене помещения. В его южной стене, против торца одного из кирпичных массивов, был проход шириной 1,3 м, явно прорубленный позднее в первоначально глухой стене.

Помещение 3 гораздо более разрушено, чем оба вышеописанных, особенно в южной части. Поверхность пола, покрытого такими же обмазками, что и в других помещениях здания, здесь изрыта мелкими, иногда двояными ямками, в расположении которых никакой системы уловить не удалось. Небольшие выступы западной и восточной стен, расположенные друг против друга, позволяют догадываться, что южная часть помещения могла быть отгорожена тонкой перегородкой, может быть, не сплошной. Вдоль западной стены помещения, в его северной части, шла высокая кирпичная суфа шириной

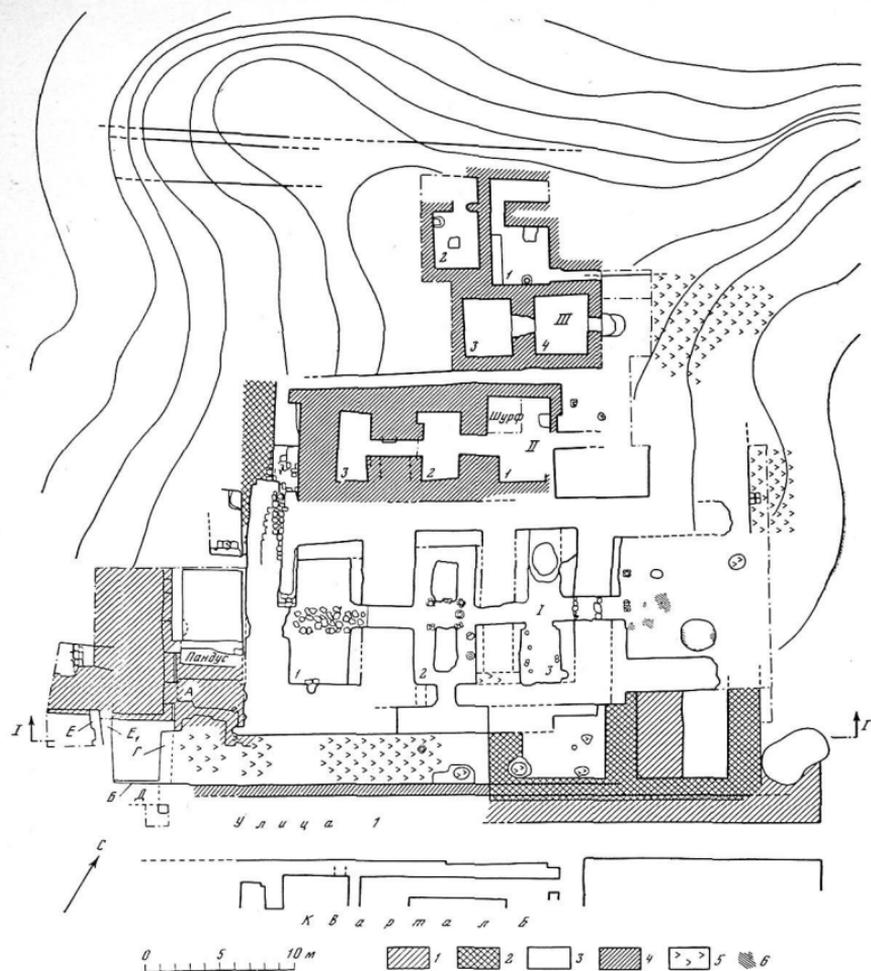

Рис. 21. Квартал А. План

1 — древние стены, стоящие на материке; 2 — стены субструкций; 3 — стены II горизонта; 4 — стены III горизонта; 5 — зола, пещел; 6 — обожженные участки. Буквами обозначены стены

1 м и высотой 0,5 м. Большая часть северной половины помещения была занята ямой округлой неправильной формы размерами 2,75×

×1,75 м и глубиной 2 м. Заполнение состояло из плотной глиняной массы в нижних слоях и рыхлой, с обломками сырцовых кирпичей сверху. Находок, за исключением нескольких фрагментов толстенной керамики, не было. Яма по краю выложена рядом сырцовых кирпичей, поставленных на ребро, и как бы отгорожена от остальной площади помещения рядом кир-

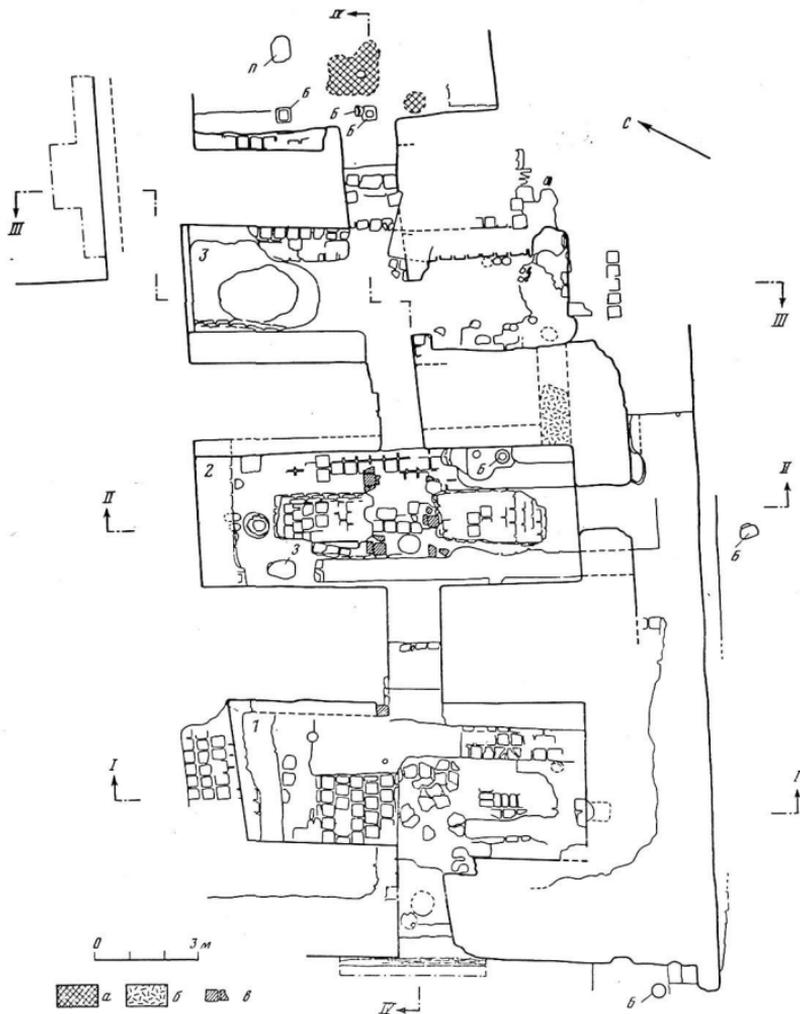

Рис. 22. Квартал А. Здание I. План

а — пятна огня; *б* — зола; *в* — керамические плитки; буквой Б обозначены каменные базы и плиты колонн; *з* — зерноотерка из позднего слоя; II — каменная плита

пичей, положенных плашмя. Край ямы хорошо зачищался только сверху, на глубину 0,3—0,4 м, ниже поверхность стенок плохо отделялась от плотного заполнения. На этой глубине начинался грабительский ход, пробивший более ранние слои под зданием.

Рис. 23. Здание I. Детали интерьера

а — срубленная стена в помещении 2; б — останки стены в помещении 1; в — плит и база колонны у входа в здание

Проход в середине восточной стены выводил из помещения 3 на обширный участок, ограниченный стенами и являвшийся, видимо, открытым двором. На его территории близ упомянутого прохода найдены плит и база колонны из песчаника (рис. 23, в).

Южная стена, ограждавшая двор и пристроенная к зданию, продолжала направление стены основной постройки, но была несколько смещена в глубь двора. Восточная стена, судя по уровням поверхности описываемого пространства, здесь не сохранилась. Поверхность двора также разрушена: на всей его площади, равной 10×8 м, зафиксированы следы тех же специфических бело-серых «цементных» обмазок, которые характерны для всего здания. Местами на поверхности видна забутовочная масса, подстилающая уровень пола на этом участке и прорезанная нами в раскопе близ

юго-восточного угла здания (включая описываемый двор). Кое-где эта поверхность хранит следы огня: на расстоянии 4 м от западной стены двора видны контуры большой круглой ямы диаметром 2 м с опаленными стенками. Здание целиком выстроено из сырцовых кирпичей размерами $37 \times 37 \times 9(10)$ см, $38 \times 38 \times 9(10)$ см, $39 \times 39 \times 10$ см, $40 \times 40 \times 10$ см, причем преобладали кирпичи меньшего стандарта. Стены хранят следы многочисленных ремонтов, в последовательности которых не всегда можно разобраться.

При ремонтах внутренние грани стен укреплялись за счет дополнительной кирпичной кладки, новых «оболочек» и «прикладок», причем место стыка различно в проходе между помещениями 2 и 3 в виде чётких вертикальных швов на торцах стен. В результате этого наращивания кирпичные стены здания приобрели непомерную толщину — до 3—3,5 м, а массив стены между помещениями 1 и 2 достиг даже 4 м. Ниже мы увидим, что подобная ситуация наблюдается и в здании II, где в проходах между помещениями на торцах стен

четко прослеживаются вертикальные швы между основным массивом стены, равным 2,15 м, и последующими прикладками. Примерно такой же толщины могли быть и первоначальные стены в здании I, поддерживавшие его сводчатую кровлю. Определить ее тем более трудно, что стены не только наравнялись, утолщаясь, но и надстраивались. Хорошо видна линия надстройки на стене между помещениями 1 и 2 на уровне 452 см (рис. 24).

Между помещениями 2 и 3 ее как будто бы можно проследить на уровне 530 см, на высоте 1 м от пола, где на торце стены, обращенном в проход, видны фрагменты толстостенных хумов, может быть, положенных для лучшей связи сырцовой кладки. На том же уровне (452 см), что и восточная стена, была надстроена и западная стена помещения 1. Северная стена здания в этом помещении хранит следы ремонтов (или надстроек) на уровнях 490 и 545 см. В помещении 2 она зачистилась уступами, но кладка не расстраивается заметно; в помещении 3 выявлена надстройка на уровне 450—455 см. Примерно на том же уровне (467 см) поставлена верхняя южная стена здания, от которой сохранились лишь обрывки кирпичей. Поэтому контуры ее, показанные на чертеже, восстановлены предположительно. Она поставлена на более раннюю южную стену, основание которой 375 см. Эта цифра соответствует уровню основания стены между помещениями 1 и 2, к которому подходят полы с «цементной» обмазкой. Следует отметить, что под нижний ряд кирпичей этой стены положено несколько рядов керамических плиток, скрепленных алебастровым раствором. Этот очень редкий для построек городища строительный материал использовался в особо ответственных случаях и не зафиксирован в квартале Б, зато употреблялся при возведении помещений дворца. Раскопки в здании II позволяют предположить, что широкие проходы между помещениями здания I могли быть снабжены, как и там, сложными двухтамбурными дверными проемами, остатками которых, видимо, являются обломки горелых балок, обнаруженные на полу одного из них. Однако конструкция их по этим остаткам не восстанавливается, зато она хорошо выявлена в здании II и будет подробно описана ниже.

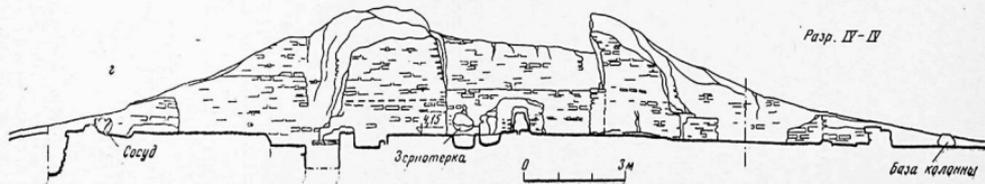
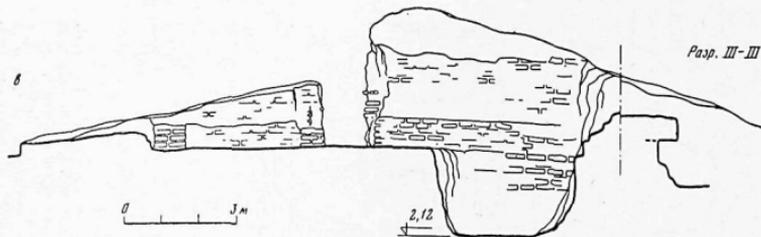
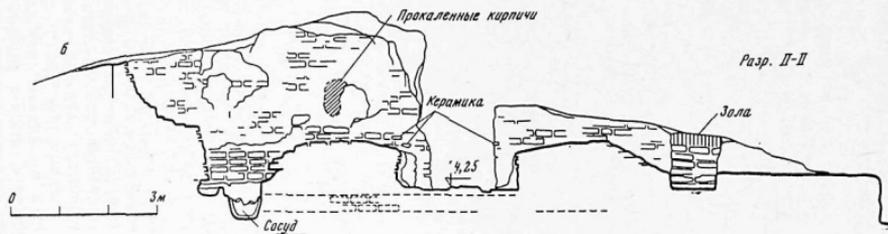
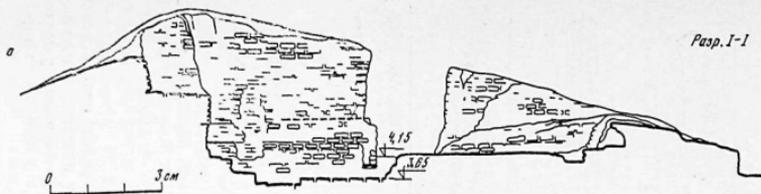
Таким образом, здание I, несомненно, существовало долго. На протяжении своей многолетней истории оно подвергалось перепланировке, при которой менялось и его назначение. Об этом лучше всего свидетельствуют изменения в характере напластований в помещениях. В первоначальный период его существования здание поддерживалось в чистоте, над «цементными» полами находок практически не

было. Основная их масса содержалась в заподлицу над верхними полами, которыми служили поверхности скапливавшихся в помещениях паносов. Благодаря тому, что здание было нежилым и чистым, очень трудно определить, когда произошли некоторые небольшие, но радикальные изменения в его планировке. Они выразились в том, что была прорублена центральная кирпичная стена в помещении 2, закрывавшая вход в соседнее помещение 1. Может быть, тогда же был срублен верх этой перегородки, превратившейся в два упомянутых выше бесформенных кирпичных остова. Само здание приобрело вид постройки со сквозным осяевым коридором. Судя по гтезам для баз колонн и расположению последних, вдоль этого коридора могли стоять колонны, конструктивно совершенно бесполезные при сводчатых перекрытиях. Каменные базы, видимо, были извлечены из разрушенных древних построек. Трудно сказать, откуда взялись осколки керамических плиток, которыми был вымощен пол у срубленной стены, возможно, также из разрушенных древних строений. Скопившиеся над полами наносы показывают, что вслед за этой перестройкой здание сгорело, было разрушено и заброшено, однако вряд ли долго простояло в развалинах, так как керамика из слоя наносов не отличается от керамики над полом, которым послужила поверхность этих наносов (уровень их +443+448 см). Стены требовали ремонта. В это время и были, видимо, надстроены западная, восточная и южная стены помещения 1 (уровень +452 см) и восточная стена помещения 3. Одновременно вдоль восточной стены помещения 3 сделали кирпичную суфу высотой 0,5 и шириной 1 м.

В дальнейшем здание постепенно приходит в упадок. В помещениях 1 и 2 накапливались растительно-навозные слои с ясно выраженными на некоторых остатках кострищ. В результате вся масса заполнения помещения в этих уровнях (500—600 см) превратилась без доступа воздуха в темные и желтые перегнившие и перегоревшие пылеватые слои (рис. 25). Их перекрывали уже не опасные рыхлые слои и в самом верху — завал свода. На уровне 630 см, в проходе между помещениями 1 и 2, была поставлена тонкая перегородка из сырцовых кирпичей размерами 35×35×9 см и 34×34×8 (9) см. В перегорелых слоях встречались фрагменты толстостенных сосудов афригидской эпохи (VII—VIII вв. н. э.), в основном горловины хумов с овальным в сечении венчиком, украшенным ямками — пальцевыми вдавлениями. Нужно сказать, что обломки этих сосудов опускаются очень низко, вплоть до уровня 438—444 см (рис. 26). Почти на «цементном» полу в помещении 2 найдена огром-

Рис. 24. Здание I. Фасады стен и разрезы

а — по линии I—I;
 б — по линии II—II;
 в — по линии III—III;
 г — по линии IV—IV

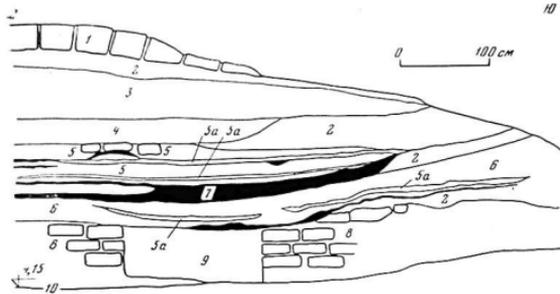

Рис. 25. Разрез через заполнение в помещении 2 здания I

1 — кирпичи свода; 2 — песчаные наносы с глинистыми намывами; 3 — плотный однородный глинистый слой; 4 — наносный песок с намывами; 5 — наносный слой с саманом и угольками; 5а — шпательная прокладка; 6 — сильно пережженный слой желтоватого цвета с растительными остатками; 7 — черный, горелый свинистый слой с растительными остатками и овечьим навозом; 8 — кирпичная кладка; 9 — наносный уплотненный слой с обломками керамических плиток; 10 — уровень пола здания

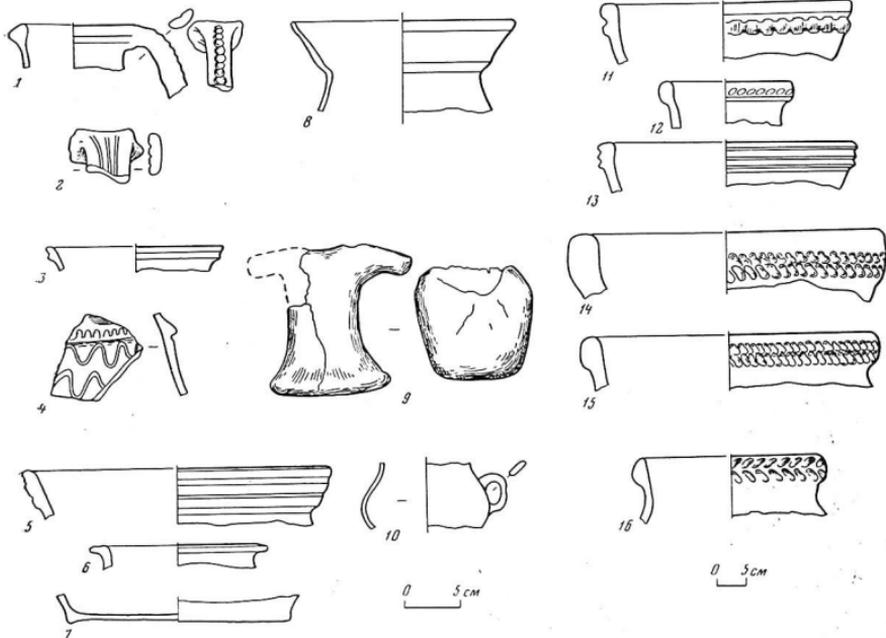

Рис. 26. Керамика из здания I

1 — из помещения 1, над верхним горелым полом; 2 — из помещения 1, верхний слой; 3 — из помещения 1, рыхлые навозные слои; 4 — из помещения 2, пол 3; 5 — из помещения 1, пол 3; 6 — из помещения 1, пол 3; 7 — из помещения 1, пол 4; 8 — из помещения 3, верхние слои; 9 — из помещения 1, верхний слой; 10 — из помещения 3, верхний слой; 11 — из помещения 2, пол 3; 12 — из помещения 2, пол 3; 13 — из помещения 1, верхние рыхлые слои; 14 — из помещения 3, верхние слои; 15 — из помещения 2, из рыхлого слоя над горелым желтым слоем; 16 — из помещения 3, верхние слои

ная зернотерка из песчаника, относящаяся, безусловно, к тому периоду существования здания, когда после пожара оно не имело уже того торжественно-парадного характера, которым отличалось первоначально.

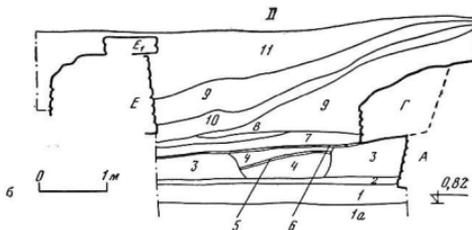
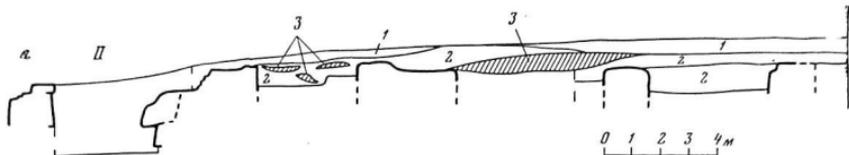
Таким образом, после пожара и строительства новых стен, поставленных на развалины старых, здание имело уже другое, вероятно, чисто бытовое назначение. Постепенно разва-

дываясь, оно использовалось и в афригидскую эпоху, когда сделалось убежищем для пастухов (судя по обилию овечьего навоза в слое гравяных подстилок). Наконец, под самым полуразрушенным сводом был поставлен оссуарий в виде ящика из песчанника на четырех ножках. А может быть, он стоял на верху бугра, в который превратилось разрушенное здание, и провалился вниз вместе с кирпичами рухнувшего свода. Костей не было.

В заключение описания здания следует остановиться на характеристике его субструкций, в связи с чем придется коснуться более общих вопросов о наслоениях в квартале А. При углублении в помещении 1 ниже полов выяснилось, что под двумя рядами подстилавших обмазки сырцовых кирпичей начинается кладка на песке (от уровня 387 см; напомним, что это — уровень оснований стен здания). Найдены и границы этой кладки: восточная проходит почти по средней линии помещения (север—юг), северная — чуть выступая за линию северной стены помещения. Намечается и место стыка. Можно было бы думать, что это — контуры одной из субструкционных клеток здания, заполненной кирпичами на песке. Однако стенки клетки сохранились в высоту только на 50—60 см (до уровня 324 см). К тому же выявилась граница соседней стены, проходящей под проходом из помещения 1 в соседнее. Расстояние между этими двумя параллельными стенами, идущими в направлении север—юг, 2 м. По-видимому, это были нижние, более ранние помещения, заложенные кирпичами и превращенные в покоем описываемого здания. В соседнем помещении 2 под уровнем полов оказалась не сырцовая кладка на песке, а довольно рыхлый завал с обломками сырцовых кирпичей, в котором почти сразу под обмазками обнаружена такая же горшковидная база колонны из песчанника, как и на полу этого помещения.

Полы в помещении 3, напротив, подстилает плотная глиняная масса, похожая на забутовку. Это установлено в раскопе, заложенном близ предполагаемого юго-восточного угла застройки квартала А, являющегося углом восточного двора здания. Раскопы, заложенные вне здания, у его южной и западной стен, дали целый ряд важных сведений, уточняющих представление о планировке всего квартала и его стратиграфии. Рассмотрим их подробнее, обратившись в первую очередь к результатам раскопок пространства между зданием 1 и улицей между кварталами А и Б. Здесь, как уже упоминалось в предшествующей главе, открыта граница квартала А в виде мощной кирпичной стены, поставленной на материк и на одном из участков против помещения 2 зда-

ния I достигавшей высоты 3 м. Однако в целом стена очень разрушена, сохранились неравномерно и в направлении центральной улицы ее высота не превышает (со стороны улицы) 0,5—0,6 м. Стена надстраивалась и, видимо, неоднократно, так как сохранились разновременные и неоднородные по конструкции участки кладки, примыкавшие друг к другу. Ширина этой «надстроеной» стены на участке против здания I—1,5 м (уровень ее основания 370 см); у юго-восточного конца квартала около 2 м, уровень основания 341 см; у юго-западного конца 1 м, уровень основания около 300 см. Ограничивавшая квартал стена отступает от южной стороны здания I на 4 м, образуя замкнутое между двумя стенами пространство в виде широкого коридора. Однако раскопки показали, что его история много сложнее, хотя в определенные промежутки времени коридор здесь действительно мог существовать. Следует сказать, что на разных участках данного пространства слои вскрыты до разных уровней: в юго-восточном и юго-западном концах мы опустились до материка, в центре — до уровня 248 см, на остальной площади велась поверхностная зачистка (рис. 27, а). Путем этой зачистки обнаружены остатки кирпичной кладки, очагов, следы развального культурного слоя, отнесенного к VII—VIII вв., однако цельной картины составить не удалось. Ниже, в уровнях 424—400 см, существовавший тогда коридор был буквально засыпан золой, против помещения 1 образующей наиболее толстый слой (50 см), выклинивавшийся к востоку (где он выходит на поверхность на уровне 368 см). Таким образом, зола выносилась сюда из помещения 1 (как можно было установить и по характеру наслоений в нем). Она засыпалась в две ямы типа колодцев (диаметром 1 и 0,8 м), вырытые в коридоре против помещения 2 и восточнее его. Зола подстилалась на рассматриваемом участке коридора слоем плотной глины толщиной 35—40 см, лежащей на сырцовой кладке. Последняя заполняла своего рода отсек, образованные параллельными стенами, шедшими в направлении юг—север. Две такие стены вскрыты в раскопе, расположенном против помещений 2 здания I, и «сходят» под это здание (уровень поверхности стен 3,3 м), две другие — в юго-восточном раскопе. Есть основания считать, что на невскрытой территории между этими раскопами была еще одна стена. Стены, открытые в юго-восточном раскопе, сохранились в высоту на 1 м, имели толщину 2,2 м, стоят на уровне 212—214 см и разделены промежутком в 0,25 м. Такое же расстояние отделяло западную из этих стен от следующей; стены, обнаруженные в цен-

трального раскопе, стояли на расстоянии 4,2 м друг от друга.

В юго-восточном отсеке углубились до материка, обнаруженного здесь на глубине 2,3 м от поверхности восточного двора здания I, на уровне 92—95 см. При этом выяснилось, что западная стена открытого здесь отсека (будем так называть пространство между двумя параллельными стенами) поставлена на деревянную, построенную на материке. Эта последняя сильно разрушена и выглядит бугром с покатым столпанным краем, перекрытым «всползшим» на нее слоем, содержащим большое количество золы, пепла, угольков. Сверху этот слой разрушения был выровнен плотной глиной толщиной 0,2—0,5 м, на которую была поставлена восточная стена отсека (рис. 27, б).

Стены отсеков, шедшие в направлении юг—север, смыкались с надстройкой древней стены, служившей, как упоминалось выше, южной границей квартала А. К этой последней в свою очередь примыкала обнаруженная в юго-восточном раскопе другая древняя стена, о которой только что говорилось. Таким образом, пространство коридора на уровне ниже 330 см разбилось на серию отсеков. Что они собой представляли? Могут быть две версии их истолкования. Возможно, во-первых, что отсеки являлись помещениями более древней, чем здание I, постройки, значительно большей по размерам, после разрушения последней заложенные сырцовой кладкой на песке и глиняном растворе или забутованные и превращенные в доколь верхнего здания I. Однако более вероятным представляется другое: отсеки являлись специально построенными клет-

камь доколя под монументальное сооружение — здание I. В пользу этого предположения склоняют два обстоятельства: 1-е — специфический характер стен отсеков, отличавшихся неровно положенной кладкой и выступающим на поверхности раствором. Так бывает в том случае, если стены не являются внешними; 2-е — отсутствие признаков культурного слоя на поверхности плотной глины, служившей «полами» в отсеках, во всяком случае в юго-восточном.

Еще более сложная картина многочисленных перепланировок выявлена в юго-западном раскопе и при углублении вдоль западной стены здания I с целью расчистки ее фасада. В нижних слоях раскопа площадью 8×5 м открыты стены двух древних зданий (назовем их западным и восточным), построенные на материке. Даже по тем небольшим участкам, которые вскрыты в раскопе, можно полагать, что они отличались значительной массивностью стен, достигавшей 5 м. Хотя здания поставлены почти встык, их синхронность не установлена в связи с отсутствием культурного слоя внутри зданий (см. рис. 21), поскольку они почти полностью разрушены.

Западное здание, видимо, не было перекрыто позднейшими напластованиями. Расчетка его юго-восточного угла показала, что от этого сооружения сохранились только доколь высотой 1—1,2 м, состоявший из сырцовой кладки на песке.

Открытый в раскопе участок второго, восточного, здания (стена А) сильно разрушен при позднейшем строительстве. К стене А примыкали две другие, гораздо менее массивные (стены Б и В), также поставленные на

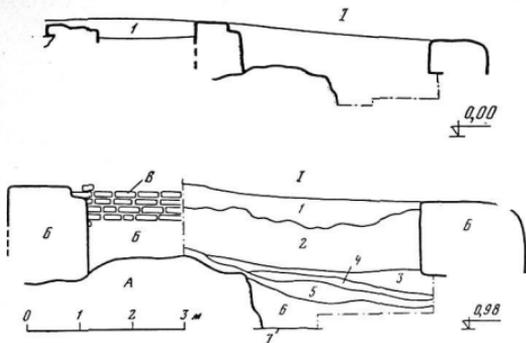

Рис. 27. Разрезы 1—1 через наслонения между зданием I и древней стеной, ограничивавшей квартал А с юга (см. рис. 20)

материк и, вероятно, ей одновременные. Поскольку стена А являлась внешней стеной монументальной постройки, это были стены каких-то пристроек.

Следует отметить, что оба здания — и западное, и восточное — были, несомненно, постройками не жилыми, а общественного назначения, скорее всего — культовыми. Можно также полагать, что базы колонн, найденные в здании I, извлечены из этих древних монументальных сооружений. В следующий период вследствие пожара в восточном здании (в слоях, поднимавшихся к стене А, есть зола, угольки, обгорелые комья глины) в нем происходит перестройка. Стена А подрубается, к ней пристраивается новая (стена Г — уровень 2,02 м), нависавшая над ее фасадом. Надстраиваются и примыкавшие к стене А стены Б и В (надстройки Д и Ж). В дальнейшем восточное здание было заброшено и, может быть, преднамеренно разрушено. Его перекрыты кирпичный завал и зольно-перегнойный слой, имевший уклон к западу, как бы сползавший с высокого основания (рис. 27, в).

Отметим, что эта картина очень напоминает расположение слоев в юго-восточном раскопе, где древняя стена также была перекрыта зольными слоями, сползавшими с нее под большим уклоном. В гумусно-зольных слоях у стен Г и Д найдено небольшое количество керамики, сходной с посудой из горизонта II в квартале Б. На эти «падающие» с развалин восточного здания слои были поставлены новые стены, в том числе и здания I, юго-западный угол которого буквально «вставлен»

а — общий вид; 1 — рыхлый слой с гумусом; 2 — плотный аморфный слой; 3 — зола; фрагмент I. Юго-восточный раскоп: 1 — мелкокомковатый глиняный слой; 2 — плотный слой забутовки с обломками сырцовых кирпичей; 3 — плотная глина; 4 — слой строительного мусора; 5 — рыхлый слой с угольками, большим количеством золы, керамикой; 6 — слоистые напластования, относящиеся к древней стене; 7 — материк (буквами А, Б, В обозначены стены) фрагмент II. Юго-западный раскоп: 1 — плотная глинистая поверхность; 1а — материковый песок; 2 — культурный слой с органическим перегноем; 3 — кирпичный завал; 4 — рыхлое мелкокомковатое заполнение; 5 — углистая прослойка; 6 — уплотненные зольные слои; 7 — мягкий слой из органических остатков и пепла; 8 — наслонения с включением соломы; 9 — кирпичный завал с включением мелкокомковатого слоя; 10 — слой с органическим перегноем и золой; 11 — культурный слой с включением мелких обломков кирпичей (буквами А, Г, Е и Е₁ обозначены стены)

в кладку древней постройки. Стена Е на плане — поздняя граница храмового участка. Между зданием I и стеной Е образуется узкий коридор.

В раскопе открыто небольшое замкнутое сооружение (1,5×5 м), заключенное между двумя кирпичными стенами толщиной 1,5 и 1,8 м. Пол внутри него наклонен, поднимаясь на протяжении 5 м на 1,5 м. Южной гранью помещения служила немного подрубленная кладка стены А монументального восточного здания. Этот же массив лежит и в основании данного помещения, которое предположительно считается пандусом. Между стеной западного здания и торцами стен пандуса первоначально были проходы, позднее заложённые по уровню 232—251 см. Видимо, одновременно засыпали и это маленькое распределительное помещение. Осталось непонятным, на какой уровень сооружений квартала должен был выводить пандус (см. рис. 21).

Наслонения к северу от распределительной клетки с наклонным полом, условно принятой за пандус, имели другой характер. Здесь открыт отсек размером 5×5 кв. м, напоминающий субструкционную клетку юго-восточного раскопа нерегулярностью кладки и неровностью ее поверхности за счет выступавшего из швов раствора. Весь отсек засыпан однородным слоем типа строительного мусора. Таким образом, основанием здания I явились древние монументальные постройки, частично забутованные, частично заложённые сырцовыми кирпичами на песке и превращённые в доколь данного здания. При строительстве этого до-

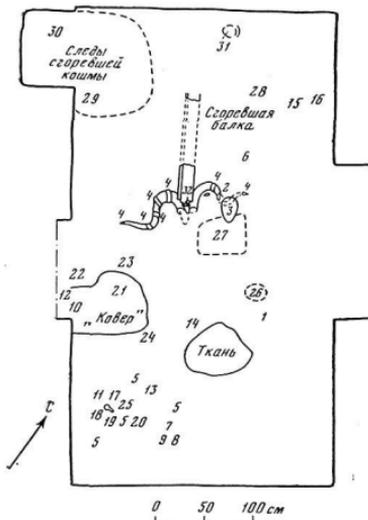

Рис. 28. Помещение 2 в здании II. План

1, 14 — фрагменты алебастровой скульптуры; 2, 6, 16, 18, 21 — 24, 30 — фигурная пластика, бляшка и другие предметы из бронзы; 3 — верхняя часть крупного травяного; 4 — бронзовые позолоченные обломок на рогах; 5, 10, 15, 20, 29 — стекляные бусины, обломки стеклянных сосудов; 7, 8, 9, 25 — обломки костяных булавок; 11, 13 — кусочки золотой фольги; 12 — крупная каменная бусина; 17 — бронзовое зеркальце; 19 — ширитовые бусины; 26 — сгоревшее дно корзинки с бусами, обломками стекла; 27 — большое скопление ширитовых и других бусин и обломков стеклянных сосудов; 28 — бронзовый бубенчик; 31 — обломок серого горшка с двумя ручками; 32 — железная скоба, прибитая сади к рогам аркара

коля делались дополнительные субструкционные клетки, обнаруженные в раскопах у южной и западной стен здания I.

Извлеченная из слоев у древних стен здания керамика синхронна сосудам из горизонта I квартала B. Следует заметить, что среди нее есть фрагменты крупных горшковидных сосудов с росписью, сделанной ярким красным ангобом по розовому черепку, типологически восходящие к более ранним образцам хорезмийской посуды, относящимся к последним векам до н. э. Однако они единичны, и только расширение раскопок нижних слоев квартала и накопление материала отсюда позволят ответить на вопрос, существовали ли здесь слои, предшествовавшие рубеву эр, или же эти росписные сосуды продолжали изготавливаться и в первые века н. э.

Теперь обратимся к постройкам за северной стороной здания I. К ней вплотную примыкает здание II, построенное, по-видимому, в тот период, когда срубили перегородку в помещении 2 здания I. Его план воспроизводит ту же композиционную схему: оно состояло из трех вытянутых цепочкой помещений. Здание сгорело (пожар бушевал в среднем помещении 2). В двухтамбурных проходах, расположенных на одной оси (по центру здания в направлении запад—восток), сохранились обугленные деревянные стойки и плахи порогов длиной ок. 1 м и шириной 0,15 м (см. рис. 21).

Самое восточное помещение 1 (около 6,2×4,4 м) было, очевидно, и самым обширным. Его размеры точно не восстанавливаются в связи с тем, что северо-западная часть помещения сильно разрушена. Видимо, не уделены ремонтные прикладки к его западной стене, и близ северо-западного угла ее толщина равна первоначальной — 2 м. К востоку от помещения идет сильный срыв. На поверхность здесь выступают нижележащие уровни и более древние стены, не совпадающие с верхними. Поэтому с этой стороны не прослеживаются даже контуры восточной границы помещения (и здания). Западная и южная стены сложены из квадратных сырцовых кирпичей со стороной 38 и 39 см. Пол — плотная глиняная обмазка, заметно обожженная и покрытая тонким слоем намынов. Заполнение — плотный, местами переслоенный намывами, кирпичный завал, в котором встречались обломки керамики. Максимальная его толщина 1 м. В дверном проеме, расположенном посередине западной стены, открыты сгоревшие детали дверной коробки: четыре стойки 15×15 см в сечении и два горизонтальных бруса, положенных вдоль стен прохода, а также деревянная плаха порога шириной 22 см и длиной 1,26 м. На полу возле прохода найдены несколько бусин и обломок костяной булавки, увенчанной человеческой фигуркой. Тонко выполнено безбородое лицо с прической или головным убором в виде шара, приподнятого над теменем. Руки согнуты в локтях и соединены над грудью в молитвенном жесте. Ноги сливаются со стержнем булавки (см. рис. 57).

Помещение 2, куда выводил описанный проход, имело площадь 4,9×2,5 м (рис. 28). Высота стен не превышает 1 м. Помещение хранит следы пожара: обмазки стен опалены, раствор между кирпичами превратился в подобие желтоговатого пепла. Поверхность пола к стенам повышается, и не исключено, что вдоль них была узкая и невысокая (в один кирпич) суфа, совершенно разрушенная пожаром. Пол прокален, покрыт тонким намынным слоем, образовавшимся либо от дождя, либо

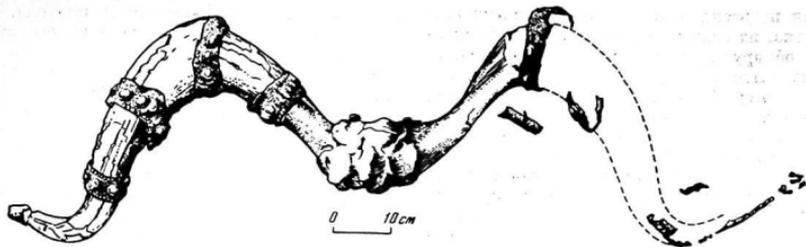

Рис. 29. Рога архара из помещения 2 в здании II

при тушении пожара. Над полом были угли и обугленные балки рухнувшего перекрытия, а также камыш и сгоревшие прутья. Все это вместе с многочисленными находками над полом перекрывалось слоем кирпичного завала, в котором попадались фрагменты керамики, преимущественно афригидского времени. Вероятно, в помещении был еще один пол на уровне 6,5 м, который судя по находкам над ним характерной для этого времени керамики должен относиться к эпохе Афригидов. Находки ее, как указывалось, встречаются и глубже, даже над основным полом (уровень его 495 см). В частности, на этом уровне в северо-восточном углу комнаты найден обломок широкогорлого сосуда с округлым туловом, подобный встречавшимся в некоторых усадьбах Беркуткалинского оазиса (например, в усадьбе 66), где они ориентировочно датируются VI—VII вв. Однако в описываемом помещении 2 наряду с ним найдены фрагменты и более ранней тонкостенной красноангобированной посуды. Таким образом, керамика дает пока очень широкую дату (IV—VII вв.). Мы сейчас увидим, что и другие находки, подчас очень выразительные с точки зрения хронологических признаков, в силу специфики помещения очень мало, к сожалению, могут помочь в этом отношении.

Наиболее интересной из многочисленных находок, сделанных в помещении, является череп горного барана-архара с большими изогнутыми рогами (рис. 29). Рога украшали медные золоченые оковки, состоявшие из широких пластин, согнутых соответственно краям рога в своего рода браслеты, двух концевых обойм и узких пластин, располагавшихся по продольным сторонам рогов и соединявших браслеты между собой. На браслетах, сделанных из пластин шириной 4—4,5 см, — орнаментальная полоса из сферических выпуклостей, окаймленная с обеих сторон цепоч-

кой соприкасающихся маленьких кружков-перлов. Плохая сохранность концевых обойм и скрепляющих пластин не позволяет судить об их орнаментации, но возможно, что на последних также была песточка из выпуклых кружков. На правом роге сохранились четыре браслета, на левом — один и видны следы еще трех, но, судя по их расположению и ритму, на каждом роге должно было быть по пять браслетов.

Пластины к рогам были прибиты гвоздиками. С задней стороны черепа, между рогами, обнаружена железная пластинка, также прибитая к основанию рогов. Скорее всего, она предохраняла череп от разлома под их тяжестью. Может быть, череп упал откуда-то сверху в момент разрушения помещения, но не исключено что он уже лежал на полу в момент катастрофы, так как его полуприкрыла одна из сгоревших балок.

Среди прочих находок наибольший интерес представляет небольшой обломок алебастровой скульптуры, найденной на полу на расстоянии 0,7 м от восточной стены и 1,7 м — от южной. Скульптура изображала человека, видимо, в натуральную величину. Найденный фрагмент — обломок головы: заметны волнистые пряди волос, выбившиеся из-под края головного убора или ленты. Отдельный фрагмент изображает две прядки, связанные в узел и вновь расходящиеся. На поверхности большего фрагмента видны следы тончайшей золотой фольги.

Обнаружено множество бус и бисера, причем большинство из них было сосредоточено на двух участках. Один занимал пространство примерно 40×50 см в центре помещения, неподалеку от черепа архара. Пол здесь был усыпан бисером и бусами, но никакой системы в их расположении не обнаружено. Подавляющее большинство бусин — квадратки из пирита, многочастные стекляные. Бисер — зеленого, синего, красного и желтого цветов. Среди этих украшений — три-четыре жемчужинки, прямоугольная бусина из перламутра и ма-

ленькая подвеска в виде сидящего лягушонка (вероятно, из египетской пасты). В этом скоплении обнаружены также несколько мелких золотых бляшек полусферической формы, кусочки золотой фольги, подкальвавшиеся под стеклянные пластинки овальной формы, разрозненные кусочки стеклянных сосудов, в том числе фрагмент с росписью, и др.

Другое скопление бусин и стеклянных обломков лежало, видимо, на донышке сгоревшей небольшой корзинки, простеленном тканью. Содержимое ее составляли различные бусины, бляшки и стеклянные мелкие обломки, среди которых следует упомянуть фрагмент сосуда из мозаичного стекла. Комплекс производит впечатление маленькой коллекции, собранной в качестве скромного жертвоприношения.

Много предметов обнаружено в юго-западном углу помещения в том числе фрагменты по меньшей мере десяти небольших стеклянных сосудов, целиком, к сожалению, не собирающихся. Большинство из них — обломки чаш, помимо которых можно упомянуть закрытый сосуд полусферической формы, поверхность которого была покрыта вертикальными углублениями; горлышко графина; овальную крышечку с двумя коническими выступами; фрагмент сосуда с резьбой в виде поясов овальных углублений и вертикальных полос орнамента и др. (см. рис. 58). Среди этих обломков найдены бронзовое зеркало диаметром 11 см с плоским черешком для ручки, а также крупные бронзовые бубенчик, пальметта, обломки бронзовых пластин и др.

На двух участках пола отмечены следы сгоревшей ткани. В одном случае это была тонкая шерстяная ткань простого переплетения. У входа в помещение 3 обнаружены остатки более толстой ткани — что-то вроде ковра. И, наконец, в северо-западной части помещения лежали куски сгоревшей кошмы.

Инвентарь помещения 2 мог бы рассматриваться как бытовой (бусы, зеркало), если бы не череп архара, который играл явно ритуальную роль. Впрочем, нельзя забывать и о фрагментах алебастровой человеческой фигуры, которая, вероятно, стояла в святилище и которой, может быть, отводилась важная роль в совершении связанных с ней ритуалов. Большие надежды в этом отношении возлагались на результаты раскопок следующего помещения 3, куда вел широкий и длинный проход, расположенный, как указывалось, на одной оси с проходом в восточной стене помещения 2. Сюда также распространился пожар, полыхавший в этом помещении. В огне обуглились и разрушились балки сложной дверной конструкции, состоявшей из двух длинных стоек, уло-

женных вдоль основания стен прохода, трех вертикальных стоек по каждой из его сторон и трех поперечных плах-порогов. Длина продольных балок 2,13 м, толщина около 12 см; ширина деревянных плах 14 см при толщине 8 см. На полу в проходе, где слой горения поднимался до 0,4 м, найдены несколько бусин, фрагменты ориентированной бронзовой пластины и стеклянных сосудов.

При сооружении помещения 3 использовались остатки более ранней сводчатой постройки, заложеной сырцовой кладкой на песке до уровня 496—508 см. Поверх кирпичей закладки была положена глиняная обмазка нового пола и отремонтированы южная и восточная стены путем прикладки к ним впритык дополнительных кирпичных стенок — «оболочек». При этом был, видимо, прорублен описанный выше проход в основной восточной стене. Северная стена поставлена заново на кирпичную закладку. С течением времени сделали второй пол, для чего на первый пол положили ряд сырцовых кирпичей на глине и покрыли его глиняной обмазкой. Над этим полом так же, как и в помещении 2, зафиксированы следы пожара: копоть, зола, угли, обожженные до красноты участки. Находки в слое над полом немногочисленны: это несколько сердоликовых бусинок, разноцветный бисер, небольшое круглое бронзовое зеркало с двумя маленькими отверстиями, расположенными по диаметру, позолоченная бронзовая фигурная бляха, кусочек золотой фольги и остатки сгоревшей ткани, стеклянных сосудов.

К северу от описанного комплекса расположена другая постройка из двух сообщающихся помещений, отделенная от первой узким проходом (здание III). Ширина прохода в западном конце всего 1 м, к востоку он слегка расширяется. Эта постройка также вытянута в меридиональном направлении; ее размеры 10×6 м (см. рис. 21). В обоих ее помещениях (3 и 4) открыт тот же уровень полов, что и в здании II, однако поверх них лежит кладка из сырцовых кирпичей на песке, выходящая на поверхность, уровень которой 556—560 см. Закладка толщиной 0,6 м лежит непосредственно на полу, культурного слоя нет, но тем не менее находок внутри постройки сделано много, особенно в помещении 3. Значительная часть найденных предметов происходит из самой закладки, в частности, из заполненных песком швов в кладке. В их числе многочисленные, главным образом стеклянные, мелкие бусины, небольшие бронзовые украшения и их фрагменты и т. п. Много стеклянных и костяных бусин, бисера, бронзовых подвесок найдено и несколько ниже, в 20-сантиметровом слое между первым и вторым полами.

В помещении 4 на этом уровне (468—490 см) было также много различных мелких предметов. Наиболее интересны из них две костяные шпильки с орнаментированным навершием, а также маленький фрагмент глиняной раскрашенной скульптуры. Вместе с перечисленными предметами в помещениях оказались монеты типа Б²¹⁴ и Б²¹⁵, верхней границей выпуска которых является середина V в. н. э.

О назначении здания III судить трудно, поскольку в нашем распоряжении слишком мало данных. Однако условия находок вышеперечисленных предметов и самый их набор, совпадающий с составом находок в здании II, планировка здания III, воспроизводившая ту же схему, что и положенная в основу планов храмов квартала, позволяют высказать предположение, что это была также культовая постройка.

Севернее ее существовало два жилых помещения — 1 и 2, возможно, несколько более поздних. Первое из них, обширное квадратное помещение 1 (4×4 м), в которое вел узкий и длинный проход, было пристроено к стене здания III. Другой проем — вдоль западной стены помещения — выводил в маленькую несохранившуюся комнатушку, расположенную севернее. Она была построена поверх широкой кирпичной стены, окружавшей цитадель, и кирпичи этой стены проступают сквозь поздний развешивный слой.

Помещение 1 имело, несомненно, хозяйственное назначение: в нем два очага. Один из них — округлый, диаметром 35 см, возвышавшийся над полом. Другой был устроен на керамической подставке (0,9×1 м, высота около 0,3 м). На поверхности ее сохранилось лишь слегка опаленное округлое углубление, сам очаг не уцелел. Вдоль западной стены шла кирпичная суфа, размеры которой менялись от пола к полу: вначале ее ширина была 1 м; на уровне последнего пола она была подрублена (или истоптана), край приобрел рваные, неправильные очертания, а ширина уменьшилась до 0,4 м. В помещении расчищено несколько полов. Над верхним (уровень 552 см) найдены немногочисленные фрагменты стеклянных сосудов и бронзовых нашивок на одежду, мраморное пряслице и осколки глиняной посуды, относящиеся к VI в.

Помещение 2 не связано с описанным. Выход из него также вел на север, в какое-то несохранившееся помещение. Это жилая комната с центральным очагом в виде четырехугольной кирпичной вымостки. Вдоль западной стены, видимо, стоял хум, для установки которого была вырыта большая яма диаметром 0,6 м и глубиной 0,4 м.

Подведем итоги. Итак, квартал А с самых первых этапов существования города и на всем его протяжении был занят монументальными постройками. Первоначальные здания, участки которых открыты в юго-западном и юго-восточном раскопах, синхронны нижним слоям в квартале Б и постройкам в цитадели.

К концу первого этапа на платформе, в которой были погребены руины ранних построек квартала, строится здание I. Это происходит не ранее конца III в. н. э., а скорее — в начале IV в., хотя из-за отсутствия материала датировать здание чрезвычайно трудно. Определенным отправным пунктом для датировки являются и такие характерные конструктивные детали, как использование для наиболее ответственных участков постройки обожженных плиток, скрепленных алебастровым раствором. Этот же прием зафиксирован и в отдельных помещениях дворца до их перестройки.

Очевидно, что в оформлении здания большую, хотя и неясную сейчас, роль играли колонны, причем не исключено, что их каменные базы были извлечены строителями из руин более ранних сооружений, остатки которых оказались замурованными в его доколе. Столь же неясно, к сожалению, и другое обстоятельство: был ли окружен весь участок, занятый монументальными постройками, стеной. Во всяком случае, с южной стороны такая стена, по видимому, была.

На протяжении второго этапа жизни в городе в квартале А существовали храмовые здания II и III, стоявшие внутри участка, обведенного неширокой кирпичной стеной. Набор различных предметов, происходивших из разных слоев города и из дворца, позволяет пока установить для них довольно широкую дату — в пределах III—V вв., может быть, — до начала VI в., однако значительная их часть относится к IV—V вв. н. э. (см. главу IV).

¹ Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья. М.: Наука, 1969, с. 134—135.

² Там же.
³ См.: Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949, с. 41—42.

⁴ Лозовиц В. А., Раноног Ю. А. Работы в Топракале. — АО 1977 г., с. 527—528.
⁵ Неразик Е. Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. М.: Наука, 1966, с. 69.

⁶ Неразик Е. Е. Новые материалы по гончарному ремеслу в древнем Хорезме. — Вестн. ККФ АН УзССР, 1968, № 2, с. 55—61.

⁷ Там же.
⁸ Толстов С. П. Древний Хорезм, с. 123.
⁹ Все упоминающиеся в данной книге отметки считывались от такыра за восточной стеной городища.

- ¹⁰ См. об этих монетах типологу Б. И. Вайнберг: Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М.: Наука, 1977, с. 53—57.
- ¹¹ Кук-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма. IV в. до н. э.—IV в. н. э.—ТХЭ, 1967, т. V, с. 122—126.
- ¹² Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М.: Наука, 1977, с. 54.

- ¹³ На территории квартала Б было заложено семь раскопок, внутри которых велась своя нумерация помещений. Номера раскопок обозначены римскими цифрами, помещений — арабскими. Если площадь двух помещений в следующем, более позднем горизонте занимало одно, оно получало двойную нумерацию, например, VI—5—VII—4.
- ¹⁴ Счет сверху.
- ¹⁵ Толстов С. П. Древний Хорезм, с. 123.

ГЛАВА II

ГОРОДСКИЕ УКРЕПЛЕНИЯ

Общие сведения об оборонительных сооружениях Топрак-калы хорошо известны благодаря многочисленным публикациям С. П. Толстова, но полученные в результате раскопок последних лет новые данные представляют, тем не менее, большой интерес, так как дают возможность не только внести целый ряд уточнений, но и переосмыслить уже известные факты, а иногда по-новому их интерпретировать.

Исследование этих материалов позволяет получить представление как о конструкциях и функциональных особенностях отдельно взятых оборонительных сооружений, так и обо всей фортификационной системе города.

Одной из закономерностей, наблюдаемых в среднеазиатской античной фортификации и градостроительстве, является стремление строителей придать городам и тем более крепостям строго геометрическую конфигурацию и регулярную планировку. Исключения составляли лишь те из них, геометрический план которых нарушался рельефом, вернее, использованием его в целях усиления обороноспособности.

Основная фортификационная идея, заложенная в стремлении геометризировать план, заключалась в сокращении периметра стен, что при ограниченном числе защитников весьма существенно. На Топрак-кале крепостные стены воздвигнуты по контуру правильного прямоугольника, что позволило еще к тому же создать внутри него регулярную планировку, преимуществу которой в градостроительном аспекте не требуют доказательств. Однако одно обстоятельство следует отметить. Речь идет о быстрой и организованности при занятии защитниками города своих мест на городских стенах. Главная магистраль подводит к единственному в соответствии с правилами древней фортификации входу в город, а идущие перпендикулярно ей боковые межквартальные улицы — непосредственно к участкам стен, по-

видимому, заранее отведенным «боевым расписанием» определенным группам защитников, жилища которых выходят на эти улицы.

Два основных этапа в жизни города прослеживаются и при анализе его укреплений, в истории которых наблюдаются соответственно два периода. К первому из них относится возведение вокруг города мощной крепостной стены с заключенными внутри нее расположенными в два этажа коридорами. Верхний с прорезанными в его внешней стене бойницами служил стрелковой галереей. По всем фасадам крепостной стены и по углам были расположены башни. Единственный въезд в город был защищен традиционным для хорезмийских укреплений предвратным крепостным сооружением. Вокруг город был обведен заполненным водой рвом. Весь северо-западный угол города занимала цитадель, в соответствии с фортификационными канонами являющаяся последним опорным пунктом для защитников города в случае падения его внешних стен. Ни одно античное городище в Хорезме не имело столь мощной цитадели. Ее стены, с такой же как и во внешних стенах стрелковой галереей, отсекают от территории города площадь в 3,24 га. Расположенный в северо-западном углу цитадели дворец, поднятый на очень высокий стилобат (14,3 м), вопел огромным бастионом в систему укреплений города и мог, таким образом, участвовать как в общей его обороне от внешнего врага, так и в случае нужды оказать сопротивление врагам внутренним. Пристроенный к южному фасаду дворца вскоре после его возведения, огромный массив башни недвусмысленно «смотрел» в сторону города. Хотя башня предусматривалась как жилища, но ее возведением преследовались, несомненно, и оборонительные цели.

Прям включение дворца в систему городских укреплений был традиционным и широко распространенным в среднеазиатском фортифика-

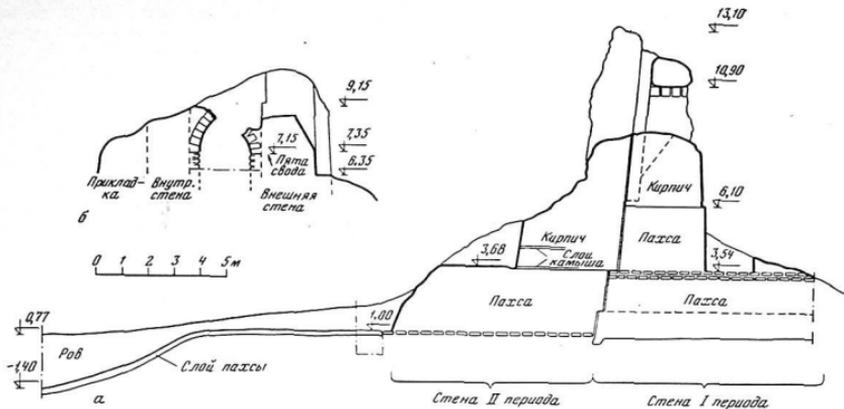

Рис. 30. Поперечные разрезы через северную стену города

а — на участке у северо-восточного угла (через стены обоих периодов и ров), вид с запада; б — на участке у дворца, вид с востока

кационном зодчестве и позднее. На древнем Востоке эти традиции уходят в глубину веков: по такому принципу, например, в конце VIII в. до н. э. был возведен в Дур-Шаррукине (Хорсабаде) дворец Саргона II¹, частью выходящий за пределы городской стены и задуманный как крепость не только против внешних, но и внутренних врагов. Так же как и дворец Топрак-кала, он был возведен на огромной, специально сложенной платформе высотой 14 м.

Во втором периоде весь город был обведен по периметру новыми стенами, охватившими, как панцирем, старые и имевшими, так же как и они, внутреннюю стрелковую галерею, но уже покоящуюся не на перекрытии первого этажа, а на высоком сплошном доколе. Внешняя стена новой галереи была полностью сложена заново, а под внутреннюю частично использована внешняя стена первого периода. Старые башни были срублены по уровню вновь образованной стрелковой галереи, заложены и вошли в ее доколь. Предвратное сооружение также претерпело изменения — к нему тоже была сделана пристройка.

Рассмотрим отдельные фортификационные узлы.

Стены. Обе стены (внешняя и внутренняя), образуя двухэтажный коридор и входящие вместе с ним в общую конструкцию городской стены (рис. 30, а, 31), покоятся на общем паховом цоколе-платформе шириной 8,5 м и высо-

Рис. 31. Остатки северной стены у северо-восточного угла города. Видно примыкание стены периода II к стене периода I

той 2,7 м, верхняя часть которого — непосредственно под стенами — образована двумя рядами уложенного на растворе кирпича. Этот цоколь состоит из двух частей, верхняя из которых высотой 1,7 м идет с отступом в 25 см от кромок нижней. Передние грани обеих частей цоколя скошены. Внешняя стена коридора возведена с отступом 37 см от края верхней части цоколя. В нижней части на высоту 2,5 м она сложена из пахсы, выше — из кирпича, образуя с внутренней стороны (на отметке 6,10 м) уступ шириной 10 см. На обшившемся в результате обрушения профиле участка северной стены, примыкающего к северо-восточному углу города на отметке 10,9 м, был зафиксирован верх бойницы, а при раскопках этой же стены в месте стыка ее с дворцом на отметке 7,35 — выходящие в нишу основание бойницы, расположенное в метре от основания ниши. Нижний коридор был перекрыт сводом, выполненным техникой «поперечных отрезков» в один перекат. Отметка его пята 7,15 см (рис. 30, б).

Уровень поверхности материка, на котором возведены все без исключения первоначальные конструкции сооружений Топрак-калы, колеблется в пределах 0,5 м и поэтому нижняя часть цоколя стены выполнена как обособленная выравнивающая конструкция. Она поглощает разницу в отметках этой поверхности, благодаря чему верхняя часть цоколя, относящаяся уже непосредственно к конструкции самой стены, идет горизонтально по всему периметру. Сумма высот обеих частей цоколя достигает местами 3 м. Поднятие стен на такой высокий цоколь явно преследовало одну цель — защиту их оснований при применении противником стенобитных орудий.

В арсенале древнего фортификационного искусства существовал и другой способ защиты стен от действия стенобитных орудий — возведение дополнительных стенок-барьеров. В странах Ближнего и Среднего Востока крупнейшие древние города окружались такими стенами в две или даже три линии (Сузы, Вавилон, Экбатаны, Ашур и др.)². Целый ряд среднеазиатских укреплений также был обнесен двойной и тройной линией стен³. Высота такой стены должна была быть соответственно регламентирована, так как вполне естественное стремление к ее увеличению могло обернуться весьма существенным недостатком — произошло бы увеличение и находящегося перед ней мертвого пространства, образующегося при обстреле с крепостных стен. Наиболее характерный пример в этом отношении представляет собой раннеисламическую крепость Хазарасп. Как показали раскопки, там по внутреннему краю рва была воздвигнута вторая стена высотой до 3 м⁴.

Строители крепости понимали, что такая высота создаст значительное мертвое пространство, к тому же приходится на ров и сводящее поэтому к нулю оборонительное значение последнего. Чтобы избежать этого, в стене были прорезаны бойницы, а поверху устроен защитный парапетом валганг, т. е. она получила два яруса обороны. Действительно, эта стена представляла собой весьма внушительное препятствие, но в целом такое решение является довольно громоздким, имеющим к тому же и отрицательные стороны. Ведь идущая вокруг всей крепости дополнительная стена требует и дополнительного контингента защитников, число которых, по всей вероятности, было все же ограничено. Если предположить, что защитники крепости распределились равномерно по периметру основных и дополнительных стен, и учесть, что основная стена имела три яруса, то для осуществления активной обороны дополнительная стена в два яруса требовала отвлечения не менее $\frac{2}{3}$, т. е. 40%, общего числа защитников крепости. Более того, при преодолении противником этой стены, хотя бы в одном месте (что, учитывая ее все же не такую уж большую высоту, вполне достижимо), ее защитники, отрезанные от единственного входа в крепость, подверглись бы полному истреблению.

В свете этого примера мы можем убедиться, что поднятие стен Топрак-калы на высокий цоколь в оборонительном аспекте является более рентабельным, более эффективным и, следовательно, — прогрессивным. Следует иметь в виду, что увеличение благодаря этому общей высоты крепостной стены приобретает большое значение и в случае применения противником штурмовых лестниц.

В этом плане (возведение сырцовых стен на высоком скошенном цоколе), как, впрочем, и в некоторых других общих приципах фортификационной системы (прямоугольные башни вдоль фасов стен и на углах), с Топрак-калой близко смыкаются парфянские крепости Дурнали (I—II вв. н. э.)⁵ и Чильбурдж (II—III вв. н. э.)⁶. Однако то, что в укреплениях парфянских городов такие цоколи-откосы имеют иногда очень большие выносы (например, в Ктесифоне он достигает в среднем 11 м)⁷, вовсе не значит, что идея этого фортификационного приема заимствована отсюда — он применялся еще в древних Сузах⁸.

Вообще следует отметить, что к концу античного времени в фортификационной архитектуре Хорезма наблюдаются перенесение центра тяжести фронтального обстрела на верхние ярусы обороны, как более действенного — навесного, а затем и полная ликвидация нижнего — устройство вместо него глухих коридо-

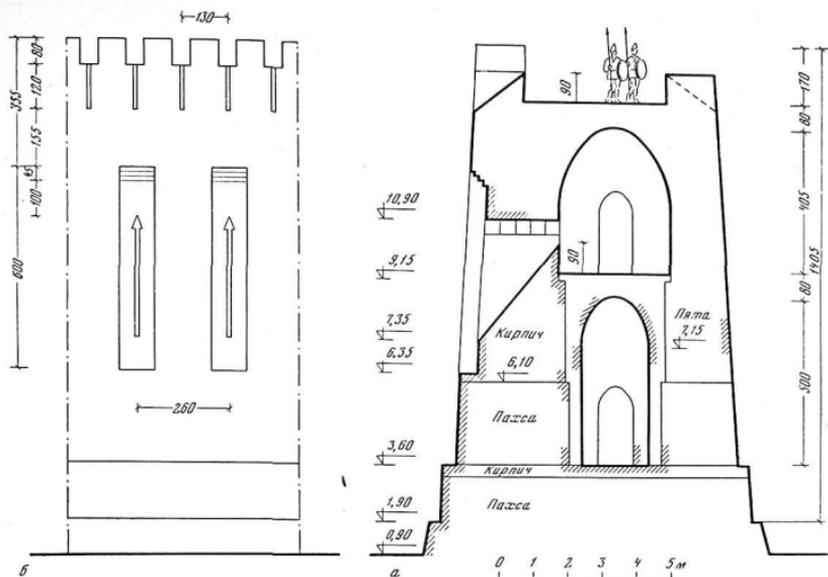

Рис. 32. Крепостная стена периода I. Реконструкция а — поперечный разрез (заштрихованы контуры конструкций, зафиксированные на разных участках стен города; отметками обозначены обмерные данные, остальные размеры по вертикали — реконструированные; б — фрагмент фасада

ров, как это было не только на Топрак-кале, но и на Аяз-кале 1⁹, Базар-кале¹⁰ и др.

Из приведенного выше описания поперечного разреза крепостной стены, обмеры основных фрагментов которой удалось осуществить, следует, что для ее полного реконструирования необходимо определить высоту коридора, высоту и ширину расположенной на втором этаже стрелковой галереи и всю венчающую часть — валганг с защищающим его парапетом (рис. 32, а). Вся эта конструкция, состоящая из двух стен и заключенных между ними коридора и стрелковой галереи, стоящая непосредственно на цоколе, имеет ширину 7,8 м, из которых 3,35 м приходится на внешнюю стену и 1,9 м — на внутреннюю. Возведение нижних частей этих стен из пазцы, по-видимому, явилось следствием того, что этот строительный прием значительно менее трудоемок по сравнению с возведением конструкций из кирпича (он не требует формовки кирпича,

времени на его сушку, приготовления раствора и особой тщательности при укладке кирпича в конструкцию из-за невозможности последующей стески поверхности стен). Поэтому в данном случае до уровня предполагаемого в дальнейшем усложнения профиля стены — устройства ниш — строители возвели стены из пазцы, а выше перешли на кирпичную кладку.

Примечательно, что поверхностями стен коридора являются не внутренние поверхности крепостных стен, между которыми он заключен, а идущая вдоль каждой из них кладка в один кирпич, на которую опирается сводчатое перекрытие (см. рис. 30, б). Таким образом свод, перекрывающий этот коридор, является обособленной конструкцией, не связанной со стенами, а как бы вставленной в «обойму», ими образованную. Во всех до сих пор встречающихся нам перекрытиях помещений, принадлежащих сооружениям Хорезма античного времени, пять сводов непременно заделывались в стены, т. е. свод и стены, на которые он опирался, являлись единой монолитной конструктивной системой. Однако отсюда не следует, что перекрытие внутренних галерей по конструктивным или иным соображениям осуществлялось по-другому, нежели в обычных

помещениях — в очень похожих по структуре крепостных стенах уже упомянутых Аяз-калы, Базар-калы и др., где нижние коридоры также были перекрыты сводами, пять этих сводов тоже заделывались в стены. На Топрак-кале мы встретились с другой, более совершенной конструкцией и прогрессивным методом осуществления строительных работ. Во-первых, как известно, монолитная жесткая конструкция значительно менее надежна в сейсмическом отношении, чем раздельная, позволяющая во время подземных толчков слегка сдвинуться ее частям друг относительно друга, не разрушаясь, и поэтому свод, свободно лежащий на собственных опорах, менее подвержен разрушению, чем при жесткой заделке его пят в толщу стен. Во-вторых, построить «обойму» — две стены — и вставить затем в нее сводчатую конструкцию значительно проще технически и требует меньшей затраты времени, а это при огромной протяженности крепостных стен (их развернутая длина, включая стены цитадели и предвратного укрепления, приближается к 2 км) имеет исключительно важное значение, тем более что никак не отражается на прочности этой конструкции. И, наконец, в-третьих, такой строительный прием прогрессивен в том отношении, что способствует разделению труда: он позволяет возводить крепостные стены двумя разными по квалификации группами строителей. Одна сооружала стены, другая, более квалифицированная, «вставляла» сводчатые конструкции.

Топрак-калинские своды выложены по трехцентровой кривой высокого подъема из специально сформованного трапециевидного кирпича размерами $21 \times 18 \times 40$ см (верхнее основание, нижнее и высота) широко распространенной в зодчестве того времени так называемой «техникой поперечных отрезков». В двух раскопах были зафиксированы сохранившиеся *in situ* три фрагмента сводов (пята, отрезок щеки и участок, близкий к шельге). При совмещении чертежей обмеров этих фрагментов на одном чертеже и дополнении участков этой кривой до полного контура было обнаружено, что она имеет тот же характер, что и у кривых сводов, перекрывавших помещения дворца. Следовательно, в данном случае мы могли для определения высоты свода (стрелы его подъема) применить коэффициент формы (подъем кривой, т. е. отношение стрелы подъема к пролету), определенный нами в свое время для очертаний кривых этих сводов (он равен $0,8$)¹¹, и, зная при этом уровень расположения пяты свода, определить отметку его шельги; вычтя из нее отметку пола, получим полную высоту перекрытого этим сводом коридора.

Высоту свода получим путем умножения размера его пролета на коэффициент формы, т. е. $1,8 \text{ м} \times 0,8$, что составит $1,44$ м, а отметка его шельги исходя из этого будет равна $8,59$ м, т. е. $7,15$ м (отметка пяты) плюс $1,44$ м и, следовательно, общая высота коридора была равна 5 м ($8,59$ минус $3,60$).

Толщину междуэтажного перекрытия в заковой части свода можно определить, вычислив предварительно предположительную отметку уровня пола второго этажа. Для этого из известной нам отметки верха бойницы — $10,9$ м надо вычсть размер по высоте ее входного отверстия (см. рис. 36, е) и расстояние от него до этого пола. Оптимальная высота расположения бойниц над полом $0,9$ м. Забегая вперед, отметим, что зафиксированная высота бойниц над полом в стрелковой галерее второго периода имеет именно такой размер. Таким образом, отметка пола будет равна: $10,90 \text{ м} - (0,58 \text{ м} + 0,9 \text{ м})$, т. е. $9,42$ м. Отсюда толщина перекрытия $9,42 \text{ м} - 8,6 \text{ м}$, т. е. $0,82 \text{ м}$ ($0,8$ м). Такая толщина перекрытия конструктивно вполне оправдана, ибо оно в этом случае будет состоять из части конструкции свода (замкового кирпича), защитного слоя по меньшей мере из двух рядов кирпича, уложенного на растворе, глинобитной подготовки под пол и его обмазки. Эти вычисления находят отражение в структуре фрагмента стены, сохранившегося на участке у северо-восточного массива дворца: она с внутренней стороны на отметке $9,15$ м образует горизонтальный уступ, что является конструктивным приемом, применявшимся при устройстве перекрытий.

Для определения высоты стрелковой галереи необходимо предварительно установить уровень пяты перекрывавшего ее свода, затем стрелу его подъема и суммировать эти размеры. Бойницы, естественно, не могут врезаться в свод, и поэтому можно предположить, что над ними (под пятой) проходил хотя бы один ряд кирпича, что равно примерно 15 см вместе со слоем раствора, т. е. предполагаемая отметка пяты была равна $11,05$ м. Галерея располагалась над нижним коридором, безусловно, симметрично, поэтому ее ширина определяется как удвоенное расстояние от их общей оси до внутренней поверхности внешней стены. Она оказалась равной 3 м . Отсюда высота свода — $2,4 \text{ м}$ ($3 \text{ м} \times 0,8$), отметка его шельги — $13,45 \text{ м}$ ($11,05 + 2,4$), а общая высота стрелковой галереи $4,05 \text{ м}$ ($13,45 - 9,4$).

Приняв перекрытие по толщине таким же, как и над первым этажом, можно заключить, что отметка его верха была равна $14,25 \text{ м}$ ($13,45 + 0,8$). Не вызывает сомнений, что это перекрытие служило валгангом. Во-первых, и это главное, он наряду со стрелковой галереей

является одним из основных компонентов крепостной стены в античной фортификационной архитектуре. Кроме выполнения непосредственных своих функций по обстрелу близлежащих подступов к стенам, он обеспечивал к тому же маневр живой силы по всему периметру стен крепости. Ему иногда даже отдавалось предпочтение, как, например, в крепости Акча-ге-ли¹² — форпосте античного Хорезма на его западных границах, где мощную стену не прорезала ни одна бойница, но по верху стен шел валганг. Во-вторых, для его устройства не было надобности в применении каких-либо дополнительных конструкций и связанных с этим строительных работ: валгангом при условии устройства только лишь защищающего его парапета могло служить перекрытие стрелковой галереи.

Все приведенные выше подсчеты, основанные, правда, частично на предположительных размерах, находят подтверждение, если соотнести полученный конечный результат с отметкой платформы, на которой стоял дворец. Практически они почти равны (напомним, что отметка платформы 14,3 м), т. е. валганг был расположен в одном уровне с обходной площадкой, идущей по краю платформы вокруг двorca. И это вполне правдоподобно, учитывая, что крепостная стена примыкает к платформе и такая связь дворца с этой стеной весьма желательна. Благодаря отмеченному выше равенству уровней она могла осуществляться при помощи подъемного моста и становилась в этом случае односторонней (дворец — валганг), что имело существенное значение при опасности, грозящей дворцу со стороны города.

Крепостная стена нигде не сохранилась на полную высоту, так что вопрос о ее завершении остается неясным. Безусловно лишь одно: наверху шел парапет, который защищал валганг, а наличие последнего, как было отмечено выше, не подлежит сомнению. Парапет должен был быть достаточно высок, чтобы за ним могли укрыться стрелки, но, поскольку это мешало бы их активным действиям, в нем, по-видимому, были оставлены проемы, благодаря которым он с внешней стороны приобрел зубчатые очертания, а расположенные между этими зубцами бойницы открытого типа придавали этим очертаниям еще и ступенчатость. Со стороны валганга реконструированные нами зубцы получились в виде квадратных блоков. Приняв общую высоту парапета примерно равной среднему росту воина — 1,7 м¹³, мы ограничили высоту участка между зубцами 0,9 м, сделав ее равной по уровню размещения бойниц в стрелковой галерее. В определении ширины зубца мы отталкивались от величины расстояния между ними по осям, которое дол-

жно было быть равным половине расстояния по осям между бойницами стрелковой галереи. Ширина одного зубца с интервалом, таким образом, равнялась 1,3 м (см. ниже). Этот размер можно было разделить в любой пропорции, но мы остановились на 0,8 м для ширины зубца (два кирпича) и 0,5 м — для интервала между ними. Более узкий зубец (полтора кирпича) был хуже для укрытия за ним воина, а увеличение его ширины (сверх двух кирпичей) ограничивало обзор, так как этим сужался интервал.

По внутреннему краю валганга скорее всего также шел парапет — более низкий, без зубцов, служивший лишь ограждающей конструкцией, но в нем могли быть прорезаны открытые бойницы для того, чтобы в случае необходимости держать под контролем и город.

Как известно, идея устройства большинства узлов обороны крепости сводится, в конечном счете, к самому выгодному расположению бойниц в стене, т. е. такому, которое позволило бы как можно полнее и рациональнее использовать их боевые качества. Ведь именно они являются основными элементами крепостной стены, превращающими ее из ограды в систему, предназначенную для ведения активной обороны.

Бойницы стен Топрак-калы, относящихся к периоду I, были стрелчатыми (см. рис. 36, е), что характерно для хорезмийской античной фортификации. Имея, как и все бойницы этого типа, маленькое входное отверстие («черешок стрелы» равен по высоте одному ряду кирпича), бойницы Топрак-калы являются самыми большими по внешнему расстоянию (их высота 3,55 м; рис. 33, а) — размер, нигде более в Хорезме не зафиксированный.

Главной характеристикой бойницы в ее оборонительном значении является допускаемый ее боковыми гранями сектор обзора и обстрела (практически последний несколько меньше). Естественно, чем он больше, тем в оборонительном отношении бойница совершеннее. Величина этого сектора характеризуется углом, который образуется при проведении пересекающихся линий через внешние и внутренние ее грани. Отсюда следует, что величина угла зависит от ширины бойницы и толщины стены, в которой она прорезана. Чем толще стена и шире бойница, тем этот угол больше. Но вместе с тем увеличение сектора обстрела допустимо, разумеется, лишь в определенных разумных пределах — уменьшение толщины стены отрицательно сказывается на ее прочности, а расширение бойницы ведет к пошквенно-сти защитных свойств — стоящий возле нее воин становится более уязвимым для стрел врага.

Рис. 33. Бойницы

а — в стене периода I (на восточном фасаде северо-восточной угловой башни); б — в стене периода II — между третьей и четвертой башнями (сплоз бойницу видна верхняя внешняя часть бойницы в стене периода I)

Ширина бойниц стрелковой галерей 10 см, сектор обстрела из них 8° (рис. 34, б). Открытые бойницы паранета при условии, что они были той же ширины, что и бойницы стрелковой галерей, имели сектор обстрела на 25% больше (10°), так как паранет, безусловно, был меньшей толщины, чем стены (рис. 34, в). В башенных бойницах этот угол еще больше (11°), причем следует подчеркнуть опять-таки не за счет увеличения ширины бойниц, а за счет уменьшения толщины стен башен (рис. 34, г). Ведь башни в плане представляют собой относительно небольшие прямоугольники (см. ниже), в силу чего их стены образуют пространственно жесткую конструкцию и такое уменьшение толщины вполне допустимо с точки зрения прочности.

Уклон лотков бойниц стрелковой галерей 54° . Открытые бойницы валганга скорее всего имели меньший уклон, несмотря на то что, как правило, чем выше расположены бой-

ницы, тем более крутым должен быть уклон их лотков. Если допустить, что при стрельбе с валганга мертвое пространство должно быть не большим, чем при стрельбе из стрелковой галерей, то бойницы паранета прорезали бы тогда перекрытия ниш. Поэтому им, по-видимому, была определена задача только по защите рва и подступов к нему. Если соединить прямой линией внутреннюю кромку рва с внутренней же кромкой паранета, можно получить предположительный уклон лотков прорезанных в нем бойниц и одновременно вертикальный размер бойницы по фасаду. Уклон лотка в этом случае окажется равным 41° (рис. 34, е), а размер раствора бойницы 1,2 м. Вполне вероятно, что при определении уклона лотков бойниц паранета строители имели это в виду, тем более что в этом случае ступенчатые зубцы приобретали стройные очертания, увязываясь с вытянутыми по вертикали прямоугольниками ниш, и придавали в целом архитектуре фасада хорошие пропорции и законченность.

Обращаясь к нишам, оформлявшим фасады, следует внести некоторое терминологическое уточнение. В археологической литературе одна и та же пластическая обработка поверхности стены разными авторами часто описывается по-

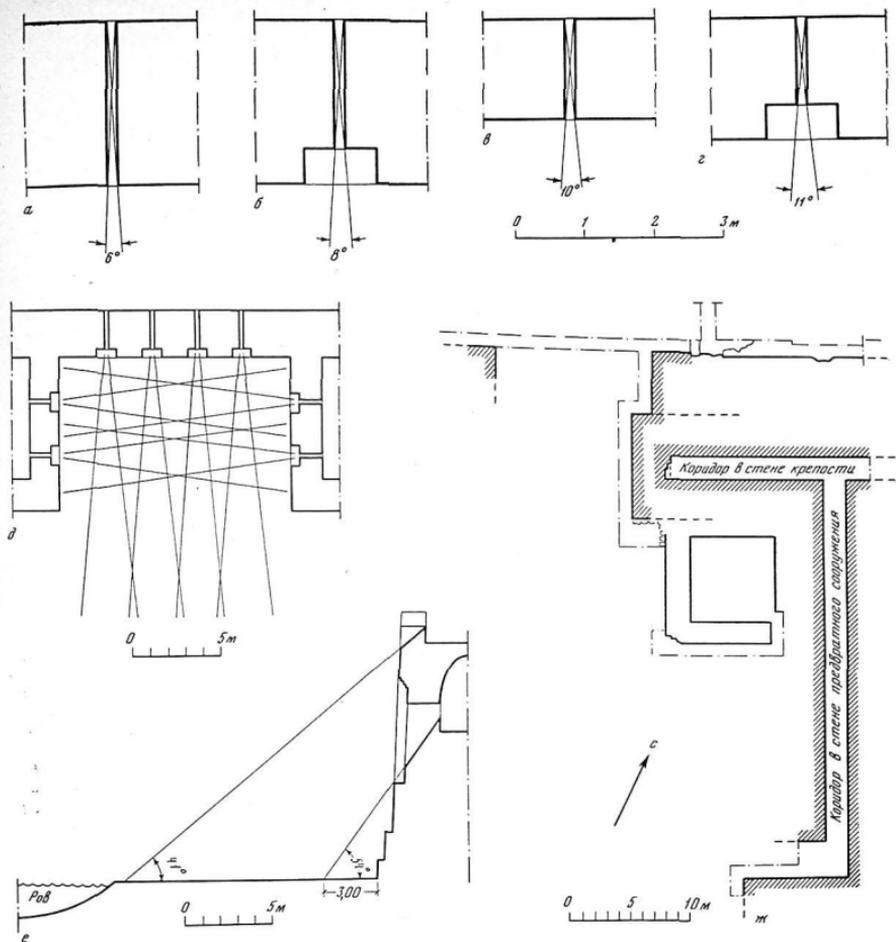

Рис. 34. Схема организации обороны подступов к крепостным стенам периода I

а — сектор обстрела из бойниц, прорезающих стену полного сечения; б — сектор обстрела из бойниц, выходящих в нишу; в — сектор обстрела из бойниц парапета; г — сектор обстрела из бойниц башни; д — защита межбашенного пространства (окрмано); е — вертикальные углы обстрела из бойниц стрелковой галереи и валганга; ж — примыкание коридора предвратного укрепления к коридору основной стены города

разному: одни воспринимают ее как обработку пилястрами или лопатками¹⁴, другие — нишами. И то и другое является древнейшим декоративным приемом в среднеазиатском, средне- и ближневосточном зодчестве. На наш взгляд, обработана данная поверхность лопатками или нишами следует определять в зависимости от того, что является поверхностью собственно стены — выступающие ее части либо углубленные.

На куртинах и башнях Топрак-калы прием обработки стен нишами, а не лопатками проработан совершенно четко. Другое дело, например, в упомянутых уже Хазараспе¹⁵ и Дурнали¹⁶. Хотя там вертикальные выступы и приближаются по внешнему виду к лоткам, но все же уместнее и в этих случаях определять всю систему как обработку поверхности стен нишами. Ведь пилястры и лопатки, являясь преимущественно декоративным, редко конструктивным приемом, призваны, однако, имитировать опорные конструкции — колонны и столбы. Такие конструкции, естественно, ни в коем случае ничем не должны быть ослаблены, тем более прорезающими их насквозь щелями — бойницами. Следовательно, выступающие вертикальные плоскости на обоих упомянутых памятниках не имитируют опорные конструкции и поэтому не являются лопатками (тем более пилястрами), а представляют собой, как и на Топрак-кале, поверхность стены, в которой сделаны углубления — ниши.

Устройство в городских стенах Топрак-калы ниш мы склонны рассматривать не как декоративный прием (хотя они, бесспорно, служат архитектурной выразительности фасадов), а как утилитарный, продиктованный фортификационными соображениями. Ширина бойниц, устроенных в этих стенах, минимальна — 10 см. Это их ценное качество в случае прорезания ими стены полной толщины — без ниш — оборачивалось бы недостатком: сектор обстрела стал бы очень узким — всего 6° (рис. 34, а). Выводом же бойницы в нишу достигалось увеличение его на 33% (8°) (см. рис. 34, б), что, безусловно, является весьма существенным улучшением ее свойств. Кроме того, это способствовало увеличению кругизны лотка бойницы, что также очень существенно, так как значительно уменьшает мертвое пространство у основания стены. Устройство таких ниш не влияет вместе с тем на прочность стены — конструктивно она работает своим полным профилем. По высоте ниши сделаны такими, что в них как раз «вписываются» наружные щели бойниц. Это также является свидетельством, правда, косвенным, в пользу предположения, что устройством ниш преследовалась в первую очередь именно утилитарная цель.

В. Л. Воронина, исследуя среднеазиатскую фортификацию, ранее уже отмечала, что для уменьшения толщины стены в месте размещения бойниц они устраивались в специальных нишах¹⁷. Такие ниши существовали, например, в стенах Хазараспа и Чильбурджа. Но там они были устроены изнутри — со стороны стрелковых галерей, к чему вынуждала небольшая ширина последних (в Хазараспе — около

2 м, а в Чильбурдже и того меньше — 1,5 м). На Топрак-кале в этом не было необходимости: достаточная для маневра ширина галереи (3 м) вполне допускала их устройство лишь извне, чем достигались, как уже было отмечено, одновременно две цели: увеличение секторов обстрела и оформление фасадов.

По фасаду на каждую куртину приходилось четыре ниши шириной 1,1 м (рис. 35, б, е). Ширина простенков между ними 1,5 м, следовательно, расстояние между нишами по осям равно 2,6 м. Простенки между крайними нишами и боковыми стенами башен 2,05 м. Этот размер не случаен. Если прибавить к нему половину ширины ниши — 0,55 м, то в результате получится 2,6 м — цифра, выражающая расстояние между двумя башнями по их осям, т. е., другими словами, участок стены между двумя башнями — куртина — был разбит на пять равных частей, стыки которых служили осями ниш. Ниши эти были довольно глубокими — около 0,5 м (больше размера кирпича), и поэтому небезынтересно, как они были перекрыты. Перекрытие могло быть осуществлено тремя способами: арочной конструкцией, рядовой перемычкой по балкам и напуском кирпичей (со сдвижкой каждого ряда не более чем на толщину кирпича). На применение строителями первого способа нет никаких указаний — нигде снаружи и завалах, образованных разрушенными конструкциями стен, не обнаружено трапециевидных кирпичей. Арки же должны были быть сложены только из таких кирпичей, так как для возведения простых клинчатых из обычного кирпича требовались опалубки и в безлесных районах предпочитали обходиться без них. Второй способ требовал еще большие древесины, так как она вторично не использовалась, а оставалась заделанной в конструкцию. Поэтому мы в нашей реконструкции остановились на третьем способе и показали перекрытие ниш в виде четырех рядов напускаемых друг на друга кирпичей.

Общая характеристика городских укреплений, относящихся ко второму периоду, была дана выше. Рассмотрим конструкции новой стены по частям (см. рис. 30, а). Ее цоколь, представленный вплотную к цоколю стены первого периода, также выполнен из пахсы. Но в отличие от него он выдвигается вперед на величину выноса новых башен. Таким образом, стены и башни размещались на одной общей платформе, благодаря чему перед стенами образовывалась широкая (4,5 м) площадка, фланкируемая башнями. Это новый в фортификации Хорезма прием. Здесь, так же как и в первом периоде, перед стенами устроены «карманы» (см. ниже), но в отличие от первых они подняты на трехметровую высоту, что делает сте-

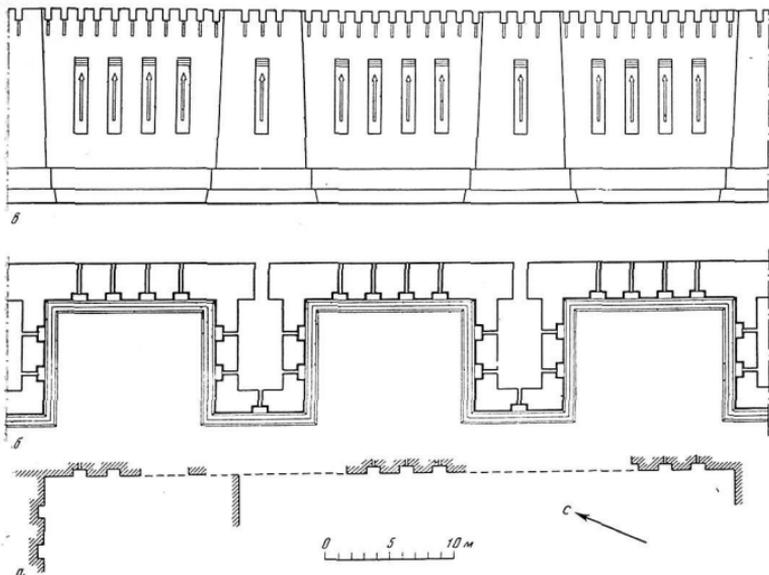

Рис. 35. Крепостная стена периода I. Фрагмент фасада а — участок зачатки внешнего контура стены на склоне западного вала (между первой и четвертой башнями); б — план этого участка (реконструкция); в — фасад (реконструкция)

ны еще более неприступными, в том числе и для стенобитных машин: для того чтобы подойти к стенам вплотную, противнику сначала необходимо преодолеть эту высоту, после чего он сразу же попадает под фронтальный и фланговый обстрел со стен и башен.

По паховому цоколю, также примыкая к стене первого периода, идет сплошная кирпичная кладка, представляющая собой платформо-субструкцию под покоящуюся на ней новую внешнюю кирпичную же стену и стрелковую галерею, заключенную между ней и стеной первого периода. Она частично поглотила остатки срубленных башен этого периода. Срублены были эти башни по разному уровню. Например, если верх четвертой башни¹⁸ находился непосредственно под полом стрелковой галереи (его отметка 9,15 м), то в первой башне ее верх проявился под прошедшей по ней кладкой на отметке 7 м, в седьмой — на отметке 8,5 м. Под эту платформу-субструкцию непосредственно на паховый цоколь и выше — через пять рядов кирпича — были уложены слои камня, являющиеся гидроизолирующей, дре-

важной конструкции (см. рис. 30, а). Дело в том, что новая стена вся выполнена из кирпича, а паховый цоколь, на котором она покоится, выступал, как говорилось, на 4,5 м перед стеной и на его поверхности скапливалась влага, которая могла проникнуть непосредственно в конструкцию стены. Сам по себе кирпич не менее гидростоек, нежели пахса, но раствор, на котором он укладывается, в силу меньшей плотности из-за добавления в него песка (для пластичности) обладает значительно большей водопроницаемостью, что и требует введения дополнительных гидроизолирующих прослоек. Следует отметить, что такие гидроизолирующие дренажные прослойки из камыша нами в архитектуре Хорезма античного времени встречаються впервые — они характерны для архитектуры более позднего времени.

Почему же строители, возводившие вторую, более позднюю стену, не сложили ее нижнюю часть из пахсы (как это было в первом периоде), что обеспечило бы ее надежную гидроизоляцию без введения прослоек из камыша? Ведь это значительно проще, не менее надежно да и вышележащие конструкции это вполне допускали. Все дело здесь, очевидно, в нехватке материала для изготовления пахсы. Ведь она, как известно, должна изготавливаться

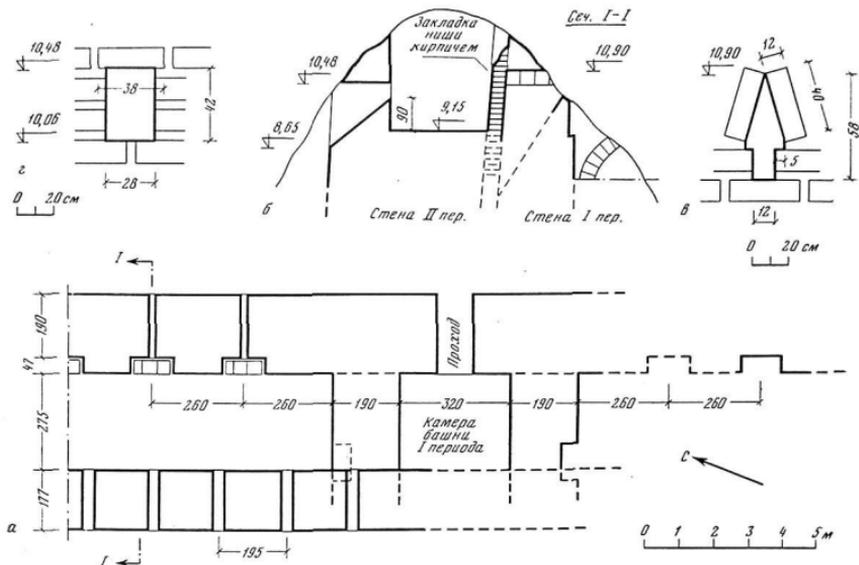

Рис. 36. Участок западной стены города (у четвертой башни)

а — план стрельковой галереи периода II; б — разрез; в — входное отверстие бойницы в стене периода I; г — входное отверстие в стене периода II

на месте — ее невозможно транспортировать. При возведении стены первого периода материал для нее брался здесь же из своеобразного карьера, которым служил устраиваемый вокруг города ров. Во втором случае, поскольку ров уже существовал, неоткуда было взять такое большое количество глины и стены, начиная с самого низа, пришлось возводить из кирпича, который мог изготовляться в другом месте и уже в готовом виде транспортироваться к месту постройки.

Толщина новой стены 1,75 м, ширина стрельковой галереи 2,75 м, отметка ее пола 9,15 м, отметка низа бойниц 10,05 м (рис. 36, а, б). Поскольку бойницы стрельковой галереи первого и второго периодов расположены примерно в одном уровне (разница в отметках оснований их входных отверстий составляет всего 26 см), естественно предположить, что и гребни стен шли тоже примерно на одном уровне. Однако мы полагаем, что внешняя стена первого периода была использована в качестве внутренней стены второго периода не на полную свою высоту. Верхняя

ее часть, по-видимому, была срублена, выровнена, и по ней прошла кладка новой, верхней части внутренней стены. Эта новая кладка на раскапывавшихся участках стен не сохранилась, но к такому выводу мы пришли, основываясь на нижеследующем. Ниши, принадлежащие стенам первого периода и выходявшие во вновь образованную стрельковую галерею, были заложены кирпичом на растворе, причем так тщательно и плотно, что обнаружить их удалось лишь потому, что на некоторых участках протески между ними были обожжены¹⁹, но следы обгорелости не переходили на кладки, и таким образом на поверхности стены стали заметны вертикальные линии граней ниш. Мы полагаем, что они были заложены отнюдь не из-за каких-либо эстетических побуждений или с точки зрения удобств. Их существование во внутренних стенах не мешало бы ни тому, ни другому: как это было отмечено выше, подобные ниши даже специально устраивались (правда, во внутренних частях внешних стен). Следовательно, смысл закладок следует искать в другом — они служили опорой верхней недостроенной части стены (потому-то кладка и была такой тщательной). Можно даже предположить примерный уровень, с которого начиналась новая часть стены: он шел ниже перекрытия ниш, так как в противном случае закладывать ниши вовсе и не требовалось —

эти перекрытия могли служить опорой новой части стены. Следовательно, старые стены к этому времени уже сильно обветшали.

Данные археологии свидетельствуют, что стрелковая галерея была перекрыта, но судить о том, каким было это перекрытие, весьма трудно — не сохранились никаких, даже косвенных, свидетельств. Бойницы были плоско перекрыты и имели очень широкие входные отверстия — 28 см (см. рис. 36, з). Такое перекрытие бойниц, устроенных в кирпичной стене, в архитектуре античного Хорезма встречается впервые и может указывать на наступление нового периода в фортификационной архитектуре, получившего свое развитие в афригидское время (VII—VIII вв. н. э.), для которого является весьма характерным (правда «чисто афригидские» бойницы имеют несколько более стройные пропорции). В архитектуре Хорезма до рассматриваемого периода плоско перекрытые бойницы встречались всего дважды: в памятнике архаического периода Кюзели-гыре (где они не имели даже наклонного лотка)²⁰ и в наружной стене «внешнего кольца» Кой-Крылган-калы²¹, но в обоих случаях они были прорезаны не в кирпичных стенах, а в паховых.

Описываемые бойницы, как и полагается, имели уклон лотка, причем он был таким, чтобы в зону обстрела из них попадала крошка выступающей перед стеной платформы. Снаружи размер бойниц по вертикали приближался к 1,8 (см. рис. 33, б и рис. 36, з).

Мы не смогли реконструировать поперечное сечение стены этого периода, так как нет совершенно никаких данных по конструкциям перекрытий. Конструкции цокольной части стены, стрелковой галереи и бойниц, читающиеся по обмерным чертежам (см. рис. 30 и 36), дают все же о ней некоторые представления. В дополнение можно лишь отметить, что поскольку стрелковая галерея идет почти в одном уровне со стрелковой галереей первого периода, то и ее общая высота, по-видимому, была примерно равна высоте стены этого периода.

Башни. Башни являются самым существенным и мощным компонентом фортификации в защите стен и представляют собой уже специализированный элемент собственно фортификации. Система обороны стен и углов крепостей при их помощи известна на древнем Востоке еще по меньшей мере с III тысячелетия до н. э.

Башни располагались по периметру крепостных стен, обычно возвышаясь над ними и выступая из их плоскости. Однако известны случаи, когда они либо не выступали за линии стен, лишь возвышаясь над ними, либо

выступали из плоскости стены, но по высоте шли с ней в одном уровне.

В фортификационном отношении устройство башен, возвышающихся над стенами, имеет целью разделить на участки идущий по их верху валганг. Это препятствовало взорвавшегося на него противнику распространиться по стенам, сравнительно легко подавить оборону и создать угрозу непосредственно городу. Противник благодаря этому оказывался под так называемым кинжальным обстрелом сразу из двух фланкирующих данный участок башен и легко мог быть уничтожен. Таким образом, по верху крепостных стен ему были уготованы своеобразные ловушки. Однако, несмотря на явные достоинства такого фортификационного приема, мы все же реконструировали башни Топрак-калы равными по высоте крепостным стенам, не выступающими над валгангом и не делящими его на отрезки. Во-первых, за это нет указаний в доступных исследованиях их конструкциях. Башни конструктивно не связаны с крепостными стенами — между их боковыми стенами и стенами крепостными идет сплошной, нигде не прерывающийся перевязкой вертикальный шов. Они как бы прислонены к крепостным стенам. Этот прием (в свое время настоятельно рекомендованный при возведении крепостей Витрувием) — устройство вертикального так называемого осадочного сквозного шва между башнями и крепостными стенами — обеспечивал изолированную самостоятельную осадку стен и башен, способствуя тем самым сохранности тех и других. Но в данном случае — в укреплениях Топрак-калы первого периода — эти две изолированные конструкции покоятся каждая на единой очень мощной сплошной широкой платформе, препятствующей не только их неравномерной осадке, но и осадке вообще и следовательно конструктивная изолированность башен может быть объяснена не этим. Если предположить, что башни возвышались над стенами, перегораживая валганг, то на чем в таком случае покоились их мощные, имеющие огромный вес поперечные стены? Не на сводчатых же перекрытиях стрелковой галереи, причем не очень прочных, возведенных из сырцового кирпича, к тому же всего в один перекат. Строители, следовательно, вовсе не предусматривали при возведении башен поднятие их над стенами и перегораживание валганга. Они отказались от этой весьма существенной в фортификационном отношении, но сложной в воплощении идеи перегораживания валганга, на наш взгляд, видимо, потому, что решили достичь большего фортификационного эффекта другим, и притом сравнительно простым, способом — превращением всей предстенной территории в глубокое

«карманы»-ловушки с очень плотным фланговым обстрелом, что вообще должно было свести к минимуму возможность пропикновения противника на стены (см. рис. 34, д). Для этого они возвели башни с большим высотом (около 9 м) и очень часто их расположили — на расстоянии друг от друга всего лишь немногим больше 11 м, считая по основаниям скошенных цоколей (см. рис. 35 б, в)²².

В древних крепостях, как правило, башни располагались вдоль стен на расстоянии, не превышающем эффективного поражения стрелой — оптимальном для уровня военной техники того времени²³. Расположение же башен Топрак-калы на таком близком расстоянии друг от друга, во много раз меньшем, чем дальность поражения стрелой (в том же Хазарасле, например, расстояние между башнями ровно в пять раз больше), преследовало именно указанную выше цель: обрушить на находящегося под стеной — в «кармане» — противника сокрушающий «кижальный огонь». И в строительном отношении увеличение количества башен, но зато упрощенной конструкции значительно легче осуществимо. К тому же это положительно отразилось и на архитектурно-композиционном решении фасов городских стен, и, что немаловажно, большое количество башен безусловно должно было оказывать психологическое воздействие на противника.

Наконец, чисто архитектурно-композиционные моменты также свидетельствуют в пользу нашего предположения о единой высоте стен и башен. Пластическая обработка тех и других произведена одним и тем же приемом — нишами с выходящими в них бойницами, причем и в стенах, и в башнях они равны по своим параметрам. Если бы башни предполагалось выделить по высоте, то с точки зрения архитектурных канонов было бы естественно усложнить и их пластическую обработку. Например, стены и башни крепости Чильбурдж обработаны по-разному, что позволило авторам реконструкции ее первоначального вида совершенно правильно предположить и разную их высоту, а поскольку декор башен сложнее — приподнять их над стенами²⁴. Для реконструкции же укреплений Топрак-калы, как в свое время и для Хазарасапа, где и стены и башни также обработаны одним пластическим приемом, ни в конструктивном, ни в архитектурно-композиционном отношении нет достаточных оснований для поднятия башен над стенами. Это относится и к Дурнали, где, однако, авторы реконструкции без видимых оснований показали башни возвышающимися над стенами²⁵.

Решение реконструировать стены и башни Топрак-калы идущими поверху в одном уровне,

продиктованное, как отмечалось, мотивами фортификационными, конструктивными и композиционными, находит поддержку в особенностях облика всего города в целом: фасы его стен, усложненные большим количеством возвышающихся над ними башен, создали бы слишком затейливый и суегиливый силуэт города, споря с возвышающимся над ним комплексом массивов дворца. Наоборот, ритм башен, находящий свое развитие лишь в горизонтальном направлении — в чередовании ниш и простенков, создавал спокойный силуэт без вертикальных акцентов, дробящих фасы стен города. Это производило впечатление спокойной мощи и подчеркивало вознесшийся над городом силуэт дворца, поставленного на 14-метровый стилобат не только, вероятно, из соображений его неприступности, но и, что весьма существенно в сооружениях такого рода, для создания впечатления величия, богатства и непобедимости.

Камеры башен размером 6,8×3,4 м, как и внутрисетевые коридоры, располагались в два этажа. Выконтурить башни полностью в уровне бойниц нигде не удалось. Наиболее полный материал дали раскопки первой башни, но и там контур ее передней грани ниже уровня ниш был смыт. На боковых стенах башен размещалось по две ниши. На передней ее грани, мы полагаем, размещалась всего одна, так как при двух входные отверстия бойниц располагались бы очень близко к боковым стенам башни, что затрудняло бы действия стрелка, и одна из этих бойниц, расположенная у левой боковой стены, вообще не могла быть использована.

Из нижних камер башен, идущих в одном уровне с коридором, выходов в этот коридор не было, следовательно, они сообщались с верхней камерой (имевшей выход в стрелковую галерею) при помощи устроенного в перекрытии люка. Но в таком случае перекрытие это не могло быть сводчатым, так как люк нарушил бы конструкции свода. По-видимому, междуэтажное перекрытие было все же плоским (по деревянным балкам), хотя древние строители сырьевых сооружений, где только к этому представлялась возможность, старались обойтись без применения древесины. Данный случай, вероятно, представлял собой исключение, так как возводить свод над помещением, в которое нельзя было попасть, было просто нелепо. Несравненно проще подвести под верхнюю камеру сплошной цоколь, вовсе не делая нижней.

На Топрак-кале существовало всего три угловые башни — на четвертом углу располагался дворец. Наименее разрушенная из них — северо-восточная — является единственным ме-

стом, где сохранились полностью (на всю высоту) две бойницы (рис. 37). Планы этих башен своеобразны, они резко отличаются от планов угловых башен во всех других крепостях античного Хорезма. Лишь на Анг-кале²⁶ — наиболее позднем памятнике античной фортификационной архитектуры, как и на Топрак-кале, башни охватывают углы крепости с двух сторон. Примечательно, что на Анг-кале, представляющей в плане квадрат, эти башни также являются в плане квадратными (точнее — квадратными с вынутой четвертью), а на Топрак-кале — памятнике в плане прямоугольном — башни тоже прямоугольные (также с вынутыми четвертями), причем большая сторона этого прямоугольника ориентирована вдоль большей же по протяженности стены города (рис. 38). С. П. Толстов считал в свое время такой тип башен переходным типом к расположенным по диагонали угла овальным башням, обычным для афригидского времени²⁷. Необходимо, однако, оговорить, что это сходство по местоположению является лишь формальным. Ведь прямоугольные башни только фланкируют примыкающие к углам участки крепостных стен, по существу не защищая этих углов (в направлении биссектрис углов образуется весьма значительное мертвое пространство). Овальные же башни приспособлены для ведения активной обороны и в этом направлении — вдоль биссектрис углов.

Во втором периоде произошло резкое изменение в конфигурации башен — они стали представлять собой в плане полуовал (вернее, эллипс, рассеченный по малой оси), приближающийся к полукругу. Удалось окопировать только одну из них, расположенную на участке между седьмой и восьмой башнями первого периода, но и в ней сохранились лишь участки ее контура, примыкающие к стене. Ширина башни 7,5 м, вынос 4,5 м (контур башни нами был дополнен до полной кривой). Ритм размещения башен вдоль стен, судя по буграм их оснований, был также иным, нежели у башен первого периода. Если башни первого периода были расположены очень часто (на расстоянии 20 м друг от друга, считая по осям), то расстояние между башнями второго периода было более чем в полтора раза большим — 32—35 м. Башни такой формы характерны для хорезмийских оборонительных сооружений более позднего времени — VII—VIII вв.

Предвратное укрепление. Наиболее уязвимым местом крепостей при их осаде являлись входные ворота, и поэтому их защите во все времена уделялось особое внимание — они особенно тщательно укреплялись. В Хорезме эти укрепления иногда представляли собой небольшие крепости, воздвигнутые перед входом,

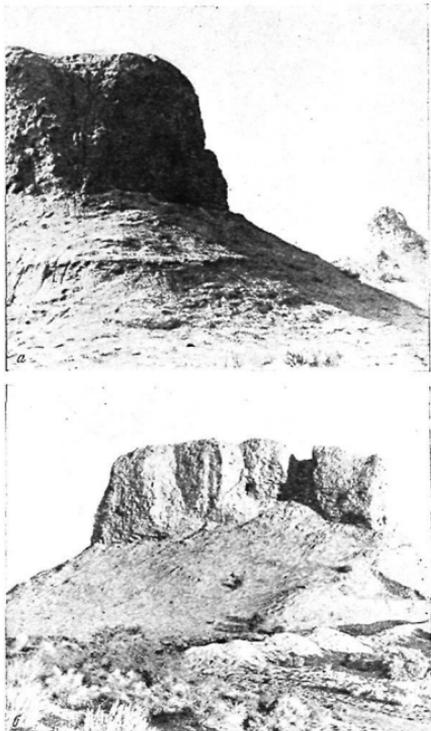

Рис. 37. Северо-восточная угловая башня периода I
а — вид с северо-востока; б — вид с севера

с применением всех характерных для крепостной архитектуры оборонительных конструкций и деталей вплоть до башен. Порой они достигали довольно внушительных размеров: если в Джанбас-кале такое предвратное укрепление занимало площадь 0,1 га²⁸, в Кой-Крыган-кале — 0,13 га²⁹, то в Казалы-гыре I занимаемая им площадь равна 0,72 га³⁰, причем таких предвратных укреплений там было четыре — по числу ворот (для сравнения отметим, что упомянутая ранее крепость Анг-кала имеет площадь всего лишь немногим большую, чем каждое из этих четырех предвратных укреплений).

Предвратное оборонительное сооружение Топрак-калы, входящее составной частью в систему городских укреплений, является типич-

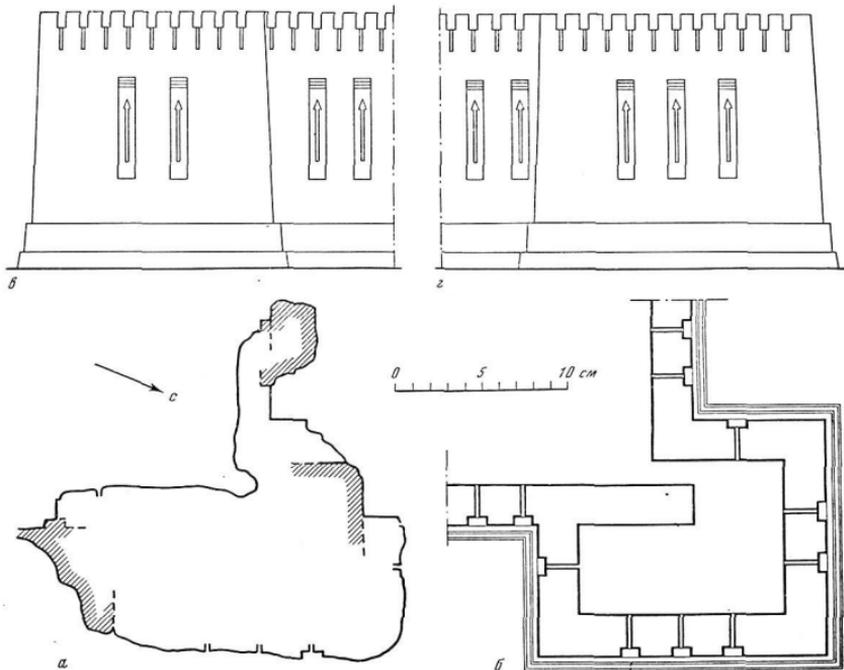

Рис. 38. Северо-восточная угловая башня периода I
 а — план (заштрихованы остатки стен периода II и закладка
 намеры башни); б — реконструкция плана; в — северный фасад
 (реконструкция); г — восточный фасад (реконструкция)

ным для фортификационной архитектуры древнего Хорезма. По занимаемой им площади (около 0,09 га) оно приближается к предвратному укреплению Джанбас-калы. Ширина его равна примерно 25 м (западная его стена пока не ооконтурена). Вынос определен точно — 34 м, так как был ооконтурен коридор, заключенный в его восточной стене, вливающийся в коридор южной стены города. Он имеет ту же ширину, что и крепостной коридор, и идет на протяжении 30 м, после чего под прямым углом поворачивает к западу, ограничивая таким образом предвратное укрепление с юга (см. рис. 34, ж). Поскольку основные элементы стен предвратного укрепления (ширина коридора и толщина двух образующих его стен) идентичны тем же элементам реконструированной нами крепост-

ной стены города, то не вызывает сомнений и равенство всех остальных деталей.

Ведущая ко входу, расположенному в южной стене города, центральная улица пересекает весь город ровно пополам, но, несмотря на это, предвратное укрепление сдвинуто с оси к западу. Возможно, это продиктовано устроенным в прямоугольнике его стен и пока нами не проявленным лабиринте. Но вряд ли это служило главной причиной, так как все же при устройстве лабиринта вход можно было разместить в любом нужном месте. Главное, на наш взгляд, заключалось в данном случае в архитектурно-композиционном решении фаса южной стены города. Если продлить ритм размещения вдоль нее башен, то их разместилось бы ровно 14. Предвратное же укрепление по своей ширине равно двум куртинам вместе с фланкирующими их башнями. Если бы вдоль стены, не нарушая ритма, могло разместиться нечетное число башен, то симметричное расположение предвратного укрепления не представляло бы проблемы: ось его попала бы на среднюю баш-

ню, а боковые стены — на две другие, расположенные по сторонам этой оси. Раз башен могло разместиться только четное количество, то боковые стены предвратного укрепления примыкали бы к южной стене не в местах расположения башен, а к куртинам и их пришлось бы делать в неполную ширину, что нарушило бы четкий ритм в чередовании куртин и фланкирующих их башен. Смещение же этого сооружения в ту или другую сторону на половину интервала, создающего ритм (10 м), при таком протяжении стены (350 м) на местности вовсе не заметно, а в результате каждая из боковых стен предвратного укрепления примкнула к стене города в месте, где следовало находиться башне; куртины сохраняли при этом полную ширину (их лишь фланкируют с одной из сторон не башня, а эти стены), и четкий ритм, в котором решены все фасады крепостных стен города, благодаря этому не был нарушен.

В отношении изменений, происшедших в предвратном укреплении во втором периоде строительства, очень многое остается неясным. Пока лишь выяснено, что комплекс получил развитие в южном направлении. В пределах новых габаритов, в юго-западном углу, было воздвигнуто, судя по размерам возвышающегося останца, какое-то очень мощное сооружение.

Ров. Ров является одной из составных частей схемы устройства укреплений, получившей повсеместно широкое распространение. Насколько большое значение ему придавалось в хорезмийской фортификации, можно судить хотя бы по тому, что он устраивался почти везде, где к этому представлялась возможность.

На Топрак-кале ров проходил на расстоянии 15 м от стен первого периода. Он был зафиксирован в траншее, заложеной у северо-восточного угла города в месте промоины, проходящей через городскую стену. Ширина его 16,5 м, глубина достигает 2,5 м.

Во втором периоде этот ров также существовал, но был основательно отремонтирован: его дно, откосы и все пространство между ним и новой стеной было выстлано толстым слоем (до 30 см) плотной глины, упиравшимся в кирпичную вымостку под цоколь новой стены (см. рис. 30, а).

Два периода, прослеженные в строительстве укреплений Топрак-калы четко разграничиваются не только по последовательности возведения сооружений, но и по их конструкциям, структуре и форме оборонительных узлов и деталей и благодаря этому — всему архитектурному облику. В укреплениях, относящихся ко второму периоду, появились новые, совершенно не свойственные архитектуре Хорезма античные времена детали: новая форма бойниц, по-

вая конфигурация плана башен, размещение стрелковой галереи на сплошном высоком цоколе, без устройства в нем коридора, применение гидроизолирующих камышовых прослоек — все это вкупе с изменением размеров кирпича (в сторону его уменьшения) со всей очевидностью говорит о том, что за это время в архитектуре в целом произошли серьезные сдвиги.

Внешний облик укреплений первого периода очень своеобразен и не имеет прямых аналогий. В этом отношении ближе всего к ним стоят укрепления парфянской крепости Дурнали, расположенной на древнем пути из Маргианы в Хорезм. В свое время Г. А. Пугаченкова, основываясь на опубликованных тогда материалах по укреплениям Топрак-калы, пришла к выводу, что архитектура Дурнали носит несколько более развитый характер, чем архитектура Топрак-калы, так как в этой крепости не только башни, но и стены декоративно обработаны³¹. Результат исследования крепостных стен Топрак-калы заставляют пересмотреть этот тезис.

О внешнем облике укреплений, относящихся ко второму периоду, судить трудно — наружная стена стрелковой галереи была обнажена лишь на одном небольшом участке, но ее поверхность оказалась настолько поврежденной, что не сохранила никаких следов декора. Впрочем возможно, что его вовсе не существовало.

Отмеченные выше сдвиги, произошедшие в хорезмийской архитектуре рассматриваемого времени, удалось пока выявить только при исследовании укреплений Топрак-калы. Внутренность этих укреплений была достигнута не за счет мощи стен, а путем рационального использования богатого арсенала фортификационных приемов. Опираясь на накопленный веками опыт и знания, в совершенстве владея строительным мастерством, строители укреплений Топрак-калы создали архитектурное произведение, являющее собой высокий образец строительного и фортификационного искусства.

¹ ВИА, т. 1. М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1944, с. 130.

² Шлеер В. Ф. История фортификации. М., 1948, т. 1, с. 140—142.

³ Воронина В. Л. Раннесредневековый город Средней Азии. — СА, 1959, № 1, с. 35.

⁴ Воробьева М. Г., Лапиров-Скобко М. С., Нерзик Е. Е. Археологические работы в Хазараспе в 1958—1960 гг. — МХЭ, 1963, вып. 6, с. 190, рис. 17; с. 195, рис. 48.

⁵ Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабавлаждения и феодализма. М.: Изд-во АН СССР, 1958, с. 50.

⁶ Там же, с. 53.

- ⁷ Reuter O. The German Excavations at Ctesipnon. — Antiquity, 1929, 3, 42.
- ⁸ Dienlajof M. L'astropole de Suse. Paris, 1890, pt. 2, p. 226, fig. 122.
- ⁹ Толстов С. П. Древний Хорезм. М.: Изд-во МГУ, 1948, с. 104, рис. 41.
- ¹⁰ Там же, с. 112.
- ¹¹ Лапирова-Скоба М. С. О некоторых приемах построения формы сводов в древнем Хорезме. — В кн.: Культура и искусство древнего Хорезма. М.: Наука, 1980, с. 243.
- ¹² Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949—1953 гг. — ТХЭ, 1958, т. II, с. 27, рис. 7.
- ¹³ Средний рост воина — 165 см подтвержденный данными палеоантропологии, был нами исчислен при исследовании бойниц внешнего кольца обороны Кой-Крылгап-калы (см.: Кой-Крылгап-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э. — IV в. н. э. ТХЭ, 1967, т. V, с. 296).
- ¹⁴ В употреблении этих терминов также наблюдается различие. Первый из них употребляется наиболее часто и притом применительно к любому вертикальному выступу на поверхности стены. Такая свободная трактовка архитектурной терминологии вызывает зачастую превратные представления о внешнем облике описываемого сооружения. Действительно, и пилястры, и лопатки представляют собой плоские выступы на поверхности стены, но, если следовать архитектурным канонам, пилястры должны повторять все части и пропорции того или иного архитектурного ордера, а в лопатках в отличие от пилястр не выделяются ни основание, ни завершение, т. е. у них нет ни базы, ни капители. Поэтому при описании пластической работы наружных стен в сырцовой архитектуре вертикальные плоские выступы правильнее называть лопатками. Пилястры же встречаются в основном

- в решении интерьеров, где вполне допустима тонкая профилировка их оснований и завершений — она не подвергается выветриванию и разрушающему воздействию атмосферных осадков.
- ¹⁵ Воробьева М. Г., Лапирова-Скоба М. С., Неразук Е. Е. Археологические работы... с. 196, рис. 19.
- ¹⁶ Пузаченкова Г. А. Пути развития... с. 50, рис.
- ¹⁷ Воронина В. Л. Из истории среднеазиатской фортификации. — СА, 1964, № 2, с. 43.
- ¹⁸ Здесь и далее порядковый номер расположения башен вдоль западной стены дается с севера на юг (начиная от двора).
- ¹⁹ По-видимому, это следы пожара, скорее всего локального, так как на вскрытых участках северной стены города следов огня не было.
- ²⁰ Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Изд-во вост. лит., 1962, с. 103, рис. 48.
- ²¹ Кой-Крылгап-кала... с. 294, рис. 122.
- ²² Ни на одном участке крепостных стен не удалось обнаружить оснований башен: их конструкция проявилась на разной высоте и из-за наклона их внешних поверхностей дали несколько различные промеры. Поэтому размер расстояния между башинами понизу мы указываем лишь приблизительно (его пришлось вычислить).
- ²³ Витрувий. Десять книг об архитектуре. М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1936, т. 1, с. 32, 33.
- ²⁴ Пузаченкова Г. А. Пути развития... см. рис. на с. 53.
- ²⁵ Там же, см. рис. на с. 50.
- ²⁶ Толстов С. П. Древний Хорезм, с. 114, рис. 50.
- ²⁷ Там же, с. 113.
- ²⁸ Там же, с. 92, рис. 29.
- ²⁹ Кой-Крылгап-кала... с. 307, рис. 129.
- ³⁰ Рапорт Ю. А., Лапирова-Скоба М. С. Раскопки дворцового здания на городище Каламы-гяр I в 1958 г. — МХЭ, 1963, вып. 6, с. 142, рис. 1.
- ³¹ Пузаченкова Г. А. Пути развития... с. 49.

ГЛАВА III

КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК ГОРОДИЩА

В коллекции керамики из раскопок городища Топрак-кала насчитывается более 21 тыс. фрагментов. Однако частично реконструируемых сосудов не более 1000, целых же всего несколько десятков, и при этом значительную их часть составляют лентные горшки из горизонта III городища. Большая группа сосудов, форма которых не может быть восстановлена полностью, являет собой новые, ранее неизвестные в керамике Хорезма образцы, разумеется, насколько об этом можно судить по столь фрагментарному материалу. К тому же многие типы сосудов представлены всего несколькими экземплярами и преимущественно обломками горловины. В этих условиях мы сочли преждевременной разработку классификации керамики из городища (хотя такая классификация чрезвычайно важна при исследовании любого

многослойного памятника). К сожалению, в данном случае создание строго разработанной классификационной системы керамики — дело будущего, а пока мы ограничились лишь суммарным ее описанием, стараясь по возможности проследить эволюцию типов от горизонта к горизонту.

Горизонт I. Среди керамики, происходящей из слоев I, нижнего, горизонта, представлены фрагменты 379 частично реконструируемых сосудов. Однако, поскольку основные типы сосудов находят отчетливые аналогии в керамике из других хорезмийских памятников, создается возможность восстановить их форму полностью.

Керамика из этого горизонта преимущественно ремесленная; лепная составляет 3% от общего ее количества. Посуда хорошо обож-

жена, черепок звонкий, в изломе красно-песочного цвета всех оттенков. Грубо размолотых, крупнодробленых примесей нет, в глину, из которой формовались крупные сосуды, добавлялись лишь гипс и мелкотолченый шамот. Сосуды покрывались светлым или красным ангобом хорошего качества, причем для определенных форм керамики всегда избирался светлый ангоб в качестве покрытия, другие же типы посуды были преимущественно красноангобированными, причем эти последние составляют 50% всей керамики ремесленного изготовления. Красноангобированные сосуды очень часто украшались лощением, полосчатым или сетчатым. Зеркальное лощение встречается редко. Некоторые светлоангобированные сосуды имели ленточную роспись, выполненную буро-красным ангобом. Прочерченный орнамента почти нет. Знаки на сосудах встречаются изредка и только на хумках. На одном фрагменте тонкостенного сосуда имеется штамп. Налепы в качестве украшения были также мало распространены.

Керамика, изготовленная на гончарном круге. К гончарным категориям керамики относятся хумчи, хумчи, кубышки, горшки, чаши, миски, тагара. Кубков, блюдов и тарелок очень мало, бокалы вообще единичны.

Хумчи. В слоях нижнего, первого, горизонта существовала только одна форма хумов, хорошо известная по коллекциям из раскопок других хорезмийских памятников античной эпохи. Это крупные толстостенные сосуды бочковидной формы с венчиком, лежащим непосредственно на плечиках, отделяясь от тулова полосой, проведенной пальцем по сырой глине. Венчик — уплощенный, вытянутый валик, реже выпуклый. В глину, из которой изготовлялись хумчи, иногда добавляли мелкую древесю. Облик преимущественно равномерный, черепок красно-песочного цвета. Снаружи сосуды покрывались светлым ангобом, хотя встречаются и неангобированные хумчи. На некоторых экземплярах видны следы затирания поверхности ладьями или пучком веточек. Диаметр устья хумов 35—48 см, толщина стенки 2—2,5 см, высота в среднем 0,8—1 м, наибольший диаметр тулова 60—70 см (рис. 39, 36—37).

Хумчи. Крупные широкогорлые сосуды, которые мы относим к хумчам, представлены только фрагментарно и составляют всего 8% от общего числа керамики. Это горшковидные сосуды, различавшиеся по величине и в зависимости от высоты горла. Существовали сравнительно высокогорлые и низкогогорые хумчи с венчиками подтреугольными, подчетырехугольными и совсем без венчика. Ширина устья

крупных хумчей достигала 40 см, диаметр верхней части тулова 60 см. У мелких хумчей эти размеры соответственно равны 26—27 и 35—36 см. Может быть, их скорее следовало бы назвать крупными горшками.

1. Большинство хумчей с подтреугольным венчиком покрыто светлым ангобом (рис. 39, 27—29). В глине — мелкие включения гипса. Диаметр горла тонкостенных хумчей около 20 см, толщина стенки 0,5—0,6 см. Они чаще, чем толстостенные хумчи, покрыты красным ангобом, а некоторые сосуды — и лощением. В глине, из которой они формовались, никаких добавлений нет (рис. 39, 13, 14, 33).

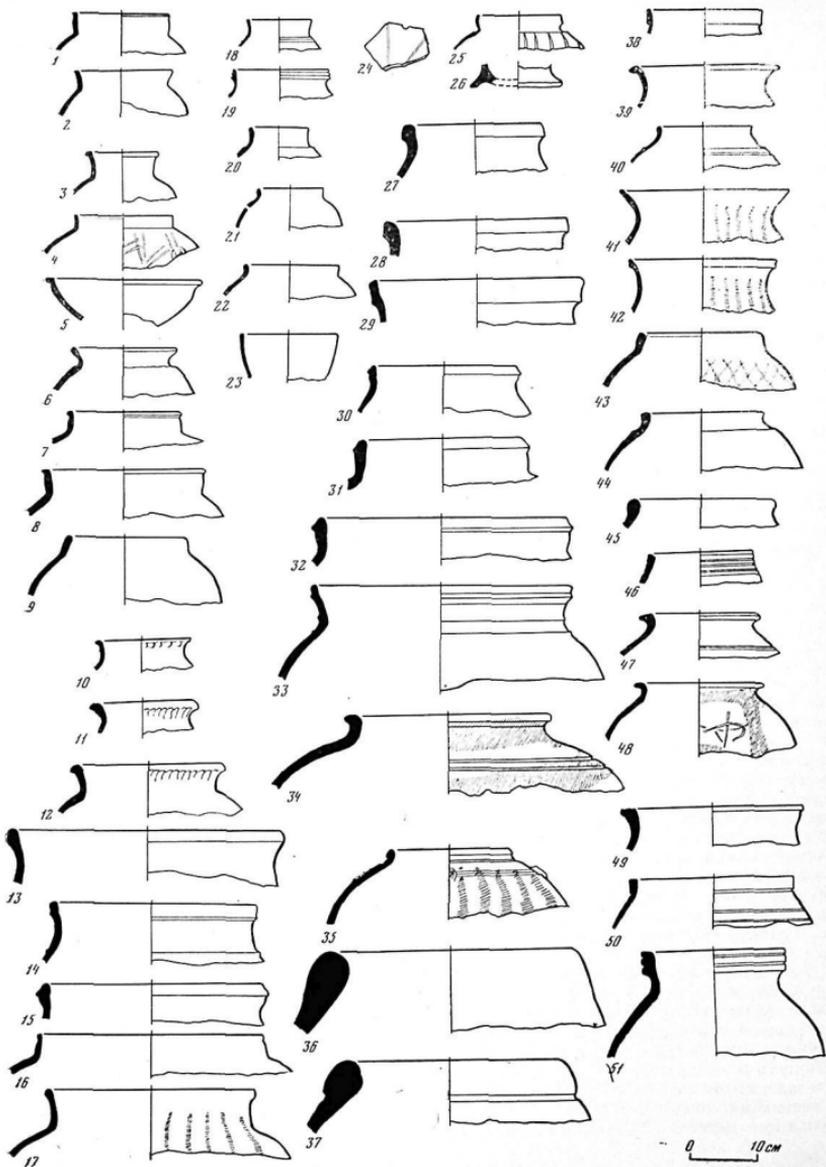
Крупные толстостенные хумчи с подтреугольным венчиком имеются в раннехунанских слоях Куна-Уаза¹, в Беграме III², Халчяле³ (I в. до н. э. — II в. н. э.).

2. Весьма своеобразной формой являются хумчи с «припухлостью» под венчиком, которую, видимо, можно рассматривать как рудимент уступа, характерного для некоторых хорезмийских сосудов более ранней эпохи. Диаметр горла по краю 32—41 см, высота горла 4—9 см, толщина стенок 1,3—1,5 см. Венчик округлый или подтреугольный в сечении, причем в некоторых случаях его нижний край слегка профилирован, образуя в профиле маленький «юск» (рис. 39, 15, 31, 32).

3. Хумчи без венчика или со слабоутолщенным краем, как правило, тонкостенны. Диаметр горла сосудов колеблется в основном в пределах 20—26 см. Имелись и более широкогорлые экземпляры (от 28 до 30 см). Горло этого вида хумчей в большинстве случаев изогнуто, край его отогнут и иногда слегка утолщен. Высота горла 3—4 см. Встречаются хумчи с прямостоящим горлом, переходящим в покатые плечики. Форма их, как мы увидим ниже, сближается с формой одной из разновидностей горшков. Описываемые сосуды всегда, за редким исключением, покрыты ярко-красным ангобом снаружи и изнутри, по горлу. Тулова многих из них украшено полосчатым лощением или в редких случаях сетчатым. Эти хумчи относятся к наиболее типичным для нижнего горизонта формам посуды (рис. 39, 16, 17).

Единичен экземпляр толстостенной хумчи с массивным рифленным венчиком и покатыми плечиками (рис. 39, 51).

4. Хумчи с хорошо выделенной полчковидной закраиной отличаются от описанных тем, что невысокое горло их хорошо изогнуто и очень четко отделено от широких округлых плечиков. Встречено лишь несколько экземпляров этих хумчей. Данный вид посуды шире представлен более мелкими формами — горшками подобного типа (рис. 39, 34, 48). Диаметр гор-

ла описываемых хумчей 29 см, высота горла 1,5—2 см, диаметр тулова крупных сосудов в верхней трети достигает 43 см, толщина стенки — от 1 до 1,5 см. Хумчи покрыты светлым ангобом. Плечики некоторых экземпляров опоясывали concentрические прочерченные полосы. Фрагменты одной из таких крупных хумчей найдены у основания древней мощной стены, отгораживавшей квартал А от улицы с юга. Этот сосуд был покрыт светлым ангобом со следами буро-красной ленточной росписи на тулове. Форма данных хумчей, несомненно, является традиционной для античного Хорезма, сохраняясь там на протяжении столетий. Они встречаются, например, в усадьбах Джанбас-калинского оазиса (первые века н. э.)⁴, в Джанбас-кале⁵. Сходные крупные горшковидные хумчи, подобные топрак-калинским, найдены также в древних Бактрах, в слоях I в. до н. э. и I—III вв. н. э.⁶

Широкогорлые сосуды без венчика, с косо срезынным бережком и в разной степени изогнутым горлом являются одним из очень распространенных типов посуды в античной Средней Азии, и, насколько можно судить по публикациям, в сопредельных областях. Так, сходные сосуды найдены в Халчтчане в слоях II—III вв.⁷, в слоях того же времени Ак-Кургана

в Бактрии⁸, в Коша-Хаудан в Северной Парфии (слой I—II вв. н. э.)⁹. Их много в Берраме, в слое II—III вв.¹⁰

Горшки. Горшковидные сосуды средних размеров, т. е. горшки как таковые, вместе с горшковидными широкогорлыми сосудами типа хумчей составляют большую группу посуды в слоях нижнего горизонта (22%). Можно выделить три типа горшков.

1. Наиболее распространенными являлись сосуды с округлым, близким к шаровидному корпусом. По оформлению устья выделяется несколько вариантов. Это либо горшки с суживающейся горловиной и косо обрезанным краем, либо с прямостоящим горлом и с чуть утолщенной краевой каймой; иногда край горла слегка наклонен наружу. На плечиках некоторых экземпляров имеется небольшой уступ. Диаметр устья горшков 16—18 см, а у наиболее крупных даже 21—26 см, наибольший диаметр тулова до 30 см, толщина стенки 0,6—0,7 см. На плечиках многих экземпляров есть округлые отверстия (2—4). Большинство горшков покрыто красным ангобом, которым закрашивался и край горла изнутри. Многие сосуды украшены по тулову полосатым лощением. Можно заметить, что это был излюбленный способ ornamentации горшковидных красноангобированных сосудов из нижнего горизонта городища (рис. 39, 9, 21, 22, 40, 43—45, 47, 50). Единичен в нашей коллекции по оформлению принадлежащий к этому типу горшков сосуд со скошенным внутрь краем горла, опоясанным несколькими рядами прочерченных линий; на плечиках сосуда небольшой уступ (рис. 39, 46). Близкий вариант этому сосуду найден в одном из помещений Кой-Крылганкалы над нижним полом среднего горизонта¹¹. Еще большее сходство с нашим горшком имеет сосуд из слоя первых веков н. э. Ак-Кургана в Бактрии¹². Из-за фрагментарности материала трудно сказать (поскольку есть только верхние части сосудов), насколько распространены были в слоях нижнего горизонта Топрак-калы горшки с призматическим коротким туловом, наибольший диаметр которого почти в два раза превосходит высоту сосуда. Подобные сосуды уже существовали в слоях хорезмийских памятников первых веков н. э. (например, в усадьбах Джанбас-калинского оазиса).

2. Другой тип горшков в отличие от описанного имел четко выделенную невысокую шейку, округлое тулово и часто отвернутую наружу, в некоторых случаях слегка утолщенную или снабженную уплощенным валиком закраину. На плечиках таких сосудов иногда были сквозные круглые отверстия. Диаметр устья этих горшков от 14 до 18 см, высота горла 1,5—2 см, диаметр плечиков 26—28 см,

Рис. 39. Керамика из горизонта I

1 — из раскопа II, помещение 1, из завала над полом; 2—4 — из раскопа II, помещение 1, пол 7; 5 — из помещения II-7, шурф, нижний уровень; 6 — из помещения V-5, слой между полами 6 и 7; 7 — из квартала А, юго-восточный раскоп, слой у древней стены; 8 — из шурфа у юго-западного угла квартала А, нижний уровень; 9—10 — из раскопа II, помещение 1, пол 1; 11 — из помещения V-4, пол 4; 12 — из помещения V-5, слой между полами 6 и 7; 13 — из помещения V-5, пол 7; 14—15 — из помещения V-5, слой между полами 6 и 7; 16 — из юго-восточного раскопа, слой у древней стены; 17 — с улицы 1, нижний уровень; 18 — из помещения III-11, шурф, нижний уровень; 19 — из раскопа II, помещение 1, из завала; 20 — юго-восточный раскоп в квартале А, слой у древней стены; 21 — из помещения V-5, слой между полами 6 и 7; 22 — из помещения V-4, пол 5; 23 — из раскопа II, помещение 1, пол 1; 24 — из раскопа у западной крепостной стены, пол 11; 25 — из помещения V-4, пол 5; 26 — из помещения III-7, шурф, нижний уровень; 27 — из помещения V-5, слой между полами 6 и 7; 28 — из помещения V-4, пол 7; 29 — из помещения V-5, слой между полами 6 и 7; 30 — с улицы 1, нижний уровень; 31 — из помещения V-5, слой между полами 6 и 7; 32 — из помещения V-5, пол 7; 33 — из юго-западного раскопа, уровень — 40 см до материи; 34 — из помещения V-5, слой между полами 6 и 7; 35 — из помещения I-5, уровень ниже 200 см; 36 — из помещения III-7, пол 4; 37 — из помещения V-5, слой между полами 6 и 7; 38 — из раскопа II, помещение 1, пол 1; 39 — из помещения V-6, пол 5; 40—42 — из помещения V-5, слой между полами 6 и 7; 43 — из раскопа у западной крепостной стены, пол 9; 44 — с улицы 1, нижний уровень; 45 — из помещения V-5, пол 7; 46 — с улицы 1, нижний уровень; 47 — из помещения V-4, пол 6а; 48 — из помещения V-4, пол 6а; 49 — из квартала А, шурф I, пол 6; 50 — из квартала А, юго-западный раскоп, нижний уровень; 51 — из шурфа 1945 г. в юго-восточном углу городища, нижний уровень.

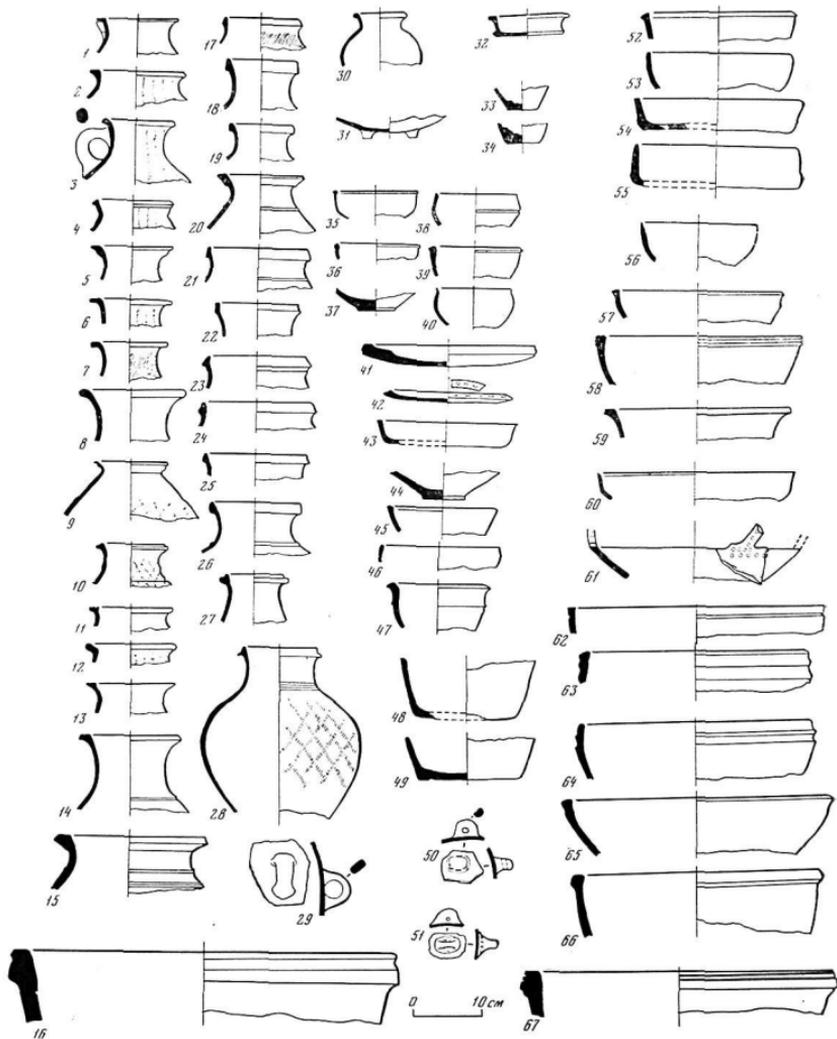

Рис. 40. Керамика из горизонта I

1 — из раскопа II, помещение 1, завал; 2 — с юго-восточного раскопа в квартале А, из слоя золы; 3 — из раскопа у западной крепостной стены, пол 9; 4 — из квартала А, шурф, нижний уровень; 5 — из помещения V-5, слой между полами 6 и 7;

6-7 — из помещения V-5, пол 5; 8 — из помещения V-7, пол 4; 9 — из помещения V-5, слой между полами 6 и 7; 10 — из помещения II-7, шурф, нижний уровень; 11 — из помещения V-5, слой между полами 6 и 7; 12 — из помещения V-5, пол 7; 13 — из помещения V-5, слой между полами 6 и 7; 14 — из помещения V-7, пол 4; 15 — из помещения V-5, пол 7; 16 — из по-

толщина стенки 0,5—0,6 см, у наиболее крупных сосудов 0,8—0,9. Горшки данного типа также чаще красноангобированные, но встречаются и светлоангобированные. Среди красноангобированных горшков много лощеных (рис. 39, 18—20, 38). Описанные сосуды относятся к числу широко известных типов керамики античной Средней Азии, прежде всего Хорезма. Они есть в коллекциях из Джанбаскалы, Куна-Уаза, Кой-Крылган-калы¹³.

Совершенно те же типы горшков обнаружены в уже упомянувшейся усадьбе 2 Джанбас-калинского оазиса и в доме 1 близ Аязкалы III (первые века н. э.). Вне Хорезма горшки обоих типов имеются в коллекциях из кушанского слоя цитадели Термеза¹⁴, в Айр-таме¹⁵, Халчаане (слой II в. н. э.)¹⁶, Беграме (II—нач. III в. н. э.)¹⁷, Ак-Серване в Бактрии¹⁸, в Дильберджине¹⁹, в Суверной Парфии в I—II вв. н. э.²⁰ и в несколько более раннее время²¹. Следует отметить, что горшки с коротким горлом, косо срезанным бережком и округлым туловом продолжают существовать в некоторых районах и в более позднее, чем первые века н. э., время. Так, они найдены в Ак-тепе Чиланзарском в слоях V—VIII вв. н. э.²²

3. К этому типу горшков относим сосуды, воспроизводившие форму хумчей. Они имели четко выделенную высокую шейку, плавно

переходящую в плечики. Диаметр устья 20—25 см. Край горла некоторых экземпляров оформлен в виде подтреугольного в сечении, плоского или утолщенного венчика (рис. 39, 39, 41, 42, 49).

Кувшины. Удельный вес кувшинов среди керамики данного горизонта тоже сравнительно высок (23%). Несмотря на фрагментарность материала, среди них с достаточной определенностью выделяется несколько типов, хорошо известных благодаря исследованию керамики из многих археологических памятников древнего Хорезма, проведенному М. Г. Воробьевой.

1. Многочисленные кувшины с высоким горлом, переходящим в округлое тулово, и с четко выделенным венчиком-закрайной. Встречаются две разновидности данных кувшинов: одноручные и безручные. Одноручные кувшины имели более или менее выступающую, плавно переходящую в горловину закрайну, скошенную внутри или с горизонтальной площадочкой по бережку. Судя по имеющимся целым экземплярам из других археологических памятников Хорезма, высота сосуда равнялась 34—40 см, диаметр горла 9—11 см, высота его 4—6 см, толщина стенки 0,3—0,6 м, диаметр два 16 см, наибольший диаметр тулова приходится на его середину (25 см). Подчехругоугольная «почковидная» или круглая в разрезе ручка прикреплялась либо к самому краю венчика, либо к стенке горла под венчиком, но не поднималась над горлом (рис. 40, 1, 3). Подобные кувшины имеются в материале из среднего слоя Кой-Крылган-калы²³, раннекушанских слоев Куна-Уаза²⁴, усадеб первых веков н. э. в Джанбас-калинском оазисе на древнем Кельтеминаре²⁵. Один такой целый сосуд найден в кургане 15 на Ясы-гыре (Левобережный Хорезм), ориентировочно датированном первыми веками н. э.²⁶ Гораздо большее распространение, видимо, получили безручные кувшины с сильно выступающей, иногда профилированной по верхней плоскости закрайной-венчиком. В некоторых случаях венчик массивен и приобретает четырехугольное сечение. Ширина горла этих сосудов 14—15 см, высота 5—8 см; наибольший диаметр тулова, судя по имеющимся аналогиям, приходится на его верхнюю треть. Основание горла некоторых экземпляров под венчиком описано слабобельевым валиком. Судя по приведенным цифрам, данные сосуды были значительно крупнее, чем одноручные (рис. 40, 2, 4, 5—8, 10—14).

Весма своеобразны кувшины с сильно скошенной внутри верхней площадочкой венчика и очень покатыми плечиками с уступом, от которого тулово покрыто сетчатым лощением (рис. 40, 9).

меченная V-6, пол 5; 17 — из юго-западного раскопа в квартале А, уровень 50 см до материка; 18 — из квартала А, шурф 1, пол 7; 19 — улица 1, нижний уровень; 20 — из помещения V-4, пол 5 (6а); 21 — из квартала А, шурф 1, нижний уровень; 22 — с улиц 1, нижний уровень; 23 — из помещения V-7, пол 4; 24 — из юго-западного раскопа в квартале А, шурф, нижний уровень; 25 — из помещения V-5, слой между полами 6 и 7; 26 — из помещения V-6, пол 5; 27 — из помещения V-4, пол 7; 28 — из помещения VI-13, пол 7; 29 — из помещения V-5, пол 7; 30 — из помещения V-6, пол 6; 31 — из помещения III-11, шурф, нижний уровень; 32 — из помещения V-6, пол 6; 33—35 — из юго-западного раскопа в квартале А, нижний уровень; 36 — из помещения V-4, пол 6а; 37 — из помещения V-6, пол 5; 38 — из раскопа II, помещение 1, завал; 39 — из помещения V-4, пол 5 (6а); 40 — из помещения III-7, шурф, нижний уровень; 41 — из помещения V-5, из слоя между полами 6 и 7; 42 — из юго-восточного раскопа в квартале А, пол 7; 43 — из помещения V-5, слой между полами 6 и 7; 44 — из помещения V-6, пол 5; 45 — из помещения V-5, слой между полами 6 и 7; 46 — из помещения V-4, пол 6; 47 — из помещения V-5, пол 7; 48 — из помещения V-5, слой между полами 6 и 7; 49 — из помещения V-4, пол 6а; 50 — из раскопа у ворот, пол срединного коридора; 51 — из помещения V-5, слой между полами 6 и 7; 52 — из помещения V-4, пол 6; 53 — из помещения V-5, пол 7; 54—55 — из помещения V-5, слой между полами 6 и 7; 56 — из помещения V-6, пол 6; 57 — из помещения V-5, пол 7; 58 — из квартала А, шурф 1, пол 7; 59—60 — из помещения V-5, слой между полами 6 и 7; 61 — из помещения V-6, пол 6; 62 — с улицы 1, пол 6; 63 — из квартала А, шурф 1, пол 8; 64 — из помещения V-5, слой между полами 6 и 7; 65 — из помещения V-4, пол 6; 66 — из помещения V-5, пол 7; 67 — из помещения V-6, пол 6

Описанные кувшины, как правило, покрывались плотным темно-красным ангобом и полосатым лощением. Так же как и горшковидные хумчи, они составляют традиционную для античного Хорезма форму посуды. Безручные кувшины с массивным подчетыреугольным венчиком существовали и в нижнем, и в верхнем слоях Кой-Крылган-калы²⁷; они есть в раннекушанском слое Куя-Уаза²⁸; их много в усадьбе 2 Джанбас-калинского оазиса²⁹.

Если выйти за пределы Хорезма, то близкие по форме кувшины с сильно выступающей закраиной найдены в Аїртаме (I—III вв.)³⁰, Бактрах (слой I—III вв.)³¹, Халчаiane, в слое II—I вв. до н. э.³²

2. Другим видом распространенных в нижнем горизонте городища сосудов являлись кувшины с плоским, подтреугольным в сечении венчиком (рис. 40, 17—19, 21—26). На основе аналогий их форма и размеры реконструируются следующим образом: они были высотой 32—45 см, диаметр по краю горла 10—12 см, реже — 14 см, высота горла 4—5 см, диаметр дна 15—18 см. Сосуды различаются в зависимости от массивности венчика, высоты горла, степени его изогнутости, иногда приобретавшего вид небольшого раструба. Основание горла части данных кувшинов опоясано слабо рельефным пояском. Опираясь на аналогии, по форме тулова можно выделить два варианта. Максимальный диаметр приходится: 1) на верхнюю треть тулова; 2) на его середину, отчего тулово имеет яйцевидную форму. Второй вариант, судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам, был менее распространен. Кувшины светлангобирыванные, причем тулово некоторых из них украшалось росписью в виде незамкнутых спиралей. На плоских днищах кувшинов сохранились следы подсымки и отпечаток подставки, на которую ставился сосуд при вращении на круге (рис. 40, 49). Наряду со светлангобирыванными кувшинами встречаются обломки и красноангобирыванных с подтреугольным в сечении венчиком. Форма их осталась нам неясной, но, видимо, они отличались меньшими размерами и более низким горлом. Диаметр его 9—13 см, высота 1,2—2 см. Описанные светлангобирыванные кувшины — далеко не новость в керамике античного Хорезма. Они хорошо известны благодаря раскопкам Куя-Уаза³³, много таких сосудов найдено в усадьбе 2 Джанбас-калинского оазиса, датирующей, как указывалось, первыми вв. н. э., скорее всего — II в. н. э.

Насколько можно судить по публикациям, кувшины, подобные описанным, вообще широко встречаются при раскопках археологических памятников Средней Азии и сопредельных районов в первых веках н. э., например

в Халчаiane, где они датируются I в. до п. э. — II в. н. э.³⁴, Ходжа-Кия, в слое II в. н. э.³⁵, Аїртаме³⁶, а также в Согде, в слоях Афрасиаба, относимых ко II—III вв. н. э.³⁷

Своеобразны, видимо, относящиеся к этому типу кувшины с сильно отогнутым массивным подтреугольным венчиком и рельефным пояском на горле. В нашей коллекции представлены экземпляры разной величины (рис. 40, 15, 20). Сравнительно мелкие экземпляры имели горло диаметром 10 см, высота шейки 4 см, диаметр плечиков 17 см. У крупных кувшинов эти размеры соответственно равны 18 и 4 см; диаметр плечиков не выяснен. Сосуды покрыты красным ангобом. По форме венчика кувшины находят полную аналогию среди керамики из среднего и верхнего горизонта Кой-Крылган-калы, причем М. Г. Воробьева отмечает, что сосуды с подобным венчиком появляются в среднем горизонте (первые века н. э.), не имея традиций в более ранних слоях памятника³⁸.

3. Несколько менее, по то же, видимо, широкопотребительными были красноангобирыванные кувшины с плоским подтреугольным венчиком с широкой ложбинкой посредине. Судя по имеющемуся целому экземпляру, это сосуды со слабоизогнутым, но четко выделенным горлом, плавно переходящим в выпуклые плечики. Тулово заметно суживается книзу. Дно отбито. Высота кувшинов 20—27 см, диаметр устья 8—10 см, высота горла 4—5 см. Наибольший диаметр лежит в верхней части тулова, украшенного полосатым лощением; у основания горла — три прочерченных полосы (рис. 40, 28).

4. Помимо описанных, встречаются фрагменты небольших кувшинчиков со скругленным валиком-венчиком, низким, изогнутым горлом и слабо выпуклыми плечиками. Диаметр устья 6—11 см, наибольший диаметр тулова 12 см. Сосуды светлангобирываны либо вовсе без ангоба (рис. 40, 30).

5. Найдено обломком горловины кувшина с желобком для упора крышки на утолщенной закраине (рис. 40, 27).

В дополнение к приведенной краткой характеристике столовых кувшинов и горшков из нижнего горизонта следует добавить, что среди них, судя по отдельным фрагментам, были и двуручные сосуды. Ручки в виде небольших выступов-ушек или S-видные крепились к тулову, причем ушки располагались горизонтально. Единичность этих обломков показывает, что двуручные сосуды были не характерны для данного горизонта (рис. 39, 50—51).

Отдельные красноангобирыванные сосуды (горшки или кувшины — неясно) украшались

прочерченным зигзагообразным орнаментом, расположенным зонами, отграничивавшимися прочерченными линиями, но такой способ орнаментации очень редок.

Чаши, миски. Количество этих сосудов составляло 21% от общего числа керамики из нижнего горизонта. Чаши были сравнительно малочисленны и почти все без исключения покрыты красным ангобом изнутри и снаружи. Представлен преимущественно один тип — полусферические чаши, среди которых по форме резервуара и оформлению закраины прослеживается несколько разновидностей.

1. Небольшие глубокие сосуды. Край шпига изогнут и утолщен. Мягкий перегиб корпуса в некоторых случаях подчеркнут прочерченным желобком или рельефными валиком. Диаметр по краю 10—12 см, глубина, видимо, 6—7 см (рис. 40, 35, 36, 38—40, 47). Эти сосуды, как нам кажется, обнаруживают некоторое сходство с кубкообразными чашами, сохранившимися в керамике Хорезма без заметных изменений от эпохи ранней античности и являвшимися традиционной формой сосудов в древнем Хорезме³⁹. Поскольку уцелели только верхние части этих чаш, трудно сказать, каковы были днища, скорее всего плоские, хотя в коллекции из ранних слоев городища есть и массивные днища, характерные для ранних кубков, а также дисковидные поддоны.

2. Прочие чаши были мельче и несколько шире. По форме корпуса различались полусферические чаши с мягким очертанием резервуара или с более четко выделенным бортиком (рис. 40, 46, 56) и конические (рис. 40, 45). Судя по общему количеству отдельных найденных донышек, преобладали чаши с плоским дном. Дисковидных поддонов мало.

Миски. По форме резервуара можно выделить несколько типов этой категории посуды.

1. Преобладали полусферические миски, среди которых различались сравнительно глубокие округлой формы и более мелкие (рис. 40, 53 и 60). Край некоторых мисок слегка утолщен, а стенка под ним немного изогнута (рис. 40, 52, 57). В другом случае край отогнут, образуя утолщенный бережок с горизонтальной верхней плоскостью (рис. 40, 59).

2. Широкоупотребительными были низкие миски, величина которых, а также наклон стенок по отношению ко дну чрезвычайно варьировали. Маленькие миски имели диаметр по краю 14—15 см, высоту 2—3,5 см и были покрыты красным ангобом. Крупные миски значительно шире (диаметр по краю 23—36 см, высота стенок — 4—5 см) и большей частью светлоангобированы. Край стенок либо загнуты внутрь, либо поставлены прямо или же расходятся кнаружи под тупым углом ко дну.

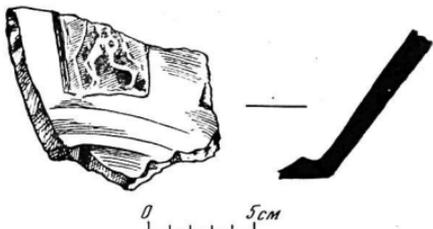

Рис. 41. Штамп на светлоангобированном сосуде из горизонта I

При переходе к дну стенки большинства этих мисок утолщены, и снаружи часто видны следы подстригивания ножом, а дно хранит следы какой-то подсыпки типа дровицы (рис. 40, 54, 55).

Крупные миски, или столовые тагара. Найдено несколько экземпляров этой категории сосудов. Все они — полусферической формы, красноангобированы, украшены прочерченными или рельефными поясами под краем или по самому краю, иногда утолщенному. Диаметр устья 32—35 см, толщина стенки 1,2—1,5 см (рис. 40, 62—66). Большой интерес представляет светлоангобированная миска, отличающаяся от описанных формой, близкой к конической, и цветом черепка. К числу ее особенностей относятся также пунсонный орнамент на стенках и вертикально поставленные по краю ручки (рис. 40, 61).

Насколько известно, такие миски до сих пор в керамике из памятников античного Хорезма зафиксированы не были. По технологическим признакам ее можно поставить в один ряд с тарелкой из Куна-Уза, найденной на поверхности городища и украшенной пунсонным орнаментом и штампом⁴⁰. Следует отметить, кстати, что обломок светлоангобированного сосуда со штампованным изображением танцовщицы с развешивающимся за плечами шарфом имеется и среди керамики из рассматриваемого горизонта, но форма его лепсна (рис. 41). Сам персонаж со штампа, стилистические подробности изображения вводят нас в круг памятников раннесасанидской эпохи⁴¹.

Возможно, к крупным мискам следует отнести и фрагмент донной части сосуда на трех ножках. Дно слегка выпуклое, ножки — тонкие сплошные, скругленно-четырёхугольные в сечении выступа (рис. 40, 37). Ангоб красный. Находить подобных сосудов в Хорезме пока не отмечены, но вообще они отноди не

являются новостью, и за пределами Хорезма чаши и миски на трех ножках встречаются сравнительно часто. Так, они представлены в коллекциях из древнебактрийских памятников юечжйско-кушанского и особенно великокушанского периодов⁴².

Тарелки, блюда относятся к единичным типам посуды из горизонта I городища. Тарелки имели подтреугольный в сечении утолщенный край, в одном случае украшенный пунсонным орнаментом. Покрываются красным ангобом. Диаметр сосуда 17 см, толщина стенки 0,5 см (рис. 40, 42).

Блюда — широкие, плоские, с массивным утолщенным краем. Толстостенны, высота кососрезанного бортика 2—3 см. Покрываются светлым ангобом. Диаметр 25 см (рис. 40, 41). Найдены также фрагменты нескольких тазов, или *тагара*. Это — толстостенные сосуды с вертикально поставленными или отлогими стенками. Диаметр по краю 46—52 см. Высота сосудов должна была быть не менее 15 см. Покрывались светлым ангобом или вовсе не ангобировались. В глину при их изготовления добавлялся шамот. Представлены по существу одним типом; сосуды отличались лишь большей или меньшей массивностью профилированного края (рис. 40, 16, 67).

Большинство из описанных выше сосудов имеет обширный круг аналогий. В частности, чаши и миски полусферической формы были столь широко распространены в керамических комплексах Средней Азии и сопредельных районов в последние века до н. э. — первые века н. э., что время их бытования сколько-нибудь узкой датой определено быть не может. Сошлемся лишь на сходство одной из разновидностей полусферических мисок (с утолщенной закраиной) с определенным типом этих сосудов из Кой-Крылган-калы (средний и верхний горизонты)⁴³, что может быть ориентиром в ограничении времени их существования (как нам кажется, не позднее III в. н. э.).

Следует отметить также, что сходный набор форм сосудов дает керамический комплекс из Мирзакул-тепе, датированный раннекушанским временем, где имеются близкие нашим крупные миски или столовые тагара⁴⁴, низкие миски типа 2⁴⁵, а также тагара с массивной профилированной закраиной⁴⁶.

Подставка — низкая, светлоангобированная, округлая, с выступающим бортиком и поддоном. Диаметр по краю 10 см, высота — 3 см. Имеет близкое сходство с подставками из Таксилы (Сиркаш), отнесенными к позднему сакарфянскому периоду⁴⁷ (рис. 40, 32).

Лепной кухонной посуды в нижнем горизонте городища очень немного (3%). Это горшки, несколько одноручных и безручных

кувшинов, миски, очажные подставки (рис. 39, 2, 5, 10—12, 23, 25, 26). За исключением нескольких форм, вся эта керамика воспроизводит ремесленные образцы. Исключением являются сосуды на кольцевидном поддоне. Поскольку сохранились только их днища, форма не восстанавливается, но скорее всего, это были какие-то светильники или небольшие жаровни, так как внутренняя поверхность сильно закопчена. Диаметр сосудов по дну 12—14 см. В нижних слоях они единичны, но, как мы покажем дальше, они использовались жителями города на всем протяжении его существования (рис. 39, 26).

Очажные подставки немногочисленны, и все относятся к типу призматических (или «рогатых кирпичей»), широко известных в керамических комплексах Средней Азии. В частности, в Хорезме они появляются уже с архаического периода⁴⁸. Топрак-калийские подставки украшены пунсонным орнаментом (см. рис. 48, 3, 5, 9).

Все перечисленные сосуды лепились из глины с добавлением мелкой дресвы. Поверхность их неровная и шероховатая, многие закопчены. Лепные чаши и миски, так же как и гончарные, покрывались ангобом. Ангобировались и некоторые горшки. Отдельные их экземпляры украшались налепами, но этот вид орнамента в данный период не был распространен.

В заключение следует добавить, что из древнейших слоев городища и из построек цитадели происходит небольшое количество светлоангобированных посуды того же типа, который был в свое время выделен М. Г. Воробьевой при исследовании керамики из среднего и верхнего горизонта Кой-Крылган-калы⁴⁹. Там представлена большая серия этой керамики и установлено, что она формировалась на подставке или от руки, но специалистами-гончарами и обжигалась в гончарных горнах. На Топрак-кале найдены фрагменты нескольких горшков, миски, хумчи и кувшина (рис. 39, 1, 3, 6—8). Все горшки — сосуды с широким и высоким горлом и небольшой очень характерной «припухлостью» по краю. Черепок в изломе серовато-лиловатый, в глине — примесь каких-то светлых включений и мелкой дресвы. В одном случае основание горла горшка отделено от тулова вмятиной. Если перечисленные сосуды совершенно аналогичны кой-крылганским, то этот горшок несколько отличается от них цветом черепка и формой (рис. 39, 6).

К данной группе примыкает светлоангобированный горшок с округлым туловом, коротким горлом с кососрезанным краем и четырьмя отверстиями на тулове, украшенном прочерченным орнаментом. Отверстия оформлены плоскими круглыми налепами (рис. 39, 4). Помимо

Кой-Крылган-калы и Топрак-калы, светлоангобрированные сосуды описываемого типа, несомненно, лучшие, широко распространены в усадьбах Джанбас-калинского поселения первых веков н. э., в усадьбах Аяз-калинского поселения, в том числе в усадьбе 1⁵⁰. Как нам любезно сообщила Б. И. Вайнберг, очень много такой посуды извлечено из шурфа, заложеного ею на Кургашиин-кале. Встречается она также в верхних слоях античного поселения, на развалинах которого построена раннесредневековая крепость Беркут-кала⁵¹.

Эти сопоставления, как нам кажется, могут служить основанием для предположения, что данную серию керамики можно рассматривать в качестве деревенской посуды (хотя она и приговетлялась специалистами-гончарами) в отличие от вышеописанной ремесленной, использовавшейся горожанам.

Суммируя сказанное, следует обратиться к вопросу о дате описанного керамического комплекса. Приведенные выше аналогии ведут в эпоху Великих Кушан и в целом дают широкую дату — I—III вв. н. э. Пытаясь сузить эту дату, укажем, что рассматриваемому комплексу керамики из нижнего горизонта Топрак-калы наиболее близка керамика из дома 1 близ Аяз-калы III и усадьбы 2 Джанбас-калинского оазиса. Как известно, в доме 1 найдены монеты Канишки, время правления которого точно не определено, но большинством исследователей приурочивается ко II в. н. э. На возможность более узкой даты этой керамики (по крайней мере — из раскопанной части квартала) указывает и уже упоминавшаяся в главе I находка кушанской монеты с S-видным надчеканом над материком в помещении III—12.

Горизонт II. По технологическим особенностям и способу выработки керамика горизонта II также делится на две численно неравные группы. К первой относится ремесленная посуда, ко второй — левая, кухонная. Количество последней резко увеличивается по сравнению с предыдущим периодом.

Керамика, изготовленная на гончарном круге. Большинство форм сосудов предшествовавшего времени продолжало существовать, однако отдельные из них приобрели некоторые особенности, распространившиеся, как мы покажем ниже, в последующий период истории городища. Появились и новые формы, существенно отличавшиеся от традиционных. Все это — первые признаки тех перемен, которые ярко выразит керамика из верхнего, третьего, горизонта городища.

Хумы. По-прежнему существуют те же крупные бочонковидные сосуды с уплощенным валиком-венчиком, что и в нижнем горизонте

(см. рис. 44, 10). Однако теперь получает распространение несколько отличающаяся от них форма хумов. Валик-венчик еще уплощается, вытягивается, образуя короткое в виде раструба горло. В глине, из которой они формовались, в отличие от хумов первого типа, много дресвы и шмота, обжиг неравномерен. Хумы покрывались неровным, светлым ангобом или совсем не ангобировались. Диаметр устья 33—52 см, толщина стенки 2—2,5 см (см. рис. 44, 9).

Хумчи составляют всего около 2% от общего числа сосудов. Встречено лишь два их типа, что, видимо, случайно и отражает не уменьшение их количества, а какую-то специфику раскопанных помещений квартала.

1. Красноангобрированные лощеные хумчи со слабоутолщенной закраиной, четко выделенным горлом и широким туловом, подобные распространенным в предшествующий период. Диаметр горла 43 см, высота его 7 см (рис. 42, 22).

2. В конце данного периода появляется новый тип хумчей, отличающихся от второго типа хумов данного периода только размерами. Диаметр горла 26—32 см, толщина стенки 1,5—1,8 см. Покрывались светлым ангобом плохого качества. В глине, из которой формовались сосуды, много извести и дресвы (рис. 42, 19).

Горшки. Количество горшков сравнительно с нижним горизонтом почти не изменилось, составляя 22% от общего числа керамики, однако в целом горшковидных сосудов (включая и хумчи) стало меньше. По-прежнему существовали шаровидные горшки и горшки с высоким горлом, но в конце периода появляются и новые их типы.

1. Форма шаровидных горшков мало изменилась со времени нижнего горизонта, но оформление постепенно меняется: они реже украшались лощением, вместо красного ангоба покрывались светлым. На плечиках большинства этих сосудов — по 4 сквозных круглых отверстия, иногда они оформлялись налепом. Тулово некоторых горшков описано несколькими рядами концентрических прочерченных бороздок (рис. 42, 12, 13—17, 20, 29). Размеры варьировали. Разновидностью описываемых сосудов были горшки, диаметр дна которых примерно равен диаметру устья (16—20 см), а высота сосуда меньше (12—13 см) (рис. 42, 28), однако из-за фрагментарности материала неясно количественное соотношение обоих видов горшков.

2. Горшки с высоким горлом заметно отличаются от более ранних — вернее, к этому горизонту окончательно оформились и приобрели вполне определенные, установившиеся черты большая их группа, представленная ранее отдельными сосудами. Это — горшки с невысо-

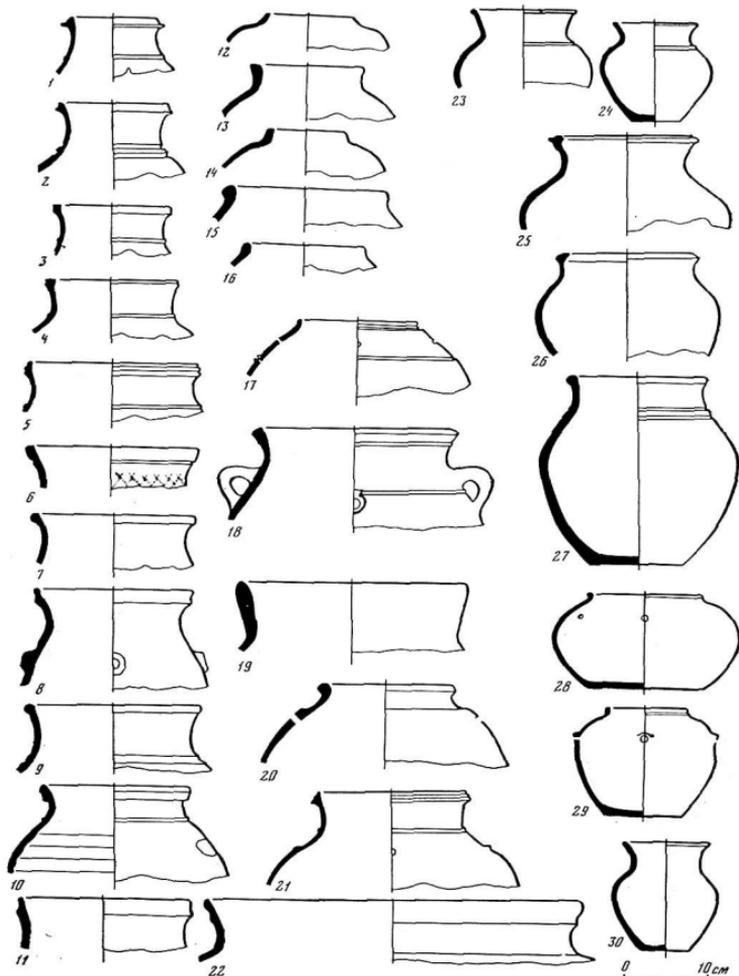

Рис. 42. Керамика из горизонта II

1 — из помещения I-5, пол 8; 2 — из помещения V-5, пол 4;
 3 — из помещения III-4, пол 9; 4 — с юго-западного раскопа
 в квартале А, уровень 220 см; 5 — из помещения VI-13, пол 5;
 6 — из помещения III-11, пол 3; 7—9 — из помещения VII-3,
 пол 5; 10 — из раскопа у западной крепостной стены, пол 4;
 11 — из помещения III-7, пол 4; 12 — из помещения III-4, пол 9;
 13—14 — из помещения I-5, пол 8; 15 — из помещения IV-3,

нижний пол; 16 — из помещения I-5, пол 6; 17 — из помещения
 I-5а, пол 11; 18 — из помещения I-5, ниже пола 8; 19 — с улицы
 1, уровень второй стены; 20 — из помещения I-5, пол 7; 21 —
 из помещения VI-13, пол 5; 22 — из помещения VII-2, пол 9;
 23 — из помещения VII-3, пол 5; 24 — из квартала А, шурф II,
 пол 3; 25 — из помещения III-5, пол 5; 26 — из помещения II-6,
 пол 7; 27 — из помещения I-5, пол 8; 28 — из помещения IV-2,
 пол 6; 29 — из помещения III-5, пол 4; 30 — из помещения III-5,
 пол 8

ким, но четко выраженным горлом и округлым туловом, с выпуклыми боками, постепенно суживающимися к плоскому дну. Диаметр устья 16—48 см, максимальный диаметр тулова лежит в его верхней трети и равен 21—24 см, высота горла 5—6 см. Оно часто обведено слабо рельефным валиком. Венчики разнообразны: профилированные несколькими прочерченными линиями, плоские подтреугольные, подчетыреугольные и др. (рис. 42, 1—11, 18, 21). Сосуды преимущественно красноангобированные, некоторые украшены полосчатым или сетчатым лощением. Тулово многих из них снабжалось небольшими петлевыми ручками или имитированными их выступами-налепами, а между ними — сосковидными налепами. Один из таких сосудов выделяется очень покатыми плечиками и слабо прогнутой шейкой (рис. 42, 8). Диаметр устья 18 см, высота горла 6 см, диаметр плечиков 22 см. Покрит красным ангобом снаружи и изнутри по горлу.

Судя по сравнительно частым среди керамики данного горизонта фрагментам стенок с ручками, такие двуручные горшки были довольно типичной для данного горизонта формой, причем размеры этих сосудов очень различались. Возможно, среди них были и кувшины.

Двуручные горшки, так же как и двуручные кувшины, не являются редкостью среди античной керамики Средней Азии. Можно назвать ряд районов, где они представляли собой традиционную форму, например, район распространения каучинской культуры, присырдарьинские области Средней Азии⁵². Вместе с тем в первые века н. э. горшки и котлы близкого нашего профиля имеются в уже неоднократно упоминавшихся археологических памятниках Бактрии (например, Дильберджине)⁵³. В массе своей горшки из памятников каучинской культуры отличаются от топрак-калинских как формой тулова, так и расположением ручек (они крепятся одним концом к самому краю сосуда, а другим — к плечикам). В то же время среди большого числа опубликованных есть и сосуды, очень близкие топрак-калинским горшкам. Один из них происходит из Ак-тобе 2⁵⁴ (I—III вв.), другой — из Каучи-тепе (этап Каучи II—III—IV вв. н. э.)⁵⁵. К этому же виду посуды принадлежит крупный горшкообразный сосуд из Чаш-тепе, датированный III—V вв. н. э.⁵⁶, и горшки, относящиеся к группе светлоангобированной керамики из Кой-Крылган-калы⁵⁷. Отметим попутно, что крупные горшки и котлы из Дильберджина являются почти точным подобием чаш-тепинских и по форме, и по способу ornamentации тулова прочерченным зигзагообразным ornamentом, разделенным циркулярными полосами на несколько зон. Однако наиболее близкие к опи-

сываемым сосудам горшки с налепами и ручками на тулове происходят из курганов 1 и 2 Шасенем-кыра и датированы X. Юсуповым IV—V вв. н. э.⁵⁸

3. Сосуды, принадлежащие к этому типу, характеризуются тем, что высота их примерно равна наибольшему диаметру корпуса, лежащему в его верхней трети (рис. 42, 23, 24, 27, 30), а диаметр два меньше диаметра устья. Горло четко выделено, плечи выпуклые, у основания горла может быть рельефный пояс или прочерченные линии. Ангоб красный. Диаметр устья небольших горшков 10 см, два 6 см, высота около 13 см, наибольший диаметр тулова 13 см. Соответствующие размеры у крупных горшков 12, 10 и 23 см. Сходны с горшками типа 3 из нижнего горизонта.

4. В конце рассматриваемого периода появляются светлоангобированные горшки с углощипанной подтреугольной или чаще Т-образной закраиной и с характерным изгибом края горла (рис. 42, 25—26). Тулово округлое. Диаметр устья 14—16 см, высота горла 3 см, наибольший диаметр тулова лежит в его верхней трети и равен 22 см.

Число кувшинов в слоях горизонта II несколько уменьшилось и они составляют теперь около 20% от общего количества сосудов. Соотношение их видов также несколько иное, чем в слоях нижнего горизонта.

1. Стало меньше кувшинов с выступающей закраиной со скошенной площадкой. Одноручные кувшины этого типа теперь единичны. Безручные бывают и светлоангобированными, а среди красноангобированных меньше лощеных. Отсутствие целых экземпляров не дает возможности судить об изменении формы как таковой, можно лишь заметить, что венчики этих кувшинов отличались большим разнообразием. Особенно характерно наличие уступа на его горизонтальной площадке. Пожалуй, несколько чаще горло под венчиком описано валиком (рис. 43, 1—2, 4—8).

Отметим кувшины со своеобразной отогнутой закраиной, со скошенной внутрь площадкой и углублением-желобком на боковой плоскости. У основания горла — легкий уступ, а плечики украшены прочерченным ornamentом. Ангоба нет (рис. 43, 7).

Единичны кувшины с маленьким подчетыреугольным в сечении венчиком и высоким, изогнутым горлом. Кувшины с подобными венчиками являются одним из самых распространенных типов сосудов из верхнего слоя городища Куя-Уаз (рис. 43, 3, 23).

2. По-прежнему встречались кувшины с подтреугольным уплощенным венчиком, однако среди них преобладают другие типы. Имеются сосуды с пластинчатой ручкой, одним концом

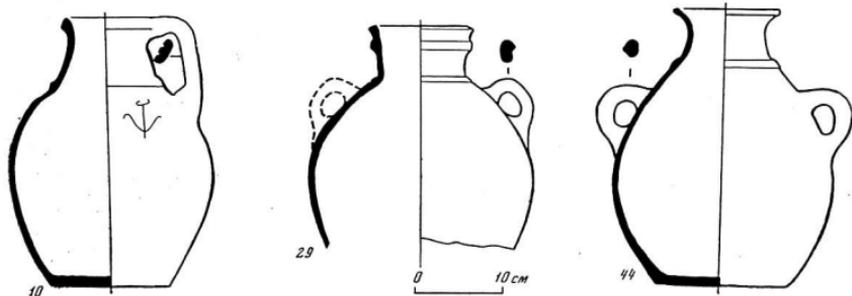
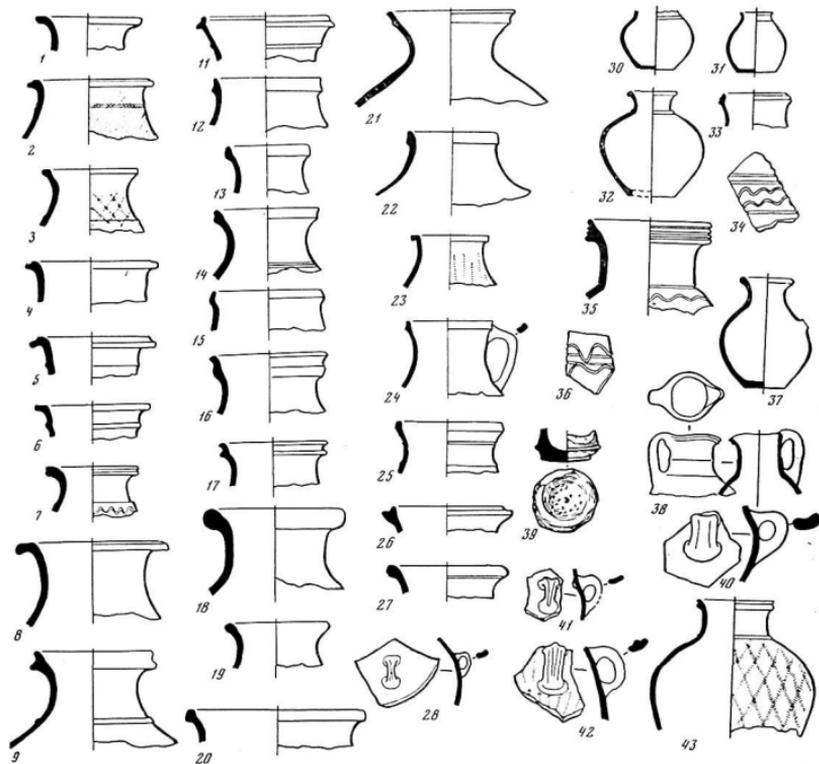

Рис. 43. Керамика из горизонта II

1 — из помещения III-7, пол 3; 2 — из помещения III-8, пол 6;
 3 — из помещения II-7, пол 6; 4 — из помещения III-11, пол 4;
 5 — из помещения I-5, пол 8; 6 — из помещения V-3, пол 3;

7 — из помещения V-5, пол 3; 8 — из помещения VI-8, пол 1;
 9 — из помещения VI-9, пол 6; 10 — из траншеи через улицу 2,
 уровень 220 см; 11 — с улицы 1, уровень третьей стены; 12 —
 из помещения III-8, пол 6; 13—14 — с улицы 1, уровень третьей
 стены; 15 — из помещения III-4, пол 9; 16 — из помеще-

прикреплявшейся к краю горла, а другим — к плечикам. Судя по сохранившемуся целком экземпляру, эти кувшины были высотой 32 см, диаметр их устья 10 см, высота шейки 6 см, наибольший диаметр тулова (23 см) лежит на его середине, дно плоское, его диаметр в два раза превышает диаметр устья, горло слегка коновидное. Пластинчатая ручка украшена двумя глубокими бороздками (рис. 43, 10). На тулове сосуда — прочерченный тамгообразный знак. Кувшин покрыт светлым ангобом. Форма ручки позволяет думать, что данный сосуд относится к концу горизонта II.

Получают, видимо, некоторое распространение кувшины с коновидным горлом (рис. 43, 12, 15, 22), а также с сильно изогнутым в виде раструба горлом и широким туловом (рис. 43, 11, 21). Венчики отличаются большим разнообразием. Форма этих кувшинов, к сожалению, не восстанавливается.

3. Продолжают существовать кувшины с подтреугольным в сечении плоским венчиком с ложбинкой или более четко выраженным желобком по середине, не отличающиеся заметно от более ранних; они по-прежнему покрыты лощением по красному ангобу (рис. 43, 9, 17). Высота имеющегося почти целого экземпляра кувшина около 20 см, диаметр устья 8 см, высота горла 4 см. Максимальный диаметр — 18,5 см — лежит в верхней трети тулова. Горло кувшина описано рельефным пояском (рис. 43, 43).

4. Имеются в керамическом комплексе из горизонта II и небольшие кувшины со скругленным валиком-венчиком, низким, изогнутым горлом, слабовыпуклыми плечиками. Диаметр устья 6—11 см, наибольший диаметр 12 см. Сосуды светлоангобированы либо без ангоба (рис. 43, 32, 37). Низ сосуда грубо подрезан ножом. Есть и совсем маленькие приземистые кувшинчики, диаметр дна которых много превышает диаметр горла (рис. 43, 30, 31).

5. Кувшины с желобком-углублением для упора крышки на массивном венчике, видимо, продолжали изготавливаться, но были так же

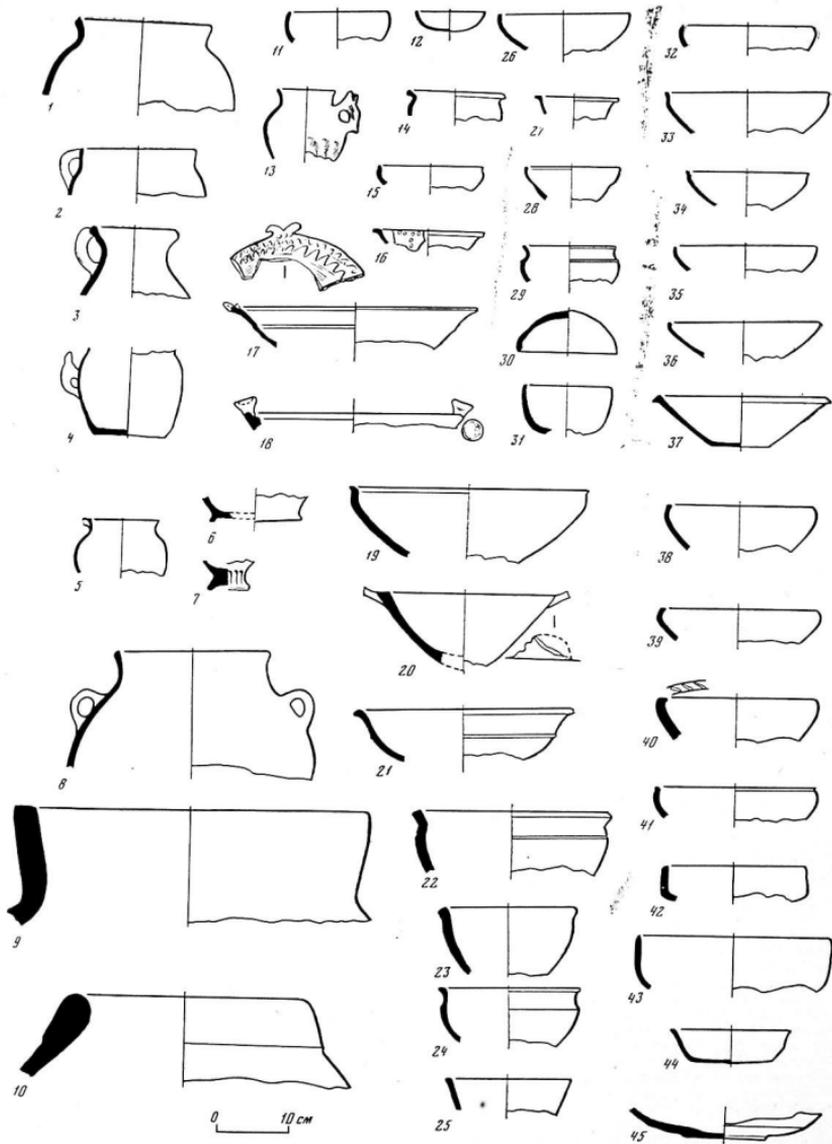
малораспространенным типом данных сосудов, как и в керамическом комплексе из горизонта I (рис. 43, 26).

Следует выделить особо новые типы кувшинов, не представленные среди керамики из нижнего горизонта.

6. С точки зрения изучения ряда вопросов истории культуры населения Топрак-калы важно отметить находку эйхохоевидного кувшинчика со сливом, рифленным краем горла и пластинчатой ручкой, крепившейся к нему, но почти не поднимавшейся над горлом (рис. 43, 38). Кувшин низкогорлый, покрыт красным ангобом, форма не восстанавливается, но, видимо, он был небольшим. Очень близкий нашему экземпляру кувшинчик найден в Халчачане, в юго-западном доме, где он датируется III—IV вв. н. э.⁶⁹ Как указывает Г. А. Пугаченкова, эйхохоевидные сосуды сходного типа встречены были при раскопках Хайрабад-тепе на полу помещения, датированного позднекушанскими и раннесасанидскими монетами III—IV вв. н. э. Подобные сосуды есть и в Беграме (II слой — II—III вв. н. э.)⁶⁰. Горла кувшинов типа эйхохи встречаются изредка в слоях Афрасиаб II. Позднее, в переходный период к Афрасиабу III, число эйхохи, как отмечает Г. В. Шишкина, увеличивается⁶¹. Чаще всего они покрывались красным ангобом, но бываю, в отличие от хорезмийских, и черноангобированные лощеные экземпляры.

7. Большой интерес представляют двуручные кувшины, видимо, очень характерные для керамики из данного горизонта, так как отсюда происходит значительное количество их фрагментов (см. рис. 43, 40—42). Выше указывалось, что и в нижнем горизонте были найдены обломки сосудов с двумя ручками на тулове, однако осталось неясным, к какой категории их следует относить. Теперь в нашем распоряжении имеются целые экземпляры двух типов двуручных кувшинов. У первого из них тулово яйцевидное, основание четко выделенного горла опоясывает рельефный валик. Закрана сосуда обведена другим валиком. Диаметр горла 10,5 см, высота его 6 см, наибольший диаметр тулова 26 см. К плечикам прикреплены две петлевидные ручки (рис. 43, 29). Покрыт красным ангобом. Этот сосуд, казалось бы, очень индивидуального облика, тем не менее находит близкие аналоги в среднеазиатском материале. Кувшины с напелом-валиком под краем горла — широко распространенная форма в Минг-Урюке, хотя они и несколько отличаются от топрак-калинского более заостренным валиком. В одном с ними комплексе имеются и сходные с топрак-калинскими кувшины с подтреугольным венчиком с профилированным нижним краем и с желоб-

ния VII-3, пол 5; 17 — из помещения IV-3, пол 7; 18 — из помещения I-6, пол 8; 19 — из помещения III-8, пол 6; 20 — из помещения III-8, пол 6; 21 — из помещения III-11, пол 4; 22 — из помещения VII-3, пол 5; 23 — из помещения VI-10, пол 5; 24 — из помещения IV-2, пол 6; 25 — из помещения III-4, пол 9; 26 — с устья 1, уровень основания третьей стены; 27 — из помещения I-56, пол 6; 28 — из помещения VI-13, пол 5; 29 — из помещения II-5, пол 6; 30—31 — из помещения III-5, пол 6; 32 — из помещения II-5, пол 6; 33 — из помещения II-7, пол 6; 34 — из помещения II-5, пол 7; 35 — из помещения I-6, пол 6; 36 — из помещения II-5, пол 7; 37 — из помещения III-5, пол 6; 38 — из помещения II-7, пол 6; 39 — из помещения III-12, пол 3; 40 — из помещения III-4, пол 9; 41 — из помещения V-1, пол 5; 42 — из помещения III-4, пол 9; 43 — из помещения I-5, пол 8; 44 — из помещения VI-6, пол 5

ком посредние⁶². Кувшины с валиком под венчиком есть в Халчаене (первые века н. э.)⁶³ и в Беграме в слое II—III вв.⁶⁴, однако они имеют более отдаленное сходство с нашим. Для установления времени бытования данных сосудов требуется дальнейшее накопление материалов.

Другой двуручный сосуд отличается от вышеописанного прежде всего формой грушевидного тулова, наибольший диаметр которого приходится на нижнюю треть и равен 13 см, высота горла 2,5 см, диаметр устья 7 см, диаметр дна немного больше — 2,8 см. У основания шейки плоский валик. Округлые в сечении петлевидные ручки прикреплены к верхней части тулова. Дно плоское. Венчик — сильно выдвинутая, скругленная закраина. Кувшин покрыт красным ангобом снаружи и изнутри по краю горла. Поверхность тулова у дна чем-то сильно и грубо затерта (рис. 43, 44).

Среди известных нам хорезмийских сосудов сходных нет. Бактрийские двуручные кувшины на описанный в целом не похожи. Некоторое сходство с ним по форме тулова наблюдается лишь в отдельных случаях среди керамики из Дильберджина⁶⁵ и Гульгуля-тепе⁶⁶, но ручки у бактрийских сосудов прикреплены иначе, чем у хорезмийского. Большие кувшины с маленькими ручками — одна из традиционных форм керамики Джеты-асаров на Нижней Сырдарье⁶⁷, но эти сосуды очень далеки от рассматриваемого образца по своей форме. Тем не менее подобный способ крепления ручек на

кувшинах — новшество для Хорезма, и к этому вопросу мы еще вернемся несколько ниже.

8. Кувшины с округлым в сечении венчиком, иногда с желобком по его краю. Встречаются узкогорлые и широкогорлые сосуды. Диаметр устья 12—19 см, высота горла 4 см. Покрывались светлым ангобом, в глину, из которой они формовались, добавлялась мелкая дрова (рис. 43, 18—20, 27).

9. Найдены обломки кувшина с рифленным венчиком и прочерченным зигзагообразным орнаментом на плечиках (рис. 43, 33—36). Кувшины этого типа получают распространение в слоях следующего горизонта. Такой тип сосудов здесь может быть случайным, хотя вообще кувшины с подобными венчиками встречаются, например, в слоях Беграм II уже в первые века н. э.⁶⁸

Чаши, миски. Сосудов этой категории стало теперь вдвое меньше. Их число составляет только 10% от общего количества керамики.

Чаши. Глубокие кубообразные чаши типа 1 теперь отсутствуют. Возможно, их разновидностью следует считать чаши с округлым резервуаром и сильно отогнутым утолщенным краем, которые иногда называют полушарическими. Диаметр устья 12—14 см, возможная глубина 7—8 см. Покрыты красным ангобом. Плечико сосуда иногда подчеркнута валиком, а закраина не утолщена (рис. 44, 14, 29).

Полусферические и конические чаши по-прежнему существуют без заметных изменений (рис. 44, 11, 12). В качестве разновидности выделим полусферическую чашу с изогнутым краем (рис. 44, 15).

Новым типом являются мелкие красноангобированные чашечки с полочкообразной закраиной. В одном случае закраина украшена сосковидными напелами. В другом — на корпусе чаши лунообразный орнамент (рис. 44, 16, 27). Диаметр по краю 8—9 см.

Единичная чаша с характерным перехватом стенки в средней части сосуда. Отдаленно напоминает эту особенность кубообразные чаши из Ак-Кургана (рис. 44, 28).

Все эти чаши покрыты красным ангобом, а некоторые и лощенем.

Миски не отличаются разнообразием. Как же как и чаши, они преимущественно полусферической формы (тип 1). Диаметр по краю 15—22 см, глубина различна, но преобладают мелкие миски. Край может быть слегка изогнут или чуть загнут внутрь (рис. 44, 32—36). Иногда он подчеркнут маленьким валиком (рис. 44, 42).

В отличие от нижнего горизонта в данный период распространяются миски с загнутым внутрь краем (рис. 44, 38—39). Такие сосуды имеются в слоях среднего и верхнего горизон-

Рис. 44. Керамика из горизонта II

1 — из помещения V-4, пол 4; 2 — из раскопа у западной крепостной стены, пол 8; 3 — из помещения I-5, пол 8; 4 — из помещения V-5, пол 3; 5 — из помещения V-5, пол 4; 6 — с улицы 1, уровень основания третьей стены; 7 — из помещения VI-10, пол 5; 8 — из помещения IUP-5, пол 6; 9 — из помещения III-11, пол 3; 10 — с улицы 1, уровень основания третьей стены; 11 — из помещения VI-6, пол 3; 12 — с улицы 1, уровень основания третьей стены; 13 — из помещения VII-5, пол 8; 14 — из помещения I-5, пол 8; 15 — из помещения VII-3, пол 5; 16 — из помещения I-5, ниже пола 8; 17 — из раскопа у западной крепостной стены, пол 4; 18 — из помещения III-9, пол 1; 19 — из помещения I-5, пол 8; 20 — из помещения I-5а, пол 10; 21—22 — из помещения I-5, пол 8; 23 — из квартала А, раскол между зданиями I и ограды, верхний уровень; 24 — из помещения III-12, пол 4; 25 — из помещения I-5, пол 7; 26 — из помещения III-5, пол 6; 27 — из помещения III-9, пол 3; 28 — из помещения VI-8, пол 5; 29 — из помещения V-1, пол 2; 30 — из помещения VI-6, пол 5; 31 — с улицы 1, уровень третьей стены; 32 — из помещения IV-2, пол 6; 33 — из помещения I-5, пол 8; 34 — из помещения I-5, пол 6; 35 — из помещения III-12, пол 3; 36 — из помещения VI-6, пол 5; 37 — из помещения I-5, пол 4; 38 — из помещения VII-3, пол 5; 39 — из помещения VII-3, пол 4; 40 — из помещения VII-3, пол 4; 41 — из квартала А, юго-западный раскол, уровень 214; 42 — из помещения VI-6, пол 5; 43 — из помещения VI-8, пол 1; 44 — из помещения III-5, пол 4; 45 — из помещения III-12, пол 4

тов Кой-Крылган-калы. В одном случае край толстостенной миски этого типа украшен насечками (рис. 44, 40).

2. По-прежнему существуют низкие миски со стенками, поставленными прямо или под углом ко дну (рис. 44, 42, 44).

3. Имеются немногочисленные миски конической формы (рис. 44, 25, 37). У одного экземпляра — клювовидный отогнутый край. Воспроизводит древние образцы. Возможно, случайная находка в данном горизонте.

4. Своеобразным типом мисок являются сосуды, представляющие как бы промежуточную форму между глубокой миской и открытым горшком. Край отогнут, плечико подчеркнуто выступом или протерченным желобком. Диаметр устья 17—18 см, у крупных экземпляров 25 см, глубина около 10 см (рис. 44, 22—24).

Столочные тагара. Это широкие и неглубокие краснообгориванные сосуды с отогнутым краем. Некоторые экземпляры украшены рожковидными налепами и сосковидными шишечками. Ширина 30—34 см, толщина стенки 0,8—1 см (рис. 44, 17, 18, 21). Обнаруживают сходство со столовыми тагара из Ак-Кургана⁶⁹. Может быть, к этой категории сосудов следует отнести и глубокий сосуд со ступенчатыми выступами по краю (рис. 44, 20). Тагара с такими выступами есть в коллекции из Ак-Кургана⁷⁰, но наш сосуд еще глубок и скорее напоминает резервуар светильника. К сожалению, дно сосуда отбито (Ш. Р. Пндаев, опубликовавший эти сосуды, отметил, что они имеют аналогию в первую очередь среди керамики из памятников Сурхандарьинской области, где датируются III—серединой V в. н. э.⁷¹).

Кружки. К числу редких видов посуды из Топрак-калы принадлежат кружки. В нашем распоряжении имеются только один целый экземпляр и фрагменты еще нескольких, форма которых неясна. Зато этот единственный экземпляр представляет собой большой интерес для характеристики этнокультурных контактов населения. Топрак-калинская кружка — это небольшой сосуд с низким приземистым корпусом, суживающимся к устью. Край отбит. Ширина тулова 9 см, высота кружки 11 см, диаметр устья 5 см, дна — 6 см. К плечкам прикреплена массивная и непропорционально большая ручка, округлая в сечении, схематизированно-зооморфная. Голова ручки отбита. Кружка покрыта красным ангобом и тонкостенна (рис. 44, 13). Кружки с зооморфными ручками, более или менее схематизированно передающие изображения животных, чаще всего барана, имеют довольно широкий ареал, но, к сожалению, датированы в пределах нескольких столетий. Классификацию типов среднеазиатских кружек в связи со своими наход-

ками в могильниках Западной Ферганы подробно разработал Б. А. Литвинский⁷². Сводка находок кружек с зооморфными ручками приведена Л. М. Левиной⁷³. Все это изобилует нас от необходимости их перечисления. Укажем лишь, что ареал этих сосудов широк, но особенно типичны они для культуры Каунчи и наиболее сходны по форме с топрак-калинской кружкой из Ак-тобе 2, датрующейся I—IV вв. н. э.⁷⁴ Из выделенных Б. А. Литвинским семи типов кружек, найденных в могильниках Западной Ферганы, к нашему экземпляру ближе всего тип 3. Б. А. Литвинский относит его к V—VII вв. н. э.⁷⁵ Возможно, в том районе это долгоживущая форма керамики. Мы склонны датировать кружку из Топрак-калы в пределах более ранних из указанных хронологических границ.

Цедилка. Найден один фрагмент такого сосуда — сильно оббитое дно с несколькими отверстиями. Форма не реконструируется, качество изготовления невысокое, ангоб светлый, поверхность шерста. Сходный предмет происходит из нижнего горизонта Кой-Крылган-калы и, как предполагается, был связан с какими-то ритуальными церемониями⁷⁶. В данном случае это скорее бытовой сосуд (рис. 43, 39).

Крышки очень немногочисленны. Форма приближается к полшаровидной. Красный ангоб. Встречаются только в слоях первого строительного периода (рис. 44, 30).

Ковши — чрезвычайно редкий тип сосудов среди керамики Топрак-калы. Найден обломок одного ковши с прямой горизонтальной ручкой, завершавшейся скульптурной головкой барана (см. рис. 7, 58). Сходный предмет из Кой-Крылган-калы (слой I—IV вв. н. э.), хотя изображении барана нельзя признать достоверным опубликован М. Г. Воробьевой⁷⁷, приведенной и сводку находок данных сосудов. Они воспроизводят металлические ковши-патеры, обычно относимые к римскому времени. В данном случае не исключена и несколько более поздняя дата.

Лепная керамика. Количество лепной керамики сравнительно с нижним горизонтом увеличилось почти в четыре раза. Оно составляет теперь 13% от общего числа посуды. Вручную лепились горшки, котлы, миски, кувшины.

Форма горшков и котлов сходна, различны лишь размеры. Это сосуды с невысоким горлом, край обрезан и иногда слегка утолщен. Тулово округлое. Диаметр устья котлов 18—20 см и более, горшков — 10—12 см. Не исключено, что часть из них имела кольцевой поддон, хотя при отсутствии целых форм пока не удается установить, какому виду керамических изделий он принадлежал. Может быть, это поддон

переносных очажков (рис. 44, 6). Преобладали безручные горшки и котлы (рис. 44, 1). Часть этих сосудов снабжена одной ручкой, плоской в сечении, прикреплявшейся одним концом к краю горла (рис. 44, 2, 5), хотя существовали и сосуды с одной ручкой, прикреплявшейся к тулову. Особенно интересен горшок с зооморфной ручкой, весьма условно передающей изображение какого-то животного (рис. 44, 4). Имелись и двуручные котлы и горшки, но, видимо, немного и в верхних слоях данного горизонта. Найдено более десятка фрагментов лентных сосудов с ручками, крепившимися к тулову, обычно к плечикам (рис. 44, 8).

Лепные кувшины узкогорлы, с одной ручкой, подчетырехугольной в сечении, так же как и у горшков, прикреплявшейся к краю горла, но не поднимавшейся над ним. Диаметр устья 8—10 см, высота горла 6 см (рис. 44, 3). Лепные миски подражают тем глубоким, открытым мискам (или горшкам), о которых речь шла выше. Они толстостенны и, так же как горшки и котлы, изготовлены из глины с большой примесью дресвы (рис. 44, 31). Отметим также находку низкого поддона от чаши или кубка (рис. 44, 7).

Форма очажных подставок меняется. Наряду с призматическими с налезным и пусонным орнаментом (рис. 48, 3, 4) появляются также подставки с массивным чашевидным основанием и завершенном в виде схематизированных головок животных, смотрящих в разные стороны (рис. 48, 8).

Сопоставление комплексов керамики из нижнего, I и среднего, II горизонтов, показывает, что при сохранении однотипных форм происходят и некоторые изменения. Так, среди керамики из горизонта II не встретились блюда, единичны тарелки, нет кувшинов и хумчей с ленточной красной росписью, исчезли крупные хумчи с подтреугольным венчиком и «припухлость» под ним; нет спедифической лепной светлоангобированной посуды с сиренево-сероватым черепком. Зато получили распространение двуручные кувшины и горшки, горшки с налезными на тулове, появились сосуды с зооморфными ручками. Увеличилось число лепной посуды.

Значительная часть описанной керамики встречается в коллекциях из раскопок других хорезмийских памятников. К ним относится Куя-Уаз, где в верхних слоях раскопов 4, 9, 12 и т. д. найдены аналогичные топрак-калинским шаровидные горшки и горшки с высоким горлом, кувшины с подпрямоугольной, сильно выдвинутой закраиной, миски с выступающей закраиной, кувшины с подтреугольным в сечении венчиком с ложбинкой посредине⁷⁸. Меньше аналогий среди керамики из верхних

слоев Кой-Крылган-калы. Оттуда происходят сходные с топрак-калинскими чаши и миски полусферической формы, горшок с двумя ручками на плечиках⁷⁹, но форма его отличается от топрак-калинских.

Гораздо больше аналогий можно найти в комплексе керамики из Турпак-калинских поселений, для которой весьма характерны горшки типа топрак-калинских, с высоким горлом и профилированным венчиком, шаровидные горшки с налезными и др.⁸⁰ Турпак-калинский комплекс посуды датируется IV в. н. э. по аналогии с посудой из верхних слоев Куя-Уаза.

Отдельные типы описанной керамики из горизонта II находят, как указывалось в тексте, аналогии среди других среднеазиатских керамических комплексов, однако количество таких сосудов невелико и они обнаруживают лишь отдаленное сходство между собой. Обратим внимание на появление в этот период в керамике Топрак-калы столовых тагара с налезными и прочерченным орнаментом. В этом плане очень важны сведения об увеличении в бактрийских керамических комплексах, датированных кушано-сасанидскими монетами, числа сосудов, украшенных налезными, прочерченным орнаментом, с зооморфными сюжетами в орнаментации, а также о распространении двуручных сосудов⁸¹. Те же особенности наблюдаются, как мы старались показать, и в керамике из слоев горизонта II городища Топрак-кала.

Большой интерес при решении вопросов о датировке керамики из горизонта II и происхождении отдельных ее видов имеют вполне отчетливо намечающиеся связи с керамикой из присырдарьинских областей. Такие формы топрак-калинских сосудов, как двуручные красноангобированные горшки, кружка с зооморфной ручкой, горшок с покатыми плечиками и прикрепленными к ним маленькими ручками-ушками, находят аналогии среди керамики Джеты-асаров⁸², Ак-тобе^{2 83} и Каунчи⁸⁴, Минг-Урюка (слой IV—V вв.)⁸⁵ и Актепе Чиланзарского (слой V — начало VIII вв.)⁸⁶. Большинство этих аналогий уводит нас (за исключением Джеты-асаров) в период IV—V вв. (может быть, учитывая имеющиеся ранние даты — от конца III в. н. э.), позволяя датировать в этих границах керамический комплекс из слоев горизонта II.

Горизонт III. Керамика из помещений верхнего, III, горизонта представляет собой комплекс, резко отличающийся от более ранней посуды из городища. Теперь среди гончарных изделий преобладают светлоангобированные сосуды, причем ангоб часто, особенно на керамике с самых верхних полов, приобретает зеленоватый оттенок. Выделка сосудов

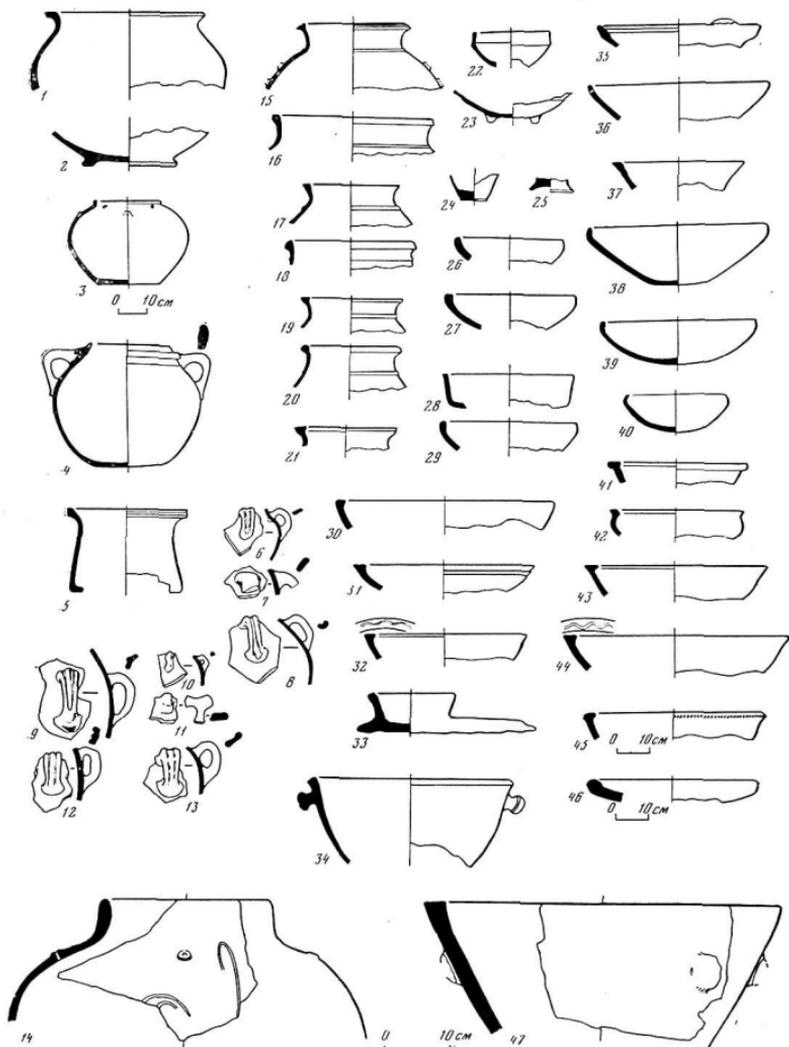

Рис. 45. Керамика из горизонта III

1—2 — из помещения III-1, пол 2; 3 — из помещения III-5, пол 2; 4 — из квартала А, здания II, пол; 5 — из помещения II-2, пол 2; 6 — из помещения V-5, верхний пол; 7 — из помеще-

ния I-3, пол 3; 8 — из помещения I-5, пол 3; 9 — из раскопа у западной крепостной стены, из ямы, врубленной во вторую стену; 10 — из помещения V-5, пол 1; 11 — из помещения II-2, пол 1; 12 — из раскопа западной крепостной стены, из ямы, врубленной во вторую стену; 13 — из помещения V-1, пол 2;

более небрежна, нежели в предшествовавших горизонтах: на многих видны следы затирания поверхности, грубые мазки ангоба, у дна — неровная подрезка ножом. В глину части сосудов, сделанных на кругу, добавлялись грубообразованные примеси — дресва, шамот. Продолжает существовать и красноангобированная посуда, однако ее становится гораздо меньше, всего лишь 15%, резко ухудшается качество ангоба, благодаря чему он приобретает буроватый оттенок. Некоторые старые формы красноангобированных сосудов еще бытуют, но огрубляются и видоизменяются. Появляются новые виды посуды. Резко увеличивается процент лепной керамики: в 10 раз сравнительно с ее числом в горизонте I и в 3 раза — в горизонте II. Сейчас она составляет 30% от общего количества керамики из верхнего горизонта.

Весь комплекс описываемой керамики представлен примерно 400 сосудами. Это преимущественно их фрагменты, однако число целых сосудов много больше, чем в двух предшествовавших горизонтах.

Керамика, изготовленная на круге. Количество категорий гончарной посуды стало заметно меньше. К ней относятся хумы, один из типов хумчей, горшки, кувшины, отдельные типы мисок.

Хумы. По-прежнему изготавливались хумы типа 2 с прямотоющим или в виде раструба горлом без венчика, по размерам и технологическим признакам существенно не изменившиеся. Однако они были характерны для нижних слоев горизонта III (см. рис. 47, 61). В верхних его слоях появляется новый тип хумов, представлявших собой, видимо, кувшинообразные крупные сосуды почти без шейки, с утолщенной, украшенной пальцевыми вда-

влениями закраиной (см. рис. 47, 12). Диаметр устья 26—27 см, плечиков — около 40 см, толщина стенки 1,5 см. Покрыты мутным желтовато-зеленоватым ангобом. В качестве примеси в глине — дресва, известь и шамот.

Хумчи. Целых экземпляров нет, и форма тулова полностью неясна. Скорее всего, они представляли собой промежуточную форму между хумами типа 2 и шаровидными горшками с отверстиями, оформленными налепами на плечиках. Тулово украшено прочерченным ангобообразным орнаментом. Ангоб светлый, мутный. В глине — известь, дресва (рис. 45, 14).

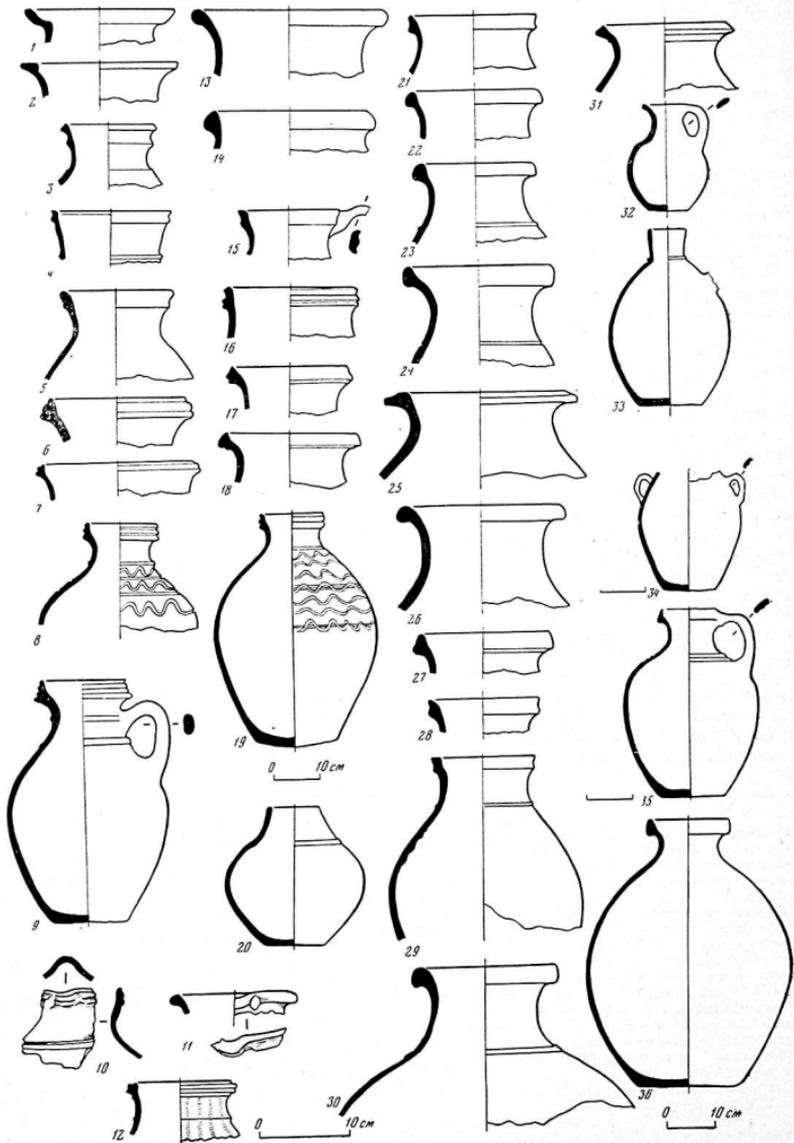
Горшки. Столовых горшков стало гораздо меньше, чем ранее, их всего 7% от общего числа посуды. В рассматриваемый период они лепились главным образом от руки. Единичными экземплярами представлены теперь шаровидные горки типа 1 и 2, форма и размеры их остались стабильными, однако они также претерпели заметные изменения в оформлении. Преобладает тусклый буроватый и грязно-желтоватый ангоб (рис. 45, 3).

Горшок с высоким горлом (тип 2) отличается от более ранних изгибом горла, опоясанного у основания рельефным валком. На выпуклых плечиках налепы и ручки (рис. 45, 15).
3. Получили большее распространение горшки с изогнутым горлом без венчика или с утолщенным краем, мягко переходившим к плечикам. У основания горла рельефный пояс. Скорее всего, эта форма представляет собой дальнейшее развитие горшков типа 4 из горизонта II (рис. 45, 17, 19, 20, 21).

4. Интересной, до сих пор также не зафиксированной в публикациях, посвященных керамике домусульманского Хорезма, является и другая форма сосудов — кухонные котлы, изготовленные на кругу или подставке. Они сохранились фрагментарно, но можно предположить, что частью этих котлов являются кольцевидные поддоны, встречавшиеся при раскопах многих поселений. Их объединяет общая для них особенность — добавление слюды в глину, из которой они изготовлялись. Вместе с тем не исключено, что существовали и переносные очажки-жаровни на таких поддонах, так как некоторые из них сильно закруглены и пережжены с внутренней стороны. У котлов широко открытое устье, диаметр (23—25 см) которого превышает диаметр дна (15 см), выпуклые плечи и заметно сужающееся книзу тулово. Край сосуда немного отогнут и утолщен (рис. 45, 1, 2, 16, 18), различаются разновидности по форме венчика (см. рис. 45, 1 и 16).

5. В конце рассматриваемого периода появляется новый тип горшков, широко встре-

14 — из помещения II-1, пол 2; 15 — из помещения V-1, пол 2;
16 — из помещения III-3, пол 2; 17 — из помещения III-1, пол 2;
18 — из помещения III-6, поверхность; 19 — из помещения I-3,
пол 4; 20 — из помещения III-1, пол 2; 21 — из помещения III-6,
поверхность; 22 — из раскопа у западной крепостной стены,
пол 2; 23 — из помещения VI-6, пол 2; 24 — из помещения VII-1,
пол 1; 25 — из помещения VI-12, пол 1; 26 — из помещения II-7,
пол 1; 27 — из помещения II-7, пол 1; 28 — из помещения I-3,
пол 4; 29 — из помещения II-7, пол 1; 30 — из помещения III-3,
пол 2; 31 — из помещения VI-1, завал; 32 — из помещения II-7,
пол 1; 33 — из помещения VI-9, пол 3; 34 — из квартала А,
раскол между зданием I и оградой; верхний уровень; 35 — из
помещения VI-2, пол 5; 36 — из помещения VI-1, пол 1; 37 — из
траншеи через улицу 2, верхний слой; 38 — из помещения V-6,
верхний слой; 39 — из раскопа у западной крепостной стены,
из ямы, врубленной во вторую стену; 40 — из помещения I-1,
пол 5; 41 — из траншеи через улицу 2, верхний слой; 42 —
улицы 1, поверхность; 43 — с улицы 1, поверхность 2; 44 —
с улицы 1, верхний слой; 45 — из помещения I-8, пол 3; 46 —
из раскопа у западной крепостной стены, завал над 1-м полом;
47 — у квартала А, раскол между зданием I и оградой

чающийся на раннеафригидских памятниках Беркут-калинского оазиса. Это почти шаровидный сосуд с плоским, украшенным рельефным валиком венчиком, лежащим прямо на плечиках, к которым прикреплены две петлевидные ручки. Покрит светлым мутным ангобом. Диаметр устья (12 см) немного превышает диаметр дна (10 см), высота 18 см (рис. 45, 4). Как нам кажется, данный сосуд стоит в одном типологическом ряду с шаровидными горшками типа 1, являясь результатом дальнейшей эволюции этой формы.

Кувшины. Удельный вес кувшинов в рассматриваемом комплексе — 36% от общего числа керамики, причем основную его часть составляют новые формы, еще только наметившиеся в последний период горизонта II, где они были представлены несколькими экземплярами или вовсе там отсутствовали. Продолжают, однако, существовать и некоторые старые типы, видоизменившиеся и в очень небольшом количестве. Так, в сильно трансформированном виде, возможно, доживают до этого времени кувшины типа 1. Хотя целых экземпляров нет и форма не восстанавливается, но по ряду признаков эти сосуды сильно отличались от более ранних. Они по-прежнему красноангобированы и изготовлены из глины без грубоазмоловых примесей, но отделека более небрежна, ангоб имеет бурый оттенок. Некоторые экземпляры очень крупных размеров с широким и низким горлом. Диаметр устья около 18 см, высота горла 5 см (рис. 46, 25). В других случаях закраина изогнута изнутри, образуя небольшой «кармашек» (рис. 46, 2), или уплощена, вытянута и сильно изогнута для упора крышки (рис. 46, 1). Кувшины с подтреугольным венчиком (типы 2 и 3) настолько видоизменяются, что по существу представляют теперь новую форму сосудов.

Рис. 46. Керамика из горизонта III

1 — из помещения V-5, пол 1; 2 — из помещения III-6, поверхность; 3 — из помещения V-1, пол 1; 4 — из помещения II-7, пол 1; 5 — из помещения VI-3, пол 3; 6 — из помещения I-3, пол 3; 7 — из помещения I-1, пол 3; 8 — из помещения I-3, пол 3; 9 — из помещения I-1, пол 3; 10 — из помещения III-4, пол 1; 11 — из помещения III-6, поверхность; 12 — из помещения I-3, пол 3; 13 — из помещения I-3, пол 4; 14 — из помещения II-2, пол 1; 15 — из помещения VI-1, пол 1; 16 — из помещения VI-1, из завала; 17 — из помещения VII-1, пол 1; 18 — из помещения VI-1, поверхность; 19 — из помещения III-1, пол 1; 20 — из помещения I-5, пол 4; 21 — из помещения III-6, поверхность; 22 — из помещения III-5, пол 3; 23 — из помещения V-2, пол 2; 24 — из помещения IV-3, верхний уровень; 25 — из раскопа у западной крепостной стены, верхний уровень; 26 — из помещения I-3, пол 6; 27 — из помещения VI-9, пол 2; 28 — из помещения III-1, пол 1; 29—30 — из помещения III-4, пол 2; 31 — из помещения V-7, пол 3; 32 — из помещения V-5, пол 1; 33 — из помещения I-4, пол 1; 34 — из помещения III-5, пол 1; 35 — из помещения II-5, яма из верхнего слоя; 36 — из помещения VII-1, пол 2

Маленькие кувшинчики без венчиков или со слабоотпущенной закраиной, сделанной из тонкоотмученного места, покрытые красным ангобом (тип 4), встречаются теперь редко. Один из них снабжен ручкой, прикрепленной к краю горла (рис. 46, 32). Совсем нет красноангобированных кувшинов с желобком для упора крышки на венчике (тип 5). Единичны эйнохос, отличающиеся от более ранних та-желовесностью и огрубением формы (тип 6). Вместо красного ангоба они покрывались светлым. В самом конце рассматриваемого периода появились кувшины данного типа с венчиком в форме валика. Носик выделен сжатием пальцами (рис. 46, 10, 11).

7. Существовали и двуручные кувшины, в частности разнообразия, характеризующаяся яйцевидной формой тулова и валиком вокруг края горла. Однако они также претерпели дальнейшую эволюцию, во всех деталях пока еще не ясную, поскольку делником форма не восстанавливается (рис. 46, 34; рис. 45, 6—13).

Однако почти 35% этой категории керамики из рассматриваемого горизонта составляют крупные безручные светлоангобированные кувшины с яйцевидным туловом и округлым, рифленным и подтреугольным в сечении венчиком.

8. Как указано выше, кувшины с округлым венчиком уже появились в небольшом числе в слоях горизонта II. Однако форма их не восстанавливается. Теперь они представлены более полно, составляя 33% от числа всех кувшинов. Крупные кувшины имели очень широкое призматическое тулово, наибольший диаметр которого лежит на его середине и равен 45 см; высота 55 см, диаметр устья 18 см, дна — 22 см (рис. 46, 36). Различаются варианты в зависимости от высоты горла (от 5 до 10 см) и степени его изогнутости. Во многих случаях оно имело вид небольшого раструба (рис. 46, 13, 22, 24, 26).

Шейку некоторых экземпляров обгибает слабо выраженный валик (рис. 46, 23, 24, 30). Интересны кувшины с желобком по краю массивного округлого венчика, как бы воспроизводившим небольшой уступ, возрождая древнюю форму, известную в Хорезме еще с последних веков до н. э. (рис. 46, 17, 18, 27).

В глину при изготовлении кувшинов описанного типа добавлялись мелкая древесина и гипс, оставивший после обжига поры. Сосуды покрывались светлым ангобом. На кувшинах с самых верхних полов он приобретает зеленоватый оттенок. Черепок в изломе имеет си-реневый оттенок.

9. Большой интерес представляют кувшины с рифлеными венчиками, так как некоторые их виды, будучи единичными в слоях го-

ризонта II (притом в самых верхних), теперь становятся очень характерными для керамического комплекса из верхнего горизонта городища (рис. 46, 6—9, 19). Крупные кувшины с профилированным венчиком достигали полуторной высоты, тулово имело яйцевидную форму, его наибольший диаметр 36 см; диаметр дна 18 см, устья 14 см (рис. 46, 19).

Иначе выглядели небольшие кувшины с профилированным венчиком: у них были выпуклые плечики, небольшое дно, диаметр которого меньше диаметра устья, с одной плоской в сечении пластинчатой ручкой, прикреплявшейся одним концом к краю горла, другим — к плечикам. Высота сосуда 25 см, диаметр дна 8 см, устья — 9 см; наибольший диаметр тулова — 17 см — лежит в его верхней трети (рис. 46, 9). Сосуд покрыт красным ангобом в отличие от крупных светлоангобирванных. Эти последние зачастую орнаментировались прочерченными волнообразными полосами, иногда четко расположенными по зонам, ограниченным циркульными линиями (рис. 46, 8). В других случаях волнообразный орнамент накладывался на эти линии. Украшалась верхняя часть тулова сосуда, отделенная от шейки слаборельефным пояском. Фрагменты стенок крупных сосудов, видимо, кувшинов, украшенных подобным орнаментом, найдены и в слоях горизонта II, но там они единичны, красноангобирваны или без ангоба. К числу редко встречающихся форм в слоях I—IV вв. Кой-Крылган-калы отнесены фрагменты крупных сосудов, видимо, кувшинов, покрытые волнообразным прочерченным орнаментом. Есть подобные фрагменты и среди подъемного материала из других античных памятников Хорезма (например, Акча-Гелина), но дата их и степень распространения пока не установлены. Следует лишь отметить, что по технологическим признакам все они отличаются от топрак-калиских (красноангобирваны, черепок в изломе красный). За пределами Хорезма волнообразный прочерченный орнамент встречается, как отмечалось в литературе, уже на керамике греко-бактрийского времени, но более распространяясь в эпоху Кушан⁸⁷. Его можно увидеть на кувшинах и хумчах из Дильберджиана (первые века н. э.)⁸⁸, на горшках того же времени из Критаба⁸⁹, на кувшинах и горшках из погребений Таласской долины⁹⁰, Кенкольского могильника⁹¹, погребений и поселений Ташкентского оазиса и прочих памятников Средней Сырдарьи и прилегающих с востока областей. Здесь, как полагает Л. М. Левина, этот прием орнаментации был широко распространен в первой половине I тысячелетия н. э.⁹² Однако пока не проведено специальное исследование,

которое суммировало бы все эти материалы, степень распространения в той или иной области данного способа орнаментации и его хронологические рамки не ясны. К топрак-калиским сосудам ближе всего кувшин из погребения IV—V вв. н. э. близ с. Олдохватое⁹³. Судя по хорезмийским материалам, орнаментация сосудов подобным способом была в целом не характерна для этого района в античный период и получила большее распространение в более позднюю эпоху, начиная с периода, стратиграфически выраженного горизонтом III Топрак-калы. Как кажется, прочерченный зигзагообразный орнамент и в районах Средней Сырдарьи, и восточнее тоже чаще применялся для украшения керамики во II—IV вв. или в III—V вв. н. э.

10. Кувшины с подтреугольным венчиком составляли большую группу в керамическом комплексе этого времени (43% всех кувшинов). Варианты подтреугольных венчиков многочисленны. Они существенно отличаются от ранее известных массивностью, крутым изгибом венчика, и поэтому сами могут служить датировющим признаком (почему и выделены в новые типы). Получают большое распространение кувшины с подтреугольными венчиками с легким вдавлением-ложбинкой посредине, тоже отличные от известных ранее (рис. 46, 21, 28). Имеющийся в коллекции почти целый кувшин с подобным венчиком представляет собой сосуд с широким и низким горлом, плавным переходящим в покатые плечики. Основная горла обгобает слаборельефный валик. Тулово, видимо, приземистое. Диаметр устья 10 см, высота горла 5 см, наибольший диаметр тулова 30 см (рис. 46, 29). Существовали и одноручные кувшины данного типа (рис. 46, 15).

11. Форма светлоангобирванных кувшинов с очень уплощенным венчиком и горлом в виде раструба (рис. 46, 4—5) не восстанавливается, но, видимо, продолжает более раннюю традицию (см. рис. 43, 21).

12. В конце рассматриваемого периода появляются одноручные кувшины, уже очень близкие к характерным для эпохи Афригидов в Хорезме (VII—VIII вв.). У этих сосудов хорошо выделенное горло, выпуклые плечики (наибольший диаметр тулова лежит в его верхней трети), уплощенный венчик. Плоская в сечении ручка с тремя бороздками на поверхности крепилась одним концом к краю горла, другим — к плечикам, которые опоясывают три прочерченными линиями. Высота такого сосуда 39 см, наибольший диаметр тулова (30 см) — в верхней его трети, диаметр горла 12 см, дна 15 см, высота горла 7 см. Черепок в изломе красно-сиреневый, в глину при изготовлении

добавлялись мелкие комочки гипса (рис. 46, 35).

13. К новым видам сосудов, сохранившимся, к сожалению, фрагментарно (только горловины), принадлежат и кувшины с подчетырехугольным в сечении венчиком, сильно профилированным снаружи и с внутренней стороны желобками. Горло опоясывали одна или несколько рельефных полосок (рис. 46, 12). Диаметр устья 11—14 см, высота горла 6—7 см. Кувшины покрыты буро-красным ангобом и окрашены полосатым лощением.

14. Очень индивидуальна форма кувшина с выступающим острым ребром венчиком и таким же остросеребрятым рельефным пояском под ним на горле. У основания горла легкий уступ. Кувшин был покрыт буро-красным ангобом. Диаметр устья 10 см, высота горла 6 см (рис. 46, 3). Вариантом данного типа сосудов является кувшин с рифленным валиком вокруг горла (рис. 46, 16).

Чашы, миски. Количество мисок и чаш заметно уменьшилось (5,6%). Чашы к этому времени, видимо, совсем вышли из употребления. Реконструируется всего лишь одна чаша цилиндрико-конической формы, ранее в материалах из городища не встречавшаяся. Покрыта красным ангобом. Диаметр по краю 12 см, глубина — 6 см. Перехват стенки подчеркнут выпуклым ребром (рис. 45, 22).

Пережиточно существовавшей в слоях верхнего горизонта формой были кубки. Найдены обломки двух сосудов этого типа. Первый воспроизводит хорошо известные древние образцы, но является их грубым подражанием. Сделан небрежно, на поверхности сосуда грубые мазки глины, наращивавшие объем кубка у основания стенок. Сосуд не ангобирован, изготовлен из плохо отгумченной глины (рис. 45, 24). Второй кубок — на низкой полой ножке — также представлен в античных слоях многих среднеазиатских памятников⁹⁴ (рис. 45, 25).

Миски воспроизводят главным образом старые образцы, но они стали более грубыми и толстенными.

1. Наиболее употребительными по-прежнему были миски полусферической формы. Диаметр по краю 18—22 см, толщина стенки 0,8 см. Покрывались с обеих сторон мутным красным ангобом. Встречаются миски глубиной 5—6 см и более крупные, глубина которых равнялась 10 см (рис. 45, 26, 27, 29, 30, 36, 33, 39). Попадались и миски с загнутым внутрь краем. Вид и размеры их существенно не изменились (рис. 45, 40).

2. Значительно уменьшилось количество низких мисок с прямоотставленным бортиком. Теперь они преимущественно светлоангобро-

ваны, а в глину добавлялись дресва и гипс (рис. 45, 28).

3. Закрапка конических мисок теперь, как правило, утолщена, иногда снабжена массивным бортиком, имеющим Т-образную форму. Диаметр по краю 20 см. Ангоб светлый (рис. 45, 35, 37, 41).

4. Результатом дальнейшей эволюции более ранних мисок (тип 4 из горизонта II) является неглубокий сосуд с отогнутым утолщенным краем и округлым корпусом. Диаметр устья 18 см (рис. 45, 42).

5. Единичен фрагмент сосуда (миски?) на трех ножках. Дно округлое, переход к стенкам подчеркнут сглаженным уступом (рис. 45, 23).

6. Выделяется новый тип мисок — широких и мелких, светлоангобированных с Т-образной закрапкой, иногда профилированной узким желобком или украшенной прочерченной орнаментом. Диаметр по краю 24—26 см, крупных до 30 см (рис. 45, 31, 32, 43—45).

Тарелки в нашей коллекции из данного горизонта отсутствуют. Единичен экземпляр очень толстостенного блюда с приподнятым утолщенным краем, представляющий упрощенный вариант этой категории гончарных изделий предшествовавших периодов. Диаметр по краю 50 см, толщина стенки 2 см (рис. 45, 46).

Тагара. Гончарные тагара представлены близкими вариантами одного типа. Это сосуды округлой формы, край утолщен, к резервуару прикреплялись две ручки в виде отростков с грибовидным завершением. Диаметр по краю 60 см, глубина 17 см, толщина стенки около 2 см.

Форма другой тагара приближается к конической. На стенках видны следы крепления двух спаренных ручек. В глине — дресва и шмот. Диаметр по краю 50 см, глубина 27 см. Оба сосуда покрыты мутным светлым ангобом (рис. 45, 34, 47).

Редкой находкой в слоях городища являются *курильницы*. Поскольку в более ранних слоях их не было, нет и посредствующих звеньев в эволюции этой формы, но она отличается от тех курильниц, которые происходят из близких по времени среднего и верхнего горизонтов Кой-Крылгап-калы (I—IV вв.)⁹⁵, проявляя больше сходства с более ранними кой-кыргызскими курильницами⁹⁶, хотя и не будучи аналогичной им. Тонпак-калинская курильница увенчана массивным профилированным венчиком и имеет почти цилиндрическую форму. Толстостенна, светлоангобирована, черепок в изломе песочного цвета (рис. 45, 5).

Лепная керамика. Число лепной керамики, как уже говорилось, заметно увеличилось, она составляет теперь около 30% от об-

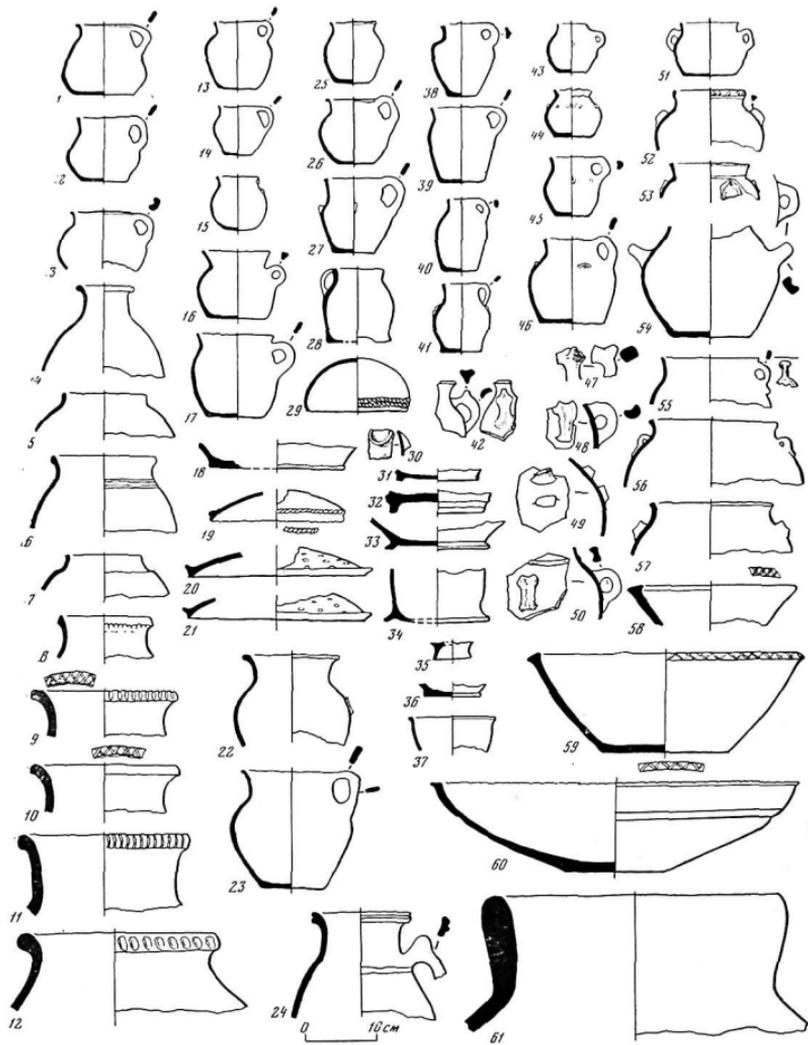

Рис. 47. Керамика из горизонта III

1—3 — из помещения IV-2, яма из верхнего слоя; 4 — из помещения V-1, пол 3; 5—6 — из помещения VI-1, пол 1; 7 — из помещения V-7, пол 3; 8 — из помещения III-9, пол 1; 9 — из раскопа у западной крепостной стены, пол 1; 10 — из раскопа

у западной крепостной стены, поверхность; 11 — из раскопа у западной крепостной стены, пол 1; 12 — из помещения III-1, пол 2; 13 — из помещения VI-5, пол 2; 14 — из помещения II-7, пол 1; 15 — из помещения IV-5, яма из верхнего слоя; 16 — из помещения II-6, пол 3; 17 — из помещения II-6, пол 2; 18 — из помещения II-4, пол 3; 19 — из помещения VI-12, верх-

щего количества посуды. От руки изготавливались хумчи, горшки, котлы, кувшинки, крупные миски, тагара, светильники, подставки под котлы.

Форма хумчей полностью не восстанавливается, но, по-видимому, это кувшиновидные сосуды с четко выделенным высоким горлом и выгнутыми плечиками. Край горла утолщен и орнаментирован вдавлениями боковой стороной пальца. Горизонтальная площадка венчика в некоторых случаях орнаментировалась насечками. В глину, из которой лепились сосуды, добавлялись известь и дресва. Диаметр устья 22—25 см, высота горла 12 см, толщина стенки 1,8—2 см (рис. 47, 9—11).

Половина всей посуды — горшки и котлы, безручье, одноручные и двуручные. Можно заметить при этом, что одноручные горшки преобладают над самыми верхними полами помещений. Видимо, они сменяют двуручные, которые хронологически ближе гончарным горшкам с двумя ручками из предшествовавшего горизонта, форму которых они в основном и воспроизводят. Однако в основной толще наслоений верхнего горизонта все три вида сосуществуют.

У двуручных горшков низкая, мягко изогнутая шейка, округлое тулово, суживающееся к низу. Маленькие петлевидные ручки прикреплены к плечикам, причем иногда поперечно.

Высота мелких горшков 8—9 см, диаметр устья часто равен высоте, диаметр дна (иногда меньший, чем устья) 7—11 см, диаметр тулова 10,4—19,2 см (рис. 47, 51—54).

Среди котлов, к сожалению, нет ни одного целого. Они гораздо крупнее горшков: диа-

метр устья 17—19,2 см, тулова 23—24,8 см (рис. 47, 56—57).

Форма одноручных горшков разнообразнее; среди них имеются очень открытые, диаметр устья которых превышает диаметр дна (рис. 47, 17), и более закрытые; с округлым, суживающимся к низу и более вытянутым туловом, с выгнутыми плечиками, а также приземистые, с почти грушевидной формы туловом (рис. 47, 1—3, 13—17, 26—28, 38—41, 43—46, 55).

Ручка обычно прикрепляется одним концом к самому краю горла, но иногда и чуть отступая от него (рис. 47, 16—17). Сечения ручек разнообразны: плоские подчетырехугольные, более массивные, с прогнутой посредине верхней плоскостью, рифленые двумя желобками. Некоторые ручки с выступом в верхней части представляют собой схематизацию зооморфных ручек (рис. 47, 42, 47). Мелкие экземпляры данных сосудов, по-видимому, скорее следует относить к категории кружек (рис. 47, 1—3). Тулова многих горшков украшены налепами, обычно четырехъяры, расположенными попарно в виде конусовидных шишечек или удлиненных выступов. В некоторых случаях отрошковидные налепы помещались у основания ручки. Диаметр устья мелких горшочков или кружек 9,2—12 см, дна 8—9 см, тулова 11—12 см, высота 9,6—12 см. Размеры более крупных одноручных горшков: высота 17 см, диаметр устья 12 см, дна 8,8 см, тулова 17 см. Таким образом, диаметр тулова и высота сосудов иногда одинаковы. Безручных горшков немного, и они воспроизводят форму гончарных сосудов (рис. 47, 5—7).

Найдены лепные орнаментированные, почти полусферические или несколько уплощенные крышки, судя по их диаметру — для крупных горшков (рис. 47, 19—21, 29). Орнамент в виде круглых вдавлений располагался по радиусам от центра крышки, закраина которой отвернута. В других случаях край крышки обвивал глиняный жгутик или же украшалось несколько рядов пальцевых вдавлений. Близкие по орнаментации, но другой формы лепные крышки найдены в одном из погребений Джеты-асарского урочища, относимом к I—IV вв. н. э.⁹⁷

Есть крышки со сходным кружковым, радиально расположенным орнаментом, в великокушанском комплексе из Дальверзин-тепе⁹⁸. Лепных кувшинков мало. Как правило, это те же сосуды с округлым и подтреугольным округленным венчиком, что и наиболее характерные для этого горизонта гончарные. Под венчиком и на горле — вмятины от лепки вручную, черепок пористый, ангоб мутный зеленовато-желтый (рис. 47, 4, 8).

ний слой; 20 — из помещения V-1, пол 2; 21 — с улицы 1, из ямы в верхнем слое; 22—23 — из помещения IV-2, яма из верхнего слоя; 24 — из помещения III-1, пол 2; 25 — из раскопа у западной крепостной стены, пол 1; 26—27 — из помещений IV-1, яма в верхнем полу; 28 — из помещения IV-2, пол 3; 29 — из помещения I-56, яма в полу 5; 30 — из помещения I-8, пол 2; 31 — из помещения V-4, пол 2; 32 — из помещения II-1, пол 6; 33 — из помещения I-3, пол 1; 34 — из квартала А, здание I, помещение 2, из рыхлого слоя над горелым жезтым слоем; 35 — из помещения III-8, пол 1; 36 — из помещения III-8, пол 2; 37 — из помещения II-5, пол 1; 38 — из помещения I-3, пол 3; 39 — из помещения II-6, пол 2; 40 — из помещения IV-1, пол 3; 41 — из помещения II-6, пол 2; 42 — из помещения I-56, пол 6; 43 — из помещения V-1, пол 3; 44—45 — из помещения I-3, пол 3; 46 — из помещения IV-1, яма из верхнего урвни; 47 — из помещения VI-12, верхний слой; 48 — из помещения II-7, яма в верхнем урвни; 49 — из помещения VI-1, пол 3; 50 — из помещения I-5а, пол 2; 51 — из помещения II-6, пол 2; 52 — из помещения V-7, пол 1; 53 — из помещения V-2, пол 1; 54 — из помещения IV-2, яма из верхнего урвни; 55 — из помещения III-6, поверхность; 56 — из помещения I-5, пол 2; 57 — из помещения III-5, пол 2; 58 — из помещения V-6, пол 2; 59 — из помещения V-2, пол 2; 60 — из помещения V-7, пол 4, яма от хума; 61 — из помещения I-5, пол 6

Рис. 48. Керамические очажные подставки

1 — из помещения VI-2, пол 5; 2 — из помещения V-1, пол 1; 3 — из раскопа у западной крепостной стены, пол 8; 4 — из помещения III-7, пол 4; 5 — из помещения V-4, пол 5; 6 — из помещения III-7, пол 4; 7 — из помещения V-1, пол 1; 8 — из помещения V-1, пол 4; 9 — из помещения I-56, ниже пола 11

Отметим особо кувшины с очень покатыми плечиками, к которым прикреплена схематизированно-зооморфная ручка. Венчик с желобком посредине (рис. 47, 24).

Миски воспроизводят гончарные образцы более ранних конических мисок, но горизонтальная плоскость закраины украшалась насечками (рис. 47, 58). Чаш, за исключением одной с выступающим горизонтальным бортиком, нет (рис. 47, 37).

Тагара лепилась из глины с большой примесью дресвы, шамота и гипса. Поверхность сосудов неровна, пориста и шероховата. Край часто отогнут, косо срезают, образуя скошенную внутрь или наружу площадочку, во многих случаях украшенную насечками. Диаметр по краю мелких тагара 22—25 см, крупных

32—35 см, высота 10—15 см, диаметр дна крупных сосудов 23—25 см, меньших 13—14, толщина стенки 1—1,5 см. Тагара иногда покрывались зеленовато-желтоватым ангобом (рис. 47, 59—60).

Большую группу керамических изделий представляют светильники и подставки под котлы.

Светильники, широко распространенные именно в данном горизонте, имели сплошное овальное или округлое основание довольно высокой ножки, заканчивавшейся округлым резервуаром с просто обрезанным краем. Подобные светильники найдены на памятниках Джеты-асарского урочища в слоях от I в. до н. э. до эпохи раннего средневековья⁹⁹, на Куюк-кале (VI—VIII вв.)¹⁰⁰, Ак-тобе 1¹⁰¹ и т. п. (см. рис. 61).

Подставки под котлы или для вертелов (рис. 48, 1, 2, 6) являются одним из наиболее выразительных атрибутов культуры населения городища в последний период его существования. Следует подчеркнуть, что такой формы подставок совсем нет в слоях античных памят-

ников Хорезма. Это массивные изделия на тяжелом округлом основании, увенчанные своеобразными «рыбим хвостом», в который превратились благодаря сильной схематизации смотрящие в разные стороны головки животных (рис. 48, 6). Отдельные подставки этой формы встречаются и в верхних слоях горизонта II (рис. 48, 7).

Упомянем в завершение описания керамики из горизонта III городища находку массивного керамического изделия в виде фрагментированного массивного плоского круга с конусоидальной чашей в середине, которое мы склонны рассматривать как достархан (см. рис. 45, 3³), наподобие происходящих из Чуйской долины и относимых к карлукскому периоду¹⁰². В отличие от этих последних наш достархан не орнаментирован. Он найден в разрушенных поверхностных слоях помещения VI—I и, возможно, относится к более позднему несохранившемуся слою.

Многие типы керамики из описанного комплекса, происходящего из горизонта III, не являются новостью, будучи известными ранее благодаря сборам на поверхности многих городищ и поселений Хорезма¹⁰³. Установленная ранее датировка их IV—VI вв. н. э. теперь получает новое обоснование. Для определения хронологических границ керамики из горизонта III решающим являются следующие моменты: 1. Находки в верхних слоях городища совместно с данной керамикой монет БВ/1 и Б², которые могли иметь хождение в период позднее середины V в. н. э.; 2. Наличие в датированных кушано-сасанидскими и сасанидскими монетами керамических комплексах из Одей-десе сосудов, очень близких, если не тождественных, хорезмийским (тагара, хумчи, несколько типов кувшинов)¹⁰⁴; 3. Появление в горизонте III городища многочисленной лентной посуды, особенно одноручных кружек и горшков, а также других форм керамики, уже близких к характерным для VII—VIII вв. в Хорезме. Эти обстоятельства, как нам кажется, и ограничивают датировку описанной выше посуды V—VI вв. н. э. (может быть, началом VI в.). Керамику VII—VIII вв., также найденную на городище, мы не сочли целесообразным описывать, так как она не вносит в ее характеристику ничего существенного, представляя несколько хорошо известных типов хумчей и водоносных кувшинов.

¹ Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода. — ТХЗ, 1959, т. IV, с. 93, рис. 32, 23.

² Ghirshman R. Begram, Cairo, 1948, pl. LIV, 34.

³ Пузаченкова Г. А. Халчаян. Ташкент: Изд-во ФАН, 1966.

⁴ Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). М.: Наука, 1976, с. 34, рис. 14, 9.

⁵ Согласно любезному сообщению Т. В. Радиной, изучавшей керамику из Джанбаб-калы.

⁶ Gardin J. C. Ceramiques de Bactres. Paris, 1957, pl. III, 12b, 15b.

⁷ Пузаченкова Г. А. Халчаян, рис. 40.

⁸ Некрасова Е. Г. Древняя керамика Шерабадского оазиса. — В кн.: Бактрийские древности. Л.: Наука, 1976, рис. 2, 29.

⁹ Пилипко В. Н. Исследование античных памятников в Северной Парфии в 1970 г. — В кн.: Каракумские древности. Ашхабад: Изд-во БЛМ, 1972, IV, с. 82, рис. 4, 17, 22, 24.

¹⁰ Ghirshman R. Begram, Cairo, 1948, pl. XLII, 31.

¹¹ Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма. IV в. до н. э.—IV в. н. э.—ТХЗ, 1967, т. V, табл. VIII, 11.

¹² Некрасова Е. Г. Древняя керамика Шерабадского оазиса, с. 78; рис. 2, 21.

¹³ Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода, рис. 3, 21, 17, 18; рис. 35, 15; Кой-Крылган-кала..., табл. VIII, 28, 29; табл. X, 76, 82.

¹⁴ Колодаская В. А., Некрасова Е. Г. Стратиграфический шурф на цитадели древнего Термеза. — В кн.: Бактрийские древности. Л.: Наука, 1976, рис. 4, 31.

¹⁵ Вязьмитина М. И. Керамика Айртама времени Кушанов. — Труды АН УзССР, сер. 1. История, археология: Термезская археологическая экспедиция, Ташкент, 1945, т. II, табл. IV, 22.

¹⁶ Пузаченкова Г. А. Халчаян, рис. 61.

¹⁷ Ghirshman R. Begram, pl. XLII, 48, 24; pl. XLIII, 50.

¹⁸ Некрасова Е. Г. Древняя керамика Шерабадского оазиса, рис. 2, 25.

¹⁹ Крулякова И. Т. Дильберджин. М.: Наука, 1977, рис. 24, 3.

²⁰ Пилипко В. Н. Исследование античных памятников в Северной Парфии в 1970 г. — В кн.: Каракумские древности. Ашхабад: Изд-во БЛМ, 1972, IV, с. 82, рис. 4, 16.

²¹ Пилипко В. Н. Раскопки парфянского поселения в местности Гарры-Кларз (Парфияна). — В кн.: Каракумские древности. Ашхабад: Изд-во БЛМ, 1970, III, с. 83, рис. 28, 20.

²² Древний Ташкент. Ташкент: Изд-во ФАН, 1973, с. 132, рис. 36.

²³ Кой-Крылган-кала..., табл. IX, 11, 12, 13, 26.

²⁴ Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода, т. IV, рис. 32, 13.

²⁵ Фонды Хорезмской экспедиции.

²⁶ Фонды Хорезмской экспедиции.

²⁷ Кой-Крылган-кала..., табл. II, 42—49; табл. IX, 16.

²⁸ Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода, рис. 32, 5, 7.

²⁹ Фонды Хорезмской экспедиции.

³⁰ Вязьмитина М. И. Керамика Айртама времени Кушанов, табл. IV, 10.

³¹ Gardin J. C. Ceramiques de Bactres, pl. III, 10a.

³² Пузаченкова Г. А. Халчаян, рис. 20.

³³ Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода, рис. 32, 4.

³⁴ Пузаченкова Г. А. Халчаян, с. 93, рис. 60; с. 94, рис. 61.

³⁵ Некрасова Е. Г. Древняя керамика Шерабадского оазиса, рис. 3, 53.

³⁶ Вязьмитина М. И. Керамика Айртама времени Кушанов, табл. IV, 10.

³⁷ Кабанов С. К. Стратиграфический шурф в северной части городища Афрасиаб. — В кн.: Афрасиаб. Ташкент: Изд-во ФАН, 1960, рис. 14.

³⁸ Кой-Крылган-кала..., табл. IX, 9, 10, 25.

- 39 Кой-Крылган-кала..., табл. III, 36—38, 73; Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода, т. IV, рис. 34, 2—4; рис. 37, 4—6.
- 40 Неразик Е. Е. Археологическое обследование городища Кунуй-Уаз в 1952 г. — ТХЭ, 1958, т. II, с. 391, рис. 12.
- 41 Смирнов Я. И. Восточное серебро: Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб., 1909, табл. XVII, 40; табл. XLV, 78; табл. XLI, 79; табл. XLVI, 80.
- 42 Дальверзинте. Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Изд-во ФАН, 1978, с. 13, рис. 6.
- 43 Кой-Крылган-кала..., табл. IX, 81.
- 44 Лидеве Ш. Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент: Изд-во ФАН, 1978, табл. II, 27—34.
- 45 Там же, табл. VI, 7—8.
- 46 Там же, табл. VI, 12—15.
- 47 Marshall J. Taxila. Cambridge, 1954, p. 428; pl. 126, 182; pl. 127, 206.
- 48 Кой-Крылган-кала..., с. 109—126; табл. X, 74—76, 114, 128—129.
- 49 Кой-Крылган-кала..., с. 126.
- 50 См.: Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.), с. 33, рис. 13, 4, 13—16; рис. 14, 5—7; с. 47, рис. 23, 3, 4, 17—18.
- 51 Фонды Хорезмской экспедиции.
- 52 См.: Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н. э. М.: Наука, 1974, с. 103, рис. 30.
- 53 Кругликова Т. И., Пузаченкова Г. А. Дильберджин. М.: Наука, 1977, ч. 2, рис. 20, 16.
- 54 Левина Л. М. Керамика..., рис. 39, 11.
- 55 Там же, рис. 29, 6.
- 56 Крашенинникова Н. И. Археологические наблюдения на Чаш-тепе. — Труды ТашГУ, 1960, вып. V, с. 156, рис. 5.
- 57 Кой-Крылган-кала..., табл. X, 44, 120.
- 58 Юсупов Х. Курганы Шасем-кыра. — В кн.: История и археология Средней Азии. Ашхабад: Изд-во БИлым, 1978, с. 137, рис. 1, 26, 27. Чрезвычайно интересными для датировки рассматриваемого типа горшков Топрак-калы являются сведения, полученные В. Н. Пилипко при исследовании городища Одей-депе в Чардыоуской обл. Керамика хорезмийского типа, в том числе и сходные с топрак-калыскими горшки, встречается там вместе с сасанидскими и сасанидо-кушанскими монетами в слоях IV—V вв. н. э. (см.: Пилипко В. Н. Древнее городище Одей-депе на среднем течении Амударьи. — В кн.: Каракумские древности. Ашхабад: Изд-во БИлым, 1979, VIII, рис. 10, 4, 9; с. 53).
- 59 Пузаченкова Г. А. Халчалян, с. 84, рис. 55.
- 60 Ghirshman R. Végam, pl. LIII, 29; pl. LIV, 66.
- 61 Шишкина Г. В. Керамика конца IV—II вв. до н. э. (Афрасиаб II). — В кн.: Афрасиаб. Ташкент: Изд-во ФАН, 1974, с. 35; с. 37; рис. 4, 1—2, 4.
- 62 Буряков Ю. Ф., Зильбер Д. Г. Археологические наблюдения в 1957 г. на городище Минг-Урюк в Ташкенте. — Труды ТашГУ, 1960, V, табл. 4.
- 63 Пузаченкова Г. А. Халчалян, с. 58, рис. 34.
- 64 Ghirshman R. Végam, pl. XLIII, 40, 44.
- 65 Кругликова И. Т., Пузаченкова Г. А. Дильберджин, рис. 97 и др.
- 66 Тургунов Б. А. Малоизвестные кушанские памятники Северной Бактрии — В кн.: Бактрийские древности. Л.: Наука, 1976, с. 106, рис. 2, 4; 3, 30—31 и др.
- 67 Левина Л. М. Керамика..., рис. 13, 49—50.
- 68 Ghirshman R. Végam, pl. XLIII, 39, 49.
- 69 Лидеве Ш. Р. Поселения..., с. 65—66, табл. XI.
- 70 Там же, с. 65.
- 71 Там же, с. 86.
- 72 Лидеве Ш. Р. Керамика из могильников Западной Ферганы. М.: Наука, 1973, с. 95—120.
- 73 Левина Л. М. Керамика..., с. 132—134, рис. 44, 93—94.
- 74 Там же, с. 137.
- 75 Лидеве Ш. Р. Керамика из могильников..., с. 108.
- 76 Кой-Крылган-кала..., с. 112; табл. V, 30.
- 77 Там же, с. 124—125.
- 78 Фонды Хорезмской экспедиции.
- 79 Кой-Крылган-кала..., табл. IX, 46.
- 80 Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.), с. 52, рис. 26, 4, 5, 8, 12, 14, 17—19, 20, 22.
- 81 Зеймал Т. П., Семенов В. А. Комплекс кушано-сасанидского времени в Южном Таджикистане. — В кн.: Всесоюзное научное совещание «Античная культура Средней Азии и Казахстана». Тезисы докладов. Ташкент: Изд-во ФАН, 1979, с. 120.
- 82 Левина Л. М. Керамика..., рис. 6, 22.
- 83 Там же, рис. 32, 72.
- 84 Там же, рис. 39, 11; рис. 44, 93.
- 85 Зильбер Д. Г., Буряков Ю. Ф. Археологические наблюдения в 1957 г. на городище Минг-Урюк в Ташкенте. — Труды ТашГУ, 1960, V, табл. 4.
- 86 Филюнович М. И. Раннесредневековые памятники на территории Ташкента. — В кн.: Древний Ташкент. Ташкент: Изд-во ФАН, 1973, рис. 35, 38.
- 87 Кругликова И. Т., Пузаченкова Г. А. Дильберджин, с. 34.
- 88 Там же, рис. 23.
- 89 Кабинов С. К. Керамический комплекс из наслоенных древнего городища в Китабе. — ИМКУ, 1962, вып. 3, рис. 5.
- 90 Кожомбердиев И. Катакомбные памятники Таласской долины. — В кн.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1963, рис. 8.
- 91 Археологические исследования на северных склонах Каратау. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1962, рис. 15.
- 92 Левина Л. М. Керамика..., с. 122.
- 93 Там же, рис. 55, 43.
- 94 Альбинов Л. И. Городище Дальверзинте. — ИМКУ, 1966, вып. 7, рис. 5.
- 95 Кой-Крылган-кала..., табл. IX, 40—41.
- 96 Там же, табл. III, 46—47.
- 97 Левина Л. М. Керамика и вопросы хронологии Джеты-асарской культуры. — В кн.: Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1966, рис. 25, 31—32, с. 85.
- 98 Дальверзинте, рис. 103, 31.
- 99 Левина Л. М. Керамика..., с. 16, 17, рис. 3, 197.
- 100 Там же, рис. 20, 80.
- 101 Там же, рис. 52, 35.
- 102 Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина» — МИА, 1950, вып. 14, с. 130—131, табл. XLII—XLIV.
- 103 См.: Неразик Е. Е. Керамика Хорезма афригидского периода. — ТХЭ, 1959, т. IV, с. 225—235.
- 104 Пилипко В. Н. Древнее городище Одей-депе на среднем течении Амударьи, с. 48, 53, рис. 10.

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ И БЫТА. УКРАШЕНИЯ

При раскопках на городище Топрак-кала, помимо керамики, было найдено много разнообразных вещей из различных материалов. Большинство из них служило жителям города в быту, часть, очевидно, являлась приношениями в городские храмы. Поэтому определить структуру данной главы было нелегко. Нам представляется, что наиболее целесообразна группировка предметов из жилого квартала по их назначению с описанием внутри групп в зависимости от материала. В то же время предметы из двух городских храмов (здания II и III в квартале А), видимо, необходимо представить отдельными комплексами. Из-за ограниченности объема публикации характеризовать их приходится очень сжато. Принадлежность находок к тому или иному горизонту оговаривается в тексте или может быть определена по указанию на место и уровень находки. Большинство найденных предметов относится к позднему этапу существования города, к горизонтам II и III. К тому же многие из этих предметов бытовали на протяжении длительного времени, поэтому их трудно отнести к какому-либо узкому хронологическому периоду.

Предметы из квартала Б. Предметы вооружения. Предметы вооружения представлены фрагментами накладок от сложносоставного лука и единственным наконечником стрелы.

Накладки на лук. Большинство фрагментов накладок происходит из напастований горизонта I. Они изготовлены из оленьего рога и, как правило, встречались вместе с отходами производства. Находки концентрировались в юго-восточном углу квартала Б — в слоях, подстилавших выходящие на улицу 2 помещения горизонта II V—4 и V—6, а также на прилегающих участках улицы 2 и центральной улицы.

В помещении V—4 на полу 5 с отметкой 148—150 см было четыре фрагмента концевых накладок с вырезом для натягивания тетивы (рис. 49, 2, 8, 7). На трех из них вырез обращен в одну и ту же сторону, на четвертом — в противоположную. Рядом с вырезами заметны следы от трения тетивы. На одном из двух обломков от средней части концевых накладок у излома видна часть наклонного среза ножом. Здесь же найдены обломки снятых с рога, но еще не обработанных пластин

(рис. 49, 18, 19) и три испорченных на разных стадиях обработки заготовок. Одной из них длиной 18,4 см только грубо придана форма, но она не выпрямлена, на поверхности видны следы работы ножом, широкий конец срезан прямо, узкий сломан (рис. 49, 11). На второй длиной 19,7 см, выпрямленной, но не отшлифованной, начали делать вырез не с внешней (вогнутой), а с внутренней (выпуклой) стороны, а затем срезали конец по линии нижнего края выреза (рис. 49, 14). У третьей, хотя и отшлифованной, широкий конец, по видимому, сломался, когда делали вырез, противоположный конец также сломан (рис. 49, 12).

В помещении V—6 на полу 4 с отметкой 177—199 см найдены два фрагмента концевых накладок: один с вырезом для тетивы, (рис. 49, 4), второй от средней части. В заполнении над полом 5 с отметкой 112—151 см было три фрагмента концевых накладок с вырезом для тетивы: на одном он обращен в ту же сторону, что и на предыдущем, на двух других в противоположную. На одном из них заметен след от тетивы (рис. 49, 3, 10). Здесь же найден обломок другого конца накладки — суживающегося, изогнутого и закругленного (рис. 49, 17). На полу 6 с отметкой 96—100 см были найдены фрагмент концевой накладки, на котором сохранилась нижняя часть выреза для тетивы (рис. 49, 13) и обработанная ножом пластинка рога, узкая посередине и расширяющаяся к прямо срезанным концам. Длина ее 14,4 см, ширина 1,1—1,9 см, высота в поперечном сечении 0,4 см. Не исключено, что это заготовка для одной из пластин рукояти лука (рис. 49, 23).

В восточной траншее, заложеной через улицу 2 у юго-восточного угла квартала Б, в слое, залегавшем на отметке 158—176 см, найдены два фрагмента концевых накладок с вырезом, причем на одном из них заметны следы от трения тетивы и как будто бы след ножа рядом с изломом (рис. 49, 1, 9). На третьем обломке сохранился нижний край выреза. На одном из четырех остальных обломков концевых накладок хорошо виден рядом с изломом наклонный срез ножом (рис. 49, 15). Здесь же были кусок снятой с рога пластинки и три обломка отростков рогов, на одном из которых заметны следы от срезания пластинок

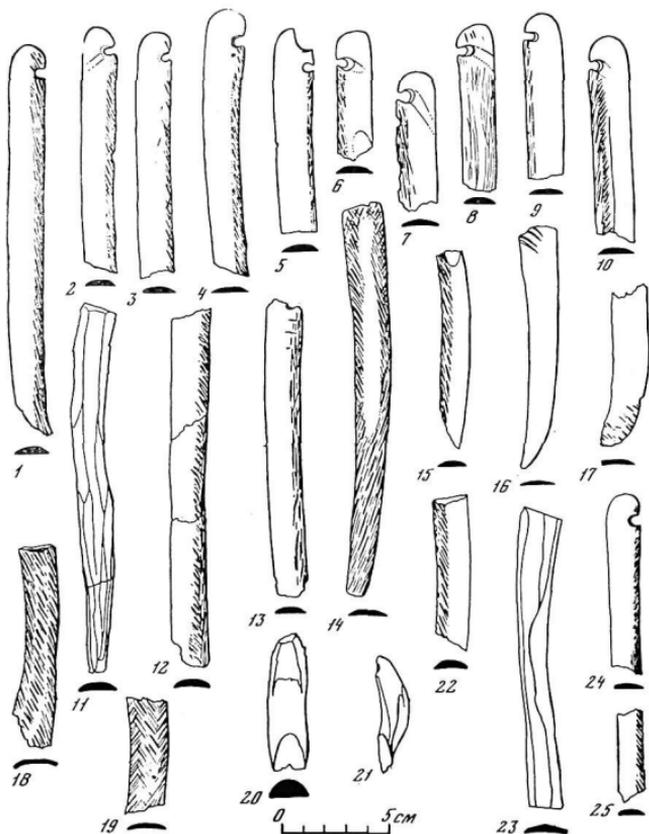

Рис. 49. Накладки для сложносоставного лука и отходы производства из горизонта I. Рог

(рис. 49, 20). В той же траншее в слое, залегавшем на отметке 172—212 см, найден обломок концевой накладки с двумя вырезами для тетивы, расположенными друг над другом, но от верхнего сохранился лишь нижний край (рис. 49, 5). Вместе с ним был обнаружен обломок нижней части другой накладки со сломанным кончиком. В том же слое в примыкавшей части продольной траншеи, заложённой вдоль южного фасада квартала Б, оказались нижний изогнутый и заостренный конец на-

кладки (рис. 49, 16), обломок нижнего конца другой накладки и обренок пластинки рога.

В шурфе, заложённом на центральной улице у того же юго-восточного угла квартала Б, в слое VII, залегавшем на отметке 152—160 см, найден обломок концевой накладки с вырезом и следом трения тетивы. Рядом с изломом на нем заметен наклонный срез ножом (рис. 49, 6). Здесь же были обломок узкого конца незаконченной накладки и кончик отрезка рога со следами от срезания пластин с двух сторон (рис. 49, 21).

Судя по составу и условиям залегания находок, мы имеем дело с выбросом из ремеслен-

ной мастерской, располагавшейся где-то в глубине юго-восточной части квартала, где изготовляли и ремонтировали луки. Среди отходов производства — обрести отрезков рогов и снятых с них пластин, бракованные изделия и испорченные заготовки, обломки накладок со следами вторичной обработки. Несмотря на то что вырезы для тетивы у ряда фрагментов, найденных совместно, обращены в противоположные стороны, среди них нет явно принадлежавших парным накладкам. На некоторых обломках законченных накладок, уже бывших в употреблении, на что указывают следы трения тетивы у выреза, видны срезы, сделанные наклонно или прямо ножом. Видимо, накладки были сняты с луков при замене сломавшихся новыми, и часть их использовалась вторично либо в надставленном виде, либо для изготовления каких-то более мелких, дополнительных.

Фрагменты аналогичных накладок встречаются при раскопках еще дважды. Фрагмент средней части концевой накладки, подтреугольной в поперечном сечении, найден в помещении I—56 у южной стены в заполнении над полом 11 с отметкой 216 см (рис. 49, 22). Три фрагмента более миниатюрной, чем обычно, накладки были найдены в квартале А в раскопе у юго-западного угла здания II, в шурфе за западной стеной. Ширина ее 1,2 см, высота поперечного сечения 0,3 см, высота выреза для тетивы 0,3 см, глубина 0,4 см (рис. 49, 24—25).

Среди имеющихся фрагментов определяют только принадлежавшие концевым накладкам. Все они были изготовлены из пластинок, срезавшихся с отростков рогов оленя, скорее всего бухарского. Целых экземпляров не подобралось, и полная длина накладок не устанавливается. Длина наибольшего фрагмента 19,4 см. Однако мы знаем, что совершенно такие же концевые накладки имели сложноставные луки, остатки которых были найдены еще в 1948 г. в топрак-калинском дворе¹. Там длина их достигала 26—32 см. Максимальная ширина накладок у выреза для натягивания тетивы от 1,5 до 1,8 см, чаще всего 1,6 см. Поперечное сечение плосковыпуклое, сегментовидное, реже внешняя сторона срезана под углом, и тогда сечение приобретает подтреугольные очертания. Высота сечения 0,3—0,4 см. Широкий конец накладок плавно закруглен. К противоположному, изогнутому концу ширина убывает, а самый кончик — закругленный или заостренный (рис. 49, 16, 17). Общую кривизну накладок у имеющихся обломков установить трудно. Вырезы для натягивания тетивы небольшие, очень правильные, полукруглой формы, высота и глубина их от 0,3 до 0,6 см, расположение по отно-

шению к закругленному концу накладки почти всегда одинаково. Лицевая поверхность большинства накладок и края вырезом тщательно отшлифованы, внешний край обработан косыми, реже продольными насечками. На некоторых полосах косых насечек отделена от гладко зашлифованной части длинной продольной бороздкой (рис. 49, 10). На обратной стороне сохраниена естественная шероховатость сердцевины рога, что, очевидно, способствовало более прочному склеиванию с деревянными частями лука. Преднамеренных насечек, часто делавшихся на обратной стороне накладок с той же целью, на наших образцах не обнаружено. На одном обломке было два выреза для натягивания тетивы, расположенных один над другим: нижний целый, от верхнего же сохранился лишь нижний край, так как часть кончика накладки сломана. Поэтому трудно определить, преднамеренно ли были сделаны сразу два выреза, как это иногда бывало, судя по изображениям лука, на некоторых памятниках сасанидской торефтики, или второй был просто вырезан после поломки первого².

Как уже упоминалось выше, концевые накладки, подобные рассматриваемым, имели остатки луков, найденные в топрак-калинском дворце, которые можно отнести к III в. н. э. Такие же накладки изготовлялись в костерезной мастерской кушанского времени на городище Капарас в Левобережном Хорезме. Интересно отметить, что там встречены сохранившиеся полностью парные накладки, длина которых от 29,5 до 35 см, причем у одной из пар — по два выреза для натягивания тетивы, расположенных друг над другом, как и на одном из наших фрагментов, но верхние тоже сломаны. Сырьем для накладок также служил рог бухарского оленя³. Два обломка близких концевых накладок были найдены в среднем горизонте Кой-Крылган-калы⁴. Еще один известен в подтемом материале с городища Куяя-Уаз (50 К-У/195). Все приведенные концевые накладки относятся примерно к одному времени, скорее всего в пределах II—III вв., во всяком случае не позднее начала IV в.

На всей обширной территории, где с начала нашей эры (если не ранее) получает широкое распространение сложноставной лук с костяными накладками, концевые накладки близки по форме⁵. Однако при общем сходстве должны были бы проявляться какие-то черты, свойственные местной производственной традиции отдельных областей. Так, при сравнении хорезмийских накладок II—III вв. с накладками, изготовлявшимися в мастерской средне- и позднерфянского времени в Мерве, где также в качестве сырья использовался рог

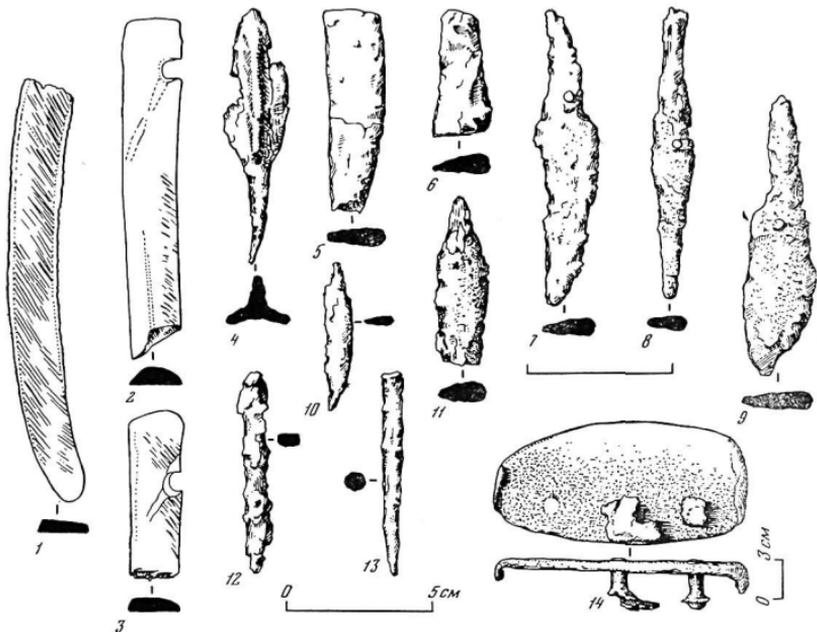

Рис. 50. Накладки для сложностовного лука из горизонта III и железные изделия

1—3 — накладки; 4 — наконечник стрелы; 5—11 — ножи; 12 — предмет неизвестного назначения; 13 — острие; 14 — накладка на дверной засов (?)
1—3 — рог; 4—14 — железо

бухарского оленя, заметно, что закругленный широкий конец мержских накладок выглядит несколько более удлиненным, чем у хорезмийских, за счет помещаемого чуть ниже выреза для тетивы⁶.

Отличаются от хорезмийских и концевые накладки из подбойно-катакомбных погребений могильника Тузгыр (I—III вв. н. э.) и коллективных захоронений могильника Тумек-Кичиджик (I в. до н. э.—II в. н. э.), расположенных на окраине Хорезмского оазиса в Присарыкамышской дельте Амударьи⁷. Еще больше отличаются концевые накладки из нижнего горизонта городища Джеты-асар 3 в низовьях Сырдарьи (I—IV вв.)⁸.

С. М. Коляков уже обратил внимание на то, что капарасские концевые накладки отличаются от находящихся в других районах очень аккуратными округлыми концами и очень небольшими вырезами полукруглой формы⁹. Та-

кие черты, очевидно, вообще характерны для хорезмийских накладок этого времени. Следует добавить еще, что исходным материалом, как правило, служил олений рог, пропорции и общий контур накладок отличались стандартностью и даже своего рода изяществом, отделка — чрезвычайной тщательностью. Наконец, на них отсутствовали частые в других случаях насечки на обратной стороне. Очевидно, перед нами продукция развитого городского ремесла, выработавшего свои производственные традиции.

Немногочисленные (их всего три) фрагменты концевых накладок от сложностовного лука найдены в квартале Б в слоях позднего этапа.

В помещении V—1 на полу 1 с отметкой 334 см найден фрагмент концевой накладки с вырезом для тетивы (рис. 50, 2). Длина его 11,7 см, ширина 2,0—1,8 см, поперечное сечение сегментовидное, высота его 0,6 см. Верх срезан прямо, так что образуется горизонтальная площадочка. Контур широкого конца подпрямоугольный. Вырез для натягивания тетивы с лицевой стороны подпрямоугольный, с обратной — более округлый, высота его 0,8 см, глубина 0,6 см. Заметен легкий след от трения тетивы. По внешнему краю нанесены косые на-

сечки, на обратной стороне тоже. Накладка значительно массивнее описанных выше, лицевая сторона отделана менее тщательно. Фрагмент имеет сходство с обломком концевой накладки из верхнего горизонта Кой-Крылган-калы¹⁰, но более близкие аналогии — накладка из верхнего горизонта Джеты-асара 3 (конец IV—VII вв.) и пара накладок из кургана, расположенного к югу от него¹¹.

Второй фрагмент концевой накладки найден в помещении VII — 2,3 на полу 2 с отметкой 332—353 см (рис. 50, 3). Длина его 5,8 см, ширина 1,9—1,7 см, поперечное сечение почти плоское, трапециевидное, высотой 0,5 см. Верх срезан наклонно, с небольшим закруглением к внешнему краю, от которого, видимо, откололся кусочек до выреза. Вырез полукруглый, высотой 0,7 см, глубиной 0,4 см. У выреза след от тетивы. Отделка поверхности не особенно тщательная, на внешнем крае косые насечки, на обратной стороне — продольные. У излома — след прямого среза ножом, очевидно, вторичный. Обломок такой накладки также встречен в верхнем горизонте Джеты-асара 3¹².

Третий фрагмент от концевой накладки найден в помещении II—5 на полу 5 с отметкой 345 см (рис. 50, 1). Это обломок изогнутой, суживающейся части накладки с закругленным концом. Длина его 14,8 см, ширина 1,8—1,2 см, поперечное сечение плоское, трапециевидное, высотой 0,5 см. Лицевая и обратная стороны сплошь покрыты косыми насечками. Оба последних фрагмента принадлежат, очевидно, одностипным плоским накладкам, также резко отличающимся от накладок из нижних слоев. Такие накладки должны были быть близки к накладкам из керченских склепов конца IV—V вв.¹³

Таким образом, накладки от сложносоставного лука, относящиеся к раннему этапу существования города, сильно отличаются от более поздних. Производство их, видимо, прекращается к началу IV в., на что косвенно может указывать то обстоятельство, что в раскопе V—4 в заполнении над полом 5, в котором они были найдены, оказалась медная монета с именем царя Вазамара типа B²V/3, KTI29. Известно, что такие монеты иногда перечекались по монетам типов, наиболее близких к серебряному чекану этого царя (тип B²V/4)¹⁴. С чем можно связать появление в Хорезме, очевидно, в IV в. (ср. фрагмент концевой накладки из верхнего горизонта Кой-Крылган-калы), иной формы концевых накладок, по имеющемуся немногочисленному и фрагментарному материалу пока сказать трудно. Интересно отметить, что при этом традиция использования в качестве сырья рога оленья, видимо, сохранялась.

Наконечник стрелы. В помещении III—2, относящемся к позднему этапу существования города, непосредственно под поверхностным слоем (пол 1 в этом помещении имел отметку 382 см, поверхность 400 см) был найден железный трехперый черешковый наконечник стрелы (рис. 50, 4). Общая длина его 9 см, длина головки 5,4 см, ширина 2,2 см. Длина круглого в сечении черешка 3,6 см, диаметр 0,6—0,4 см. Головка лавролистной формы, острие головки трехгранное.

Крупные железные черешковые трехлопастные наконечники стрел с головкой лавролистной формы получили в Средней Азии и Казахстане распространение в IV—V вв. и продолжали употребляться до VII и даже до начала VIII в.¹⁵ В качестве аналогии можно привести наконечник из кургана 2 Кенкольского могильника, набор стрел из которого датируется III—V вв.¹⁶, и наконечник, бывший в числе известных находок у оз. Боровое в Казахстане, которые относятся к IV—V вв.¹⁷ Подобный наконечник стрелы, но с утраченным черешком известен и из верхнего горизонта «Большого дома» на гордище Джеты-асар 3¹⁸. Такими наконечниками продолжали пользоваться в Хорезме и в афригидское время. Они были найдены возвысившимися в стены Тешникалы¹⁹. Известны они были и в раннесредневековом Согде²⁰.

Предметы хозяйственного и производственного назначения. *Ножи.* Все найденные ножи железные, черешковые.

В помещении I—6 — II—5 на полу с отметкой 333—338 см найден фрагмент лезвия ножа с горбатой спинкой, суживающегося к острию, которое утрачено (рис. 50, 5). Длина обломка 7 см, ширина от 1 до 2 см. Возможно, это часть серпа или виноградного ножа. Вместе с ним был найден плоский черенок, без уступа переходящий в широкое лезвие, возможно, от того же ножа (рис. 50, 6).

В помещении VI—6 на полу 2 с отметкой 313—337 см найден нож с горбатой спинкой и чуть вогнутым лезвием, с упором для рукояти по обе стороны слабоизогнутого заостренного черенка. Сохранился гвоздик, которым прикреплялась деревянная рукоять. Длина ножа 10,2 см, длина лезвия 6,6 см, ширина до 2,4 см (рис. 50, 7).

В помещении I—5а на полу 3 с отметкой 273—278 см найден нож с горбатой спинкой и коротким широким лезвием, с упором у черенка, сохранился гвоздик, закрепляющий рукоять (рис. 50, 9). Длина ножа 9,8 см, длина лезвия 6 см, ширина 2,3 см.

В помещении V—1 на полу 4 с отметкой 224 см найден нож с узким треугольным лезвием и деревянной рукоятью, закрепляющейся

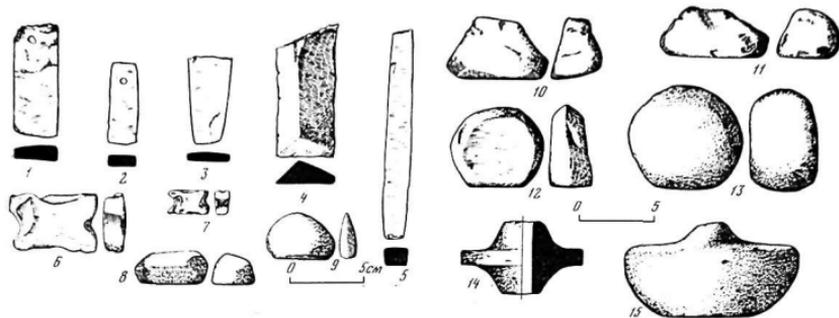

Рис. 51. Предметы хозяйственного и производственного назначения:

1—3 — оселки; 4—5 — точильные бруски; 6—7 — лошля; 8—13 — лошля и терки; 14 — блок (?); 15 — шарнир от гончарного круга (?)

1—5, 8—13, 15 — камень; 6, 7 — кость; 14 — керамика

железной обоймой с гвоздиком (рис. 50, 8). Длина ножа 10,2 см, длина лезвия 5,2 см, ширина 1,4 см.

Обломок ножа с треугольным лезвием, без упора переходящим в короткий треугольный черенок, найден в помещении VI—10 на полу 1 с отметкой 279 см (рис. 50, 11). Длина фрагмента 5,8 см, ширина 1,3—1,7 см.

Прочие железные предметы. В помещении I—56 на полу 5 с отметкой 185 см найден обломок острия круглого сечения от пробойника, шила или просто гвоздя (рис. 50, 13). Длина его 7,2 см, диаметр 0,6 см.

В помещении I—5 в яме пола 6 с отметкой 300—303 см найдена продолговатая узкая пластинка прямоугольного сечения, один конец которой имеет треугольное завершение (рис. 50, 12). Длина ее 7,2 см, ширина 0,8 см, толщина 0,4 см. Назначение неясно.

В помещении VI—6 на полу 5 с отметкой 253—260 см найдена большая железная накладка (рис. 50, 14). Она имеет овальную форму. Короткие стороны ее переходили в узкие, загibaвшиеся внутрь под прямым углом полосы, которые сломаны. Вдоль одной из длинных сторон изнутри было три четырехгранных штыря, из которых два сохранились. На них с противоположной стороны видны обломки пластины, вероятно, оставшиеся от загibaвшихся полос. Размер наклейки 17×8,2 см, ширина полос 3—3,5 см, толщина наклейки и полос 0,7 см. Длина штырей 1,5 см, сечение 1,3×1 см.

Накладка могла охватывать конец доски шириной примерно 15 см и толщиной 1,5 см и

закрепляться штырями. Такая доска могла служить засовом для дверей или ворот.

Оселки. Найдены фрагменты от трех оселков. Оселки делались из серого сланца. Они были продолговатые, прямоугольные в поперечном сечении, суживавшиеся к нижнему концу. Верхний конец имел отверстие для подвешивания к поясу. Обломок оселка с отверстием для подвешивания найден в помещении VI—13 на полу 7 с отметкой 212 см (рис. 51, 1). Длина его 7,8 см, ширина 3 см, толщина 0,9 см, диаметр отверстия 0,8 см. Осколок оселка шириной 2,2 см и толщиной 0,5 см найден в помещении I—1 на полу 3 с отметкой 363 см. Обломок нижнего конца оселка длиной 6 см, шириной 3—1,7 см, толщиной 0,4 см найден в помещении VI—7 на полу 5 с отметкой 114—164 см (рис. 51, 3).

Точильные бруски и плитки. Точильные бруски и плитки делались из того же материала. Найдены обломки двух узких продолговатых четырехгранных точильных брусочков: один — в помещении VI—6 на полу 5 с отметкой 253—260 см (рис. 51, 5), длина его 14,6 см, поперечное сечение 1,6×1,4 см; другой — в помещении I—4 на полу 4 с отметкой 382 см, длина его 8,2 см, сечение 1,5×1 см. Более крупные бруски имели треугольное или подтреугольное сечение. Один фрагмент такого бруска найден в помещении V—7 на полу 5 с отметкой 114—164. Длина его 9,2 см, ширина 4,1 см, высота 1,7 см. Торце срезан наклонно (рис. 51, 4). Фрагмент второго, сильно расслоившегося бруска найден в помещении I—1 в верхнем слое. Длина его 14,2 см, ширина 4,8 см, высота 2,6 см. Третий фрагмент найден в помещении VI—3 на полу 2 с отметкой 313. Длина его 10 см, ширина 3,7 см, высота 1,6 см. Обломок большой продолговатой точильной плитки, имевшей вертикальные края и только одну рабочую плоскость, был найден в помещении в раскопе V—4 на полу

4 с отметкой 191—193 см. Длина его 15,4 см, ширина 6,8 см, толщина 1,7 см.

В помещении III—4 на полу 3 найдена круглая плоская точильная плитка из лилово-коричневого песчаника. У нее одна рабочая плоскость и оббитый, дополнительно не обработанный край. Диаметр ее 8 см, толщина 1 см.

Терки и лошца. Самые распространенные терки и лошца — из серо-зеленого султануздского амфиболита. Они шаровидные, с одной или несколькими шлифованными рабочими плоскостями (например, рис. 51, 13). Из того же амфиболита — дисковидные лошца с боковой рабочей плоскостью (рис. 51, 12). Песчаниковые терки обычно имеют форму «утюжков» (рис. 51, 11). Более миниатюрные лошца для тонкой работы делались из сравнительно мягких пород камня: мрамора, змеевика и т. п. Они также имели форму «утюжков» (рис. 51, 8, 10). Иногда использовались небольшие плоские округлые гальки. Рабочая плоскость у них обычно боковая (рис. 51, 9).

Для лощения керамики употреблялись отточенные астрагалы овцы, а иногда и более крупных животных (рис. 51, 6, 7).

В помещении VII—4 на полу 3 с отметкой 340 см найден обломок жернова с отверстием для оси диаметром 2 см.

В помещении VI—8 на полу 2 с отметкой 218 см найден полусферический предмет с уплощенным основанием и коническим выступом на верхней плоскости (рис. 51, 15). Он выточен из лилово-коричневого песчаника. Такие изделия долго считались подпятиками для дверей, но теперь выдвинуто предположение, что это — шарниры для гончарного круга.

Пряслица и грузики. Пряслица встречались почти во всех раскопах и во всех слоях. Для раннего этапа характерны дисковидные или сегментовидные пряслица, выточенные из черепков гончарной посуды (рис. 52, 9, 10). Найдены одно пряслице сегментовидной формы из серого мрамора и несколько пряслиц такой же формы из белого естественного алебастра, украшенных резными концентрическими окружностями на верхней и нижней поверхности (рис. 52, 1—3, 8). Для позднего этапа характерны дисковидные и усеченно-конические пряслица из черепков гончарной посуды (рис. 52, 12—14), но возрастает число каменных пряслиц из различных пород камня, имеющих обычно усеченно-коническую форму (рис. 52, 32—38). В большом числе появляются и лепные керамические пряслица конической формы, реже биконические и сферические (рис. 52, 5—7, 19—31).

Грузики также изготовлялись из черепков гончарной посуды. Они имели дисковидную, реже ромбическую форму (рис. 52, 40—43).

Встречаются и лепные керамические грузики (рис. 52, 39).

Утварь. Каменные сосуды. Два фрагмента небольших круглых блюд или чаш из местного серого мрамора были найдены: один — в помещении I—3 среди черепков разновременной керамики в вымостке пола 5 с отметкой 330—333 см (рис. 53, 13), другой — в раскопе на улице 1 на поверхности II, уровень которой от 320 до 400 см (рис. 53, 14). Фрагменты принадлежали неглубоким открытым сосудам, сегментам видным в профиле, с округлым или слегка уплощенным дном и плоским горизонтальным краем. Диаметры их были, соответственно, 15,2 и 1,9 см, сохранившаяся высота 2,5 и 1,9 см, ширина края 2,1 и 1,1 см, к донной части толщина стенок постепенно уменьшалась до 0,8—0,5 см.

Фрагменты подобных сосудов разного размера (от 7,5 до почти 30 см в диаметре) встречаются на многих античных памятниках Хорезма. На Кой-Крылган-кале их находили преимущественно в слоях среднего горизонта (I—III вв.), но отдельные обломки были и в нижнем²¹. Видимо, такие блюда или чаши имели какое-то специальное, возможно, ритуальное назначение и употреблялись на протяжении длительного времени. Обломки подобного блюда были найдены на городище Кей-Кобад-Шах с материалом конца этапа Кобадан II и этапа Кобадан III (II в. до н. э. — I в. н. э.)²².

В помещении II—5—I—6 на полу 3 с отметкой 373 см найдена половинка небольшого прямоугольного блюда или палетки из того же серого мрамора, имевшая еще несколько сколов (рис. 53, 10). Это изделие имело вид массивной перевернутой усеченной четырехгранной пирамидки. Сверху в нем были выточены полусферические лунки диаметром около 3 см, глубиной около 1 см: одна — в центре и четыре — по углам. Пространство по бокам центральной занимали еще две трапециевидные в плане и треугольные в поперечном сечении лунки. Длина предмета была примерно 10 см, ширина 7 см, высота 1,5 см. Меньшее основание пирамидки служило дном. Такие предметы, варьирующие по величине, целые или в виде фрагментов, известны теперь с ряда памятников Хорезма. Целые найдены в слоях кушанского времени на городищах Капарас и Дажгербент, в погребальном помещении III—IV вв. и на городище Кайга-кала, на поверхности Большого Кырк-Кыза; обломки — на Малом Кырк-Кызе и в среднем горизонте Кой-Крылган-калы²³. Предметы эти могли быть либо туалетными палетками, либо культовыми принадлежностями, своего рода миниатюрными жертвенниками.

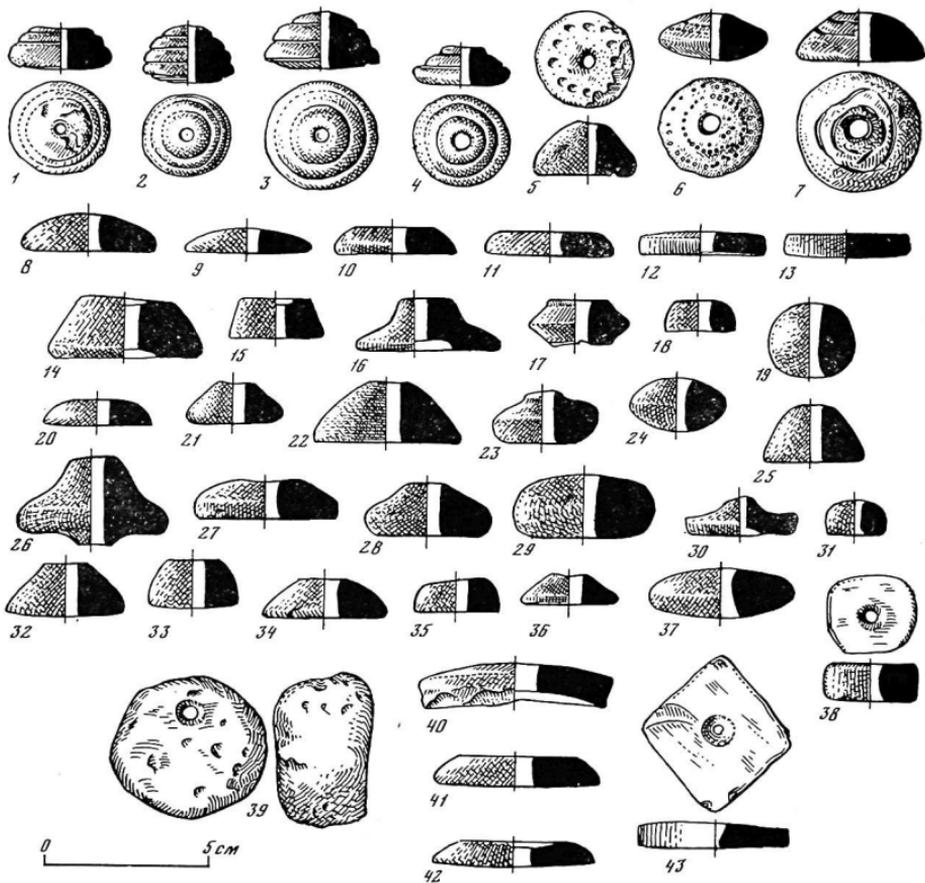

Рис. 52. Пряслица и грузики
 1—38 — пряслица; 39—43 — грузики
 1—3, 8, 32—38 — камни; 9—18, 40—43 — из черепков гончарной посуды; 4—7 — 19—31, 39 — летные керамические

Несмотря на то что все три фрагмента найдены на Топрак-кале в напластованиях позднего этапа, первоначальное их употребление следует связывать с ранним этапом.

Серебряный сосуд. В помещении I—5 в яме 1, вырытой с 7-го пола с отметкой 273—278 см, был найден небольшой тонкостенный, очевидно, чеканный, серебряный кубок или чаша (рис. 53, 12). У него небольшое плоское дно

и широкое устье. Округлые стенки плавно расширяются к середине высоты и также плавно суживаются к перехвату, отделяющему тулово от отогнутого наружу чуть утолщенного венчика со скругленным краем. Высота сосуда 7,6 см, диаметр устья 10,2 см, дна 5,2 см, наибольший диаметр тулова 9,7 см. Толщина дна и стенок менее 1 мм, края около 1,5 мм.

Серебро, очевидно, низкого качества, так как до чистки поверхность была покрыта медными окислами. Находки металлических сосудов сравнительно редки, и полной аналогии подобрать не удалось. Однако такая форма

встречается среди так называемых чаш с синими каплями из дутого стекла IV—V вв. В качестве примера можно привести чашу из погребения гуннского времени у д. Марфовка близ Керчи и некоторые другие²⁴. Взаимное влияние форм металлической и стеклянной посуды засвидетельствовано неоднократно.

Туалетный флакон. В помещении III—10 на полу 3 с отметкой 256 см был найден миниатюрный сосудик из белого фаянса (?), покрытый глазурью, местами сохранившей свой первоначальный голубой цвет бирзового оттенка (рис. 53, 11). У него яйцевидное тулово на дисковидном поддоне; узкое горлышко и ручка, нижний конец которой прикреплялся под ним на плечиках, а поперечное сечение было круглым или овальным, отбиты. Высота сохранившейся части сосуда 5,9 см, поддона 0,5 см, максимальный диаметр тулова (в верхней трети) 4,6 см, дна 3 см, горлышка около 2 см, основания ручки 0,8 см; толщина стенок около 0,4 см. Видимо, это был туалетный флакончик в форме узкогорлого одноручного кувшинчика. Фрагменты миниатюрного глазурованного сосудика типа фляжки были найдены и при раскопках Кой-Крылган-калы, но у них несколько иное желтоватого оттенка тесто, а по кое-где сохранившимся участкам разложившейся глазури белого цвета трудно установить ее первоначальную окраску; судя по отдельным пятнышкам, она могла быть голубой или зеленой²⁵. Фрагментарность и степень сохранности черепков мало что дают для сравнения с топрак-калинским флакончиком и могут лишь подтвердить факт проникновения в Хорезм в древности отдельных образцов глазурованных изделий. Импортное происхождение кувшинчика несомненно. От парфянских глазурованных сосудов он отличается и по тесту, и по цвету глазури. Местом его происхождения следует считать или Восточное Средиземноморье, или западные области Сасанидской империи.

Фрагменты стеклянной посуды. В раскопках III—5 и III—6 на полах горизонта III встречены отдельные осколки от патинированных тонкостенных стеклянных сосудов, близкие найденным в здании II в квартале А (рис. 58, 1, 2).

Ложечки. Были найдены три медных или бронзовых ложечки и часть ручки четвертой и две костяных или роговых. Две медные ложечки были найдены вместе в раскопе I—5б на уровне пола 8 с отметкой 270—278 см между западной стеной и краем ямы. Одна из них сохранилась полностью (рис. 53, 1). У нее неглубокий овальный черпачок, конец которого с одного бока стесан от употребления, и длинная, постепенно суживающаяся, круглая

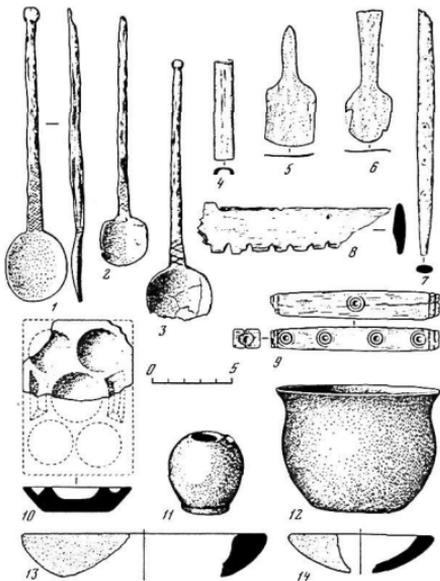

Рис. 53. Уггарь

1—3, 5—6 — ложечки; 4 — иглольник (?); 7 — кочедыга (?); 8 — чесалка; 9 — игральная кость; 10 — палетка; 11 — туалетный флакон; 12 — кубок; 13—14 — блюда
1—3 — бронза; 4—9 — кость; 10, 13, 14 — серый мрамор; 11 — глазурованный фаянс; 12 — серебро

в поперечном сечении ручки. Часть ручки у черпачка уплощена и украшена с лицевой стороны насечками, образующими мелкую косую сетку, отделенную от черпачка поперечной насечкой. Округлому уплощенному и слегка оттянутому назад кончику продольной насечкой придана форма копытыца. Длина ложечки 18,8 см, размер черпачка 4,2×3,7 см, диаметр ручки 0,9—0,7 см.

У второй ложечки длиной 16,6 см часть черпачка утрачена. Судя по очертаниям сохранившейся части, он был круглым, диаметром около 4 см (рис. 53, 3). Ручка отличается от ручки предыдущей ложки тем, что уплощенная ее часть короче, насечки на ней образуют более крупную косую клетку, также отделенную от черпачка поперечной насечкой, а кончик, отделенный перехватом, сферической формы.

Третья медная ложечка найдена в помещении III—5 под поверхностной коркой. Отметка пола 1 здесь 380 см (рис. 53, 2). Она не-

сколько миниатюрной, подпрямоугольной черпачок напоминает лопаточку. Короткая, уплощенная часть ручки также украшена насечками крест-накрест, отделенными от гладкой части ручки двумя поперечными насечками. Ковчик ручки уплощен и чуть оттянут назад, возможно, он тоже был оформлен копытцем. Длина ложечки 15,8 см, размер черпачка 3×3 см. Часть ручки такой же ложечки с уплощенным и оттянутым назад ковычком была найдена в том же раскопе на полу 2 с отметкой 365 см.

В Хорезме известна еще одна медная ложечка с городища Куя-Уаз.

Подобные ложечки принято считать туалетными. Они встречаются в кочевнических погребениях эпохи переселения народов и в керченских склепах конца IV—V вв.²⁶ Близкая медная ложечка с круглым черпачком и длинной ручкой, заканчивающейся двумя волютами, была найдена в верхнем горизонте «Большого дома» на городище Джеты-асар 3 (конец IV—VII вв.)²⁷.

Серебряная ложечка с ручкой, заканчивающейся копытцем, была найдена в женском погребении II—IV вв. в кургане 2 у д. Лебедевка Уральской обл. КазССР²⁸. Косыми насечками крест-накрест, как и топрак-калинские, украшена медная ложечка с овальным черпачком из аланского погребения IV—V вв. в могильнике Гиляч на Северном Кавказе. Ложечка с круглым черпачком и двумя завитками на ручке из другого погребения того же могильника больше походит на джеты-асарскую²⁹.

Из двух костяных ложечек одна найдена вместе с двумя описанными выше медными (рис. 53, 5). Она плоская, в форме прямоугольной лопаточки, с чуть выпуклым скругленным концом и короткой ручкой с заостренным копытцем. Длина ложечки 8,5 см, размер лопаточки 4×3 см, толщина до 2 мм.

Другая костяная ложечка найдена в помещении V—1 на полу 1 с отметкой 334 см (рис. 53, 6). Она также имеет форму плоской лопаточки, но более скругленной. Ручка ее длиннее и расширяется к срезанному прямо копытцу. Длина ложечки 8,5 см, размер лопаточки 3,5×3 см, толщина до 1,5 мм. Поверхность обеих ложечек тщательно отполирована, обратная же сторона сохранила следы губчатой внутренней структуры кости.

Костяные туалетные ложечки — обычная принадлежность женских захоронений у сарматов, алан и некоторых других степных племен на протяжении длительного времени. Однако ложечек такой формы там не встречалось. Очевидно, это местный вариант.

Фрагменты раковин. Видимо, туалетно-косметической принадлежностью, как у сармат и других кочевых племен, были крупные перламутровые раковины, обломки которых встречаются в помещениях I—56 на полу 8 с отметкой 270—278 см и в яме на отметке 240 см. Обломки раковин известны и в среднем горизонте Кой-Крылтан-калы.

Зеркала. В помещении II—9 были найдены фрагменты двух круглых плоских зеркал. Диаметр одного из них около 6,5 см. На обломке у края отверстие диаметром 2 мм. Диаметр второго зеркала около 10 см. Оно не сохранилось лишь обломком края, пробитый насквозь железным гвоздиком диаметром около 3 мм. Толщина фрагментов от 1 до 1,5 мм.

Видимо, обломки принадлежали зеркалам, подобным найденным в здании II в квартале А (см. рис. 59, 42).

Костяные предметы. С женским бытом, возможно, связаны фрагменты трех костяных изделий, назначение которых не совсем ясно. В помещении II—5 на полу 5 с отметкой 343 найдена половинка расколовшегося вдоль полого продолговатого костяного предмета, очевидно, имевшего подпрямоугольное поперечное сечение (рис. 53, 4). Поверхность его и торцы отполированы. Рядом с одним из торцов заметен параллельный ему надрез ножом, почему-то не доведенный до конца. Возможно, это производственный брак. Внутренняя полость также довольно тщательно отделана. Видимо, это часть иглы, подобной известным в женских сарматских погребениях. Довышко могло быть из другого материала. Менее вероятно, что это рукоятка какого-то орудия, например шильца. Длина предмета 6,2 см, ширина 1,1—1,2 см.

В помещении V—4 на полу 2 с отметкой 236 см найден длинный узкий плоский (овальный в поперечном сечении) костяной предмет (рис. 53, 7). Один конец его заострен, второй утрачен. С обеих сторон он украшен расположенными в ряд резными циркулярными глазками. На одной стороне их пять, на другой четыре: один пропущен, вернее, только намечен, но не вырезан. Изделие это напоминает кочедыги — приспособление для плетения сетей. Возможно, это была какая-то принадлежность для рукоделия.

В помещении I—56 на полу 5 с отметкой 324 см найден обломок костяной зубчатой поделки из ребра крупного животного (рис. 53, 8). На одной из длинных сторон сохранились семь широких коротких зубцов, на противоположной — только крайний, затем, видимо, несколько зубцов сломаны, дальше до скола идет прямой край. На торцевой стороне сохранился один острый треугольный зубчик, ос-

тальные сломаны. Можно предположить, что это орудие для чесания шерсти. Обломки подобных предметов встречались на памятниках Хорезма афригидского времени³⁰.

Гирька (?). В помещении VI—10 на полу 1 с отметкой 279 см была найдена половинка небольшого массивного медного или бронзового шарика со сквозным каналом в верхней трети (рис. 54, 22). Диаметр ее 2,2 см, высота 1,1 см, диаметр канала 2 мм. Для бусины эта вещь слишком тяжела. Заманчиво, но очень рискованно предположение, что это — половина преднамеренно разрубленной пополам гирьки. Она весит 14,610 г.

Принадлежности для игры. В помещении I—1 на полу 1 с отметкой 300 см была найдена игральная кость (рис. 53, 9). Это продолговатая четырехгранная поля поделка из кости. На каждой грани вырезаны, соответственно, один, два, три и четыре циркульных глазка. Каждый глазок состоит из конического углубления, обведенного двумя концентрическими кружками, на концах — по два резных поперечных прямых пояска. Внутренняя полость была заполнена ганчем, частично выкрошившимся. Длина кости 10,6 см, поперечное сечение 1,6×1,4 см, диаметр глазков 1,1 см. Подобные кости были найдены на городищах северной Бактрии: одна с резными изображениями птиц вместо глазков — в кушанском слое на Дальезрин-тене, другие — с такими же циркульными глазками и резными поясками, но иной пропорции, несколько короче, — в слоях первых веков н. э. в раскопе на цитадели Хайрабад-тене³¹.

Для какой-то игры на доске предназначалась фишка из мозаичного стекла, найденная в помещении III—7 в заполнении над полом 2 с отметкой 270—290 см (рис. 54, 28). Форма ее коническая, диаметр 1,8 см, высота 1,4 см. С нижней стороны хорошо видно, как тонкий слой мозаичного стекла, покрывающий выпуклую поверхность, завернут внутрь по плоскому основанию, обрезан и приварен к сердцевине из другого, потерявшего первоначальный цвет стекла. Узор состоит из голубых пятнышек, обведенных белым ободком с отходящими от них чередующимися белыми и зелеными ресничками. Подобные фишки из северо-западного Ирана, найденные в наборе из 24 штук (12 — одной расцветки и 12 — другой), относимые к I—III вв., приводит Фукаи³². Однако там глазки простые, на нашей же фишке — с ресничками, что может говорить о более поздней дате — IV, V или даже VI в.

Для игры могли предназначаться и обточенные овечьи астрагалы (альчики), найденные в раскопе V—1 на полях 1,3 и 4 с отмет-

Рис. 54. Бусы, украшения и другие мелкие предметы 1—11, 20 — бусы; 12 — вставка; 13, 14, 16, 17 — серьги; 15, 18 — скобочки; 19 — перстень; 21, 23, 24 — подвески; 22 — гирька (?); 25—27, 29—33 — пряжки и детали пряжек; 28 — игральная фишка

1, 4, 6, 9, 12, 28 — стекло; 2, 3, 5, 7, 8, 10, 11, 20 — камень; 13—19, 21, 22, 24—27, 29—32 — бронза; 23, 33 — кость

кой 282, 244 и 238 см и в помещении VI—10 в заполнении над полом 5 с отметкой 223—227 см. В Средней Азии овечьи астрагалы часто встречаются при раскопках, а игра «в альчики» популярна среди детей до сих пор.

Миниатюрные сосудики. При раскопках неоднократно встречались миниатюрные лепные сосудики. В числе их — один кувшинчик, три кружечки, пять горшочков и одна плошка с носиком. По формам, качеству теста и обжига они мало отличаются от остальной лепной посуды (рис. 55, 5, 7—12). Изготавливались и миниатюрные шашлычницы (рис. 55, 3, 4).

Украшения. Бусы. Находки бус в жилом квартале Б единичны: встречено всего тринадцать экземпляров, из которых один, возможно, попал в слой случайно и может относиться к средневековью. Преобладают крупные каменные бусы, их семь штук.

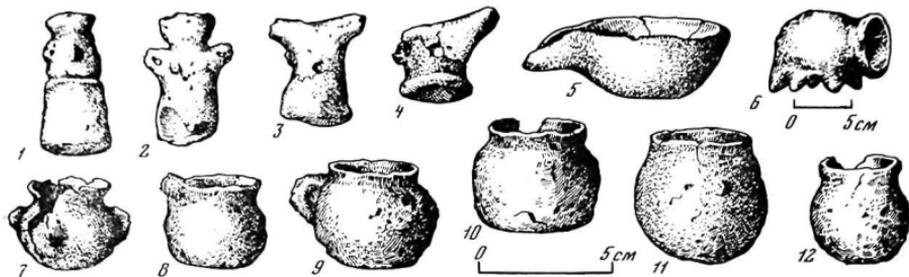

Рис. 55. Мелкие керамические поделки

1—2 — фигурки идолов; 3—4 — шашлычницы; 5 — льячка;
6—12 — миниатюрные сосудики

В помещении V—9 на полу 2 с отметкой 185 см была найдена бусина из высококачественного полупрозрачного золотистого розово-красного сердолика. Слои расположены в продольном направлении. Форма бусины — удлиненно-эллипсоидальная, сегментированная, 424 по классификации Г. Г. Леммлейна³³. Длина ее 3,4 см, диаметр 1,3 см, диаметр канала 0,15 см. Концы бусины повреждены. Прямой цилиндрический канал просверлен алмазом с одной стороны и доверлен с противоположной. Шлифовка и полировка очень тщательные (рис. 54, 3).

В том же помещении на полу 4 с отметкой 170 см оказалась еще одна бусина из того же сорта сердолика, выполненная в той же технике. Бусина укороченно-бочковидная — форма 422 по той же классификации. Длина ее 1,3 см, диаметр 1,1 см, диаметр канала 0,15 см. Сверление двустороннее, цилиндрический канал «с уступом», так как сверлины сошлись не точно (рис. 54, 2).

Обе бусины можно отнести к выделенному Г. Г. Леммлейном по производственным признакам и материалу типу 10, который он связывает с ирано-индийской производственной традицией. Бусы этого типа встречаются со II в. до н. э. вплоть до VI—VII вв. н. э. в Закавказье, на Северном Кавказе, в Средней Азии и прилегающих областях, особенно в позднепарфянской и сасанидское время³⁴.

В помещении I—5 на уровне пола 8 с отметкой 233—238 см найдена бусина из бледно-розового с ржаво-красными включениями сердолика с белым содовым рисунком. Бусина бочковидная — форма 422, длина ее 2 см, диаметр 1,1 см, диаметр канала — 0,25 см. Сверление алмазом одностороннее, с доверливанием с противоположного конца. Канал ци-

линдрический, с уступчиком в месте стыка (рис. 54, 7). Орнамент нанесен довольно небрежно. В принципе, это решетка из двух рядов пятиугольников, расположенных в шахматном порядке. Основания их образуют на концах бусины прямые круговые пояски. На одном из концов — еще один дополнительный поясок. Внутри пятиугольников помещено по точке. Однако форма пятиугольников неправильная, некоторые почти превратились в треугольники с оттянутыми «носиком» вершинами.

В подъемном материале с городища имеются еще две бусины с таким же орнаментом из того же сорта сердолика, но сферoidalной формы³⁵.

Сердоликовые бусы с содовым орнаментом Г. Г. Леммлейн включал в тот же тип 10. Техника нанесения рисунка и орнаментальный мотив решетки из пятиугольников — индийского происхождения; мотивы 6 и 14 по М. Г. Дикшиту³⁶. Там он известен на бусах бочковидной и сферoidalной форм с рубежа V—IV вв. до н. э. Однако узор всегда геометрически правилен, а сами бусы изящны и тщательно отделаны³⁷. М. Г. Дикшит различает и вариант 6в, в котором внутри пятиугольников расположены дополнительные фигуры, но данных о его датировке не приводит.

Г. К. Бек, выделявший три периода распространения бус с содовой орнаментацией, отмечает, что регулярный прямолинейный геометрический орнамент характерен для бус среднего периода, который он ограничивал 300 г. до н. э. — 200 г. н. э. Тенденция к заполнению внутреннего пространства фигур и криволинейным контурам проявляется в позднем периоде, который у него падает на 600—1000 г.³⁸

Ни у М. Г. Дикшита, ни у Г. К. Бека бусы с точечным заполнением не приводятся. Но о такой разновидности орнамента на бусах из могильника V в. Джули-сай в Южном Таджикистане упоминает Б. А. Литвинский³⁹. При-

мерно к этому же времени можно отнести и топрак-калинские бусы.

Очевидно, такая разновидность орнамента появилась уже не на индийской, а скорее на праийской почве в сасанидскую эпоху. На праийское происхождение и позднюю дату указывают как будто бы и сорт камня, отличный от индийских сердоликов, и величина, и некоторая грубоватость формы, и довольно небрежная отделка бус.

В помещении I—5 б на полу 7 с отметкой 299—303 см найдена бусина из халцедона агатовой структуры (сардера?), подвергнувшегося термическому воздействию, вероятно, преднамеренному, с целью усиления интенсивности окраски и выявления естественного рисунка камня. Окраска его — от темно-вишневого до почти медового с бурым оттенком. Расположение слоев глазчатое. Бусина крупная, сфероподобная — форма 311 по Г. Г. Леммлейну. Поперечный диаметр ее 2,6 см, продольный 2,3 см, диаметр отверстий канала 0,4 см. Канал биконический, с уступчиком в месте стыка сверлил. Сверление двустороннее, скорее всего широкой конической трубкой или штифтом с крупным твердым абразивом. Вокруг отверстий — чуть углубленные, с концентрическими царапинами кольца от сверла большего диаметра, которым намечалось место сверления. По сторонам отверстий — несколько следов от соскачившего сверла (рис. 54, 20). Камень слегка просвечивает, полнровка прекарная, возможно, огневая. Термическая обработка камня для улучшения его качества (цвета, прозрачности, рисунка) издавна применялась индийскими мастерами, затем распространилась по всему мусульманскому востоку и достигла даже средневековой Европы. Однако приемы сверления рассматриваемой бусины отличаются от других бус индоиранского круга, поэтому установить ее происхождение затруднительно. Крупный размер и широкое отверстие — признаки, указывающие на время не ранее рубежа античности и средневековья.

В помещении V—4 на полу 2 с отметкой 236 см найдена крупная бусина из просвечивающего голубовато-серого, местами с желтоватым отливом агатового халцедона. Бусина сплюснута — эллипсоидальная, форма 411. Поперечный диаметр ее 2,4 см, длина 1,7 см, диаметр отверстий 0,8 и 0,6 см. Широкий конический канал сверлился трубкой с абразивом — с одной стороны и досверливался с противоположной, где вокруг отверстия — углубление с концентрическими трещинами, оставшееся от трубочки большего диаметра, которая намечалась место сверления. В месте стыка — уступик (рис. 54, 10).

Крупные халцедоновые и хрустальные бусы с широким, сверлившимся трубкой отверстием, встречавшиеся единичными экземплярами в каменных ящиках Самтавского могильника римского времени, Г. Г. Леммлейн выделяет в отдельный подтип и связывает их с антикапейскими пропизями, которые, по М. И. Ростовцеву, служили наверху рукоятей мечей. Такие бусины могли быть и украшением портупей. Широкие отверстия рассчитаны на продевание сыромятного ремня, так как обыкновенный шнур не выдержал бы тяжести бусины⁴⁰.

Также же крупные округлые халцедоновые бусы из некрополя на Глинце в Керчи рассматривает Н. Н. Погребова, отмечая при этом, что широкие отверстия у бус появляются с позднеримского времени⁴¹. В числе бус Северного Кавказа IV—V в. у В. Б. Деоник упоминаются и подобные бусы⁴².

К этому же времени должны относиться и две последние из описанных бусин. Не исключено, что и они предназначались для украшения портупей.

Вместе с халцедоновой бусиной найдена крупная бусина-подвеска из желтовато-серого доломита. По форме она напоминает сасанидский перстень-печатка. Это экваториальный сегмент шара с наклонно срезаемыми под углом основаниями и сегментовидной боковой стороной. Поперечное сечение пропизы — сегментированный круг диаметром 2,3 см, продольное сечение подтрапециевидное высотой 2,0 см. Слабоконический канал просверлен с одной стороны, диаметр отверстий 0,7 и 0,8 см. Сегментированная плоскость тщательно отполирована как бы для нанесения изображения (рис. 54, 11).

Близкую форму имеет и найденная в помещении VI—12 на полу 2 с отметкой 275 см бусина-подвеска из белого мела. В поперечном сечении она квадратная со стороной 11,5 см, в продольном — трапециевидная высотой 1,5 см. Первоначально круглое поперечное сечение широкого канала приобрело яйцевидный контур в результате постоянного трения нити в верхней его части, сечение канала — 0,8×0,6 см (рис. 54, 8).

К двум описанным примыкает по форме и крупная бусина-подвеска из розового коралла, найденная в помещении III—5 непосредственно под поверхностным слоем пухляка. Отметка пола 1 в этом раскопе 380 см. От предыдущих она отличается лишь тем, что в поперечном сечении круглая. Диаметр ее 1,3 см, сечение отверстий канала 0,2×0,15 см частично за счет наклонного среза оснований, частично за счет трения нити (рис. 54, 5).

В слое нижнего горизонта, подстилающем помещение V—4 на уровне пола 5 с отметкой 148—150 см, была найдена крупная бусина сферической формы с широким отверстием из глухого светло-зеленого стекла с иризированной поверхностью. Диаметр бусины 2 см, диаметр отверстия 0,4 см (рис. 54, 1).

В помещении II—3 под верхним полом с отметкой 380 см была найдена плоская прямоугольная бусина с широким отверстием из зеленоватого прозрачного стекла с иризированной поверхностью. Длина ее 1,1 см (рис. 54, 9). Аналогичная бусина встречена в здании II (квартал А).

В помещении III—5 под верхним слоем тары были найдены мелкая бусинка и застежка в виде двух шариков, соединенных стерженьком из прозрачного иризированного стекла (рис. 54, 4, 6).

В помещении V—3 на полу 2 с отметкой 231 см был найден фрагмент сферической голубой дольчатой бусины диаметром 1,2 см. Усеченно-коническая голубая бусина с пола 5 помещения V—5 с отметкой 174 см очень похожа на средневековую кашинную и, видимо, попала туда случайно.

Подвески. На верхнем полу помещения I—2 с отметкой 403 см были найдены две бронзовые подвески, имитирующие коготь (рис. 54, 21). У них полые квадратное основание переходит в полый изогнутый коготок.

С одной из этих подвесок спеклась другая бронзовая подвеска (рис. 54, 24). Она состоит из нашивной круглой бляшки с полым полусферическим выступом с петелькой. В петельку продето колечко, соединяющее ее с петелькой, припаянной к плоскому кружку. Нижняя часть такой же подвески была найдена в помещении II—4 в забутовке над верхним полом с отметкой 367.

Подвесками служили и просверленные с одной стороны бедренные кости мелких грызунов. Одна такая косточка была найдена в помещении VII—5 на четвертом полу с отметкой 331 (рис. 54, 23). Такие подвески, как и подвески из просверленных клыков, и их имитации, были в употреблении у степных племен эпохи переселения народов и раннего средневековья. Аналогичные косточки-подвески известны с городища Джеты-асар 3.

Перстни. На верхнем полу в помещении I—9 был найден фрагмент бронзового перстня с плоским овальным штифом и плоско-выпуклой в сечении шинкой (рис. 54, 19).

В помещении III—5 на полу 2 с отметкой 365 см была найдена вставка для перстня из прозрачного голубоватого иризированного стекла (рис. 54, 12). Вставка прямоугольная, выпуклая с лицевой стороны и плоская с оборот-

ной, гурт скошен вниз (рис. 54, 12). Фрагмент аналогичной вставки был найден в помещении V—1 на полу 2 с отметкой 271 см.

Серьги. В помещении II—4 в забутовке над первым полом с отметкой 367 см был найден фрагмент бронзовой серьги калачиком со следами позолоты (рис. 54, 17).

В помещении II—5—I—6 в слое над полом 2 с отметкой 385 см найдена бронзовая круглопроволочная серьга со сходящимися концами (рис. 54, 14). Такая же серьга немного большего размера найдена в помещении II—3 в завале над верхним полом с отметкой 380 см (рис. 54, 13). Обломок еще одной подобной серьги найден в помещении VI—10 над полом 5 с отметкой 223—227 см (рис. 54, 16).

Не совсем ясно назначение фрагментов бронзовых скобочек из завала над верхним полом с отметкой 380 см в помещении II—3 (рис. 54, 15) и с пола 2 с отметкой 345 см в помещении I—8 (рис. 54, 18).

Пярэжкі. В помещении I—6—II—5 в слое над полом 2 с отметкой 385 см найден фрагмент бронзовой литой фигурной пярэжкі (?) с рельефной головкой кошачьего хищника. Поперечное сечение выпукло-вогнутое, нижний конец оформлен выпуклым валиком. Из него выступает обломок круглого в сечении стерженька меньшего диаметра, предназначенного для продевания язычка. Высота фрагмента 2,3 см, что составляет около половины высоты рамки пярэжкі, диаметр стерженька 0,3 см (рис. 54, 25).

В помещении V—7 на полу 2 с отметкой 217 см была найдена бронзовая круглопроволочная круглая бесцитковая пярэжкі с коротким подвижным язычком (рис. 54, 29). Диаметр кольца 2,7 см, толщина неравномерная — от 0,4 до 0,2 см. Концы проволоки, из которой свернуто кольцо, были срезаны наискос, наложены один на другой и скреплены сквозной заклепкой. Прямой короткий плоско-выпуклый в поперечном сечении язычок имел заостренный кончик и плавный выступ при переходе к петле, свернутой из его противоположного, плоско раскованного конца. Длина язычка с петлей 2,2 см, ширина 0,3 см, толщина до 0,2 см. До чистки он был длиннее и достигал края рамки.

Подобные пярэжкі были распространены в I—III вв. н. э.⁴³ Судя по рисунку, такое же соединение концов имело кольцо пярэжкі из могилы 16 могильника Ново-Отрадного на Керченском полуострове, относящейся к I в. н. э. Близки по форме и пярэжкі из других погребений того же могильника I—III вв.⁴⁴

Однако похожие пярэжкі встречаются и значительно позднее, например, приведенная

В. Б. Ковалевой пряжки из «Кургана Комарова» V—VIII вв. в Дагестане⁴⁵.

В помещении III—5 на полу 2 с отметкой 365 см найден бронзовый топенский, с небольшим прогибом, круглый в сечении язычок длиной 2,4 см, диаметром 0,1 см, вероятно, от круглопроволочной пряжки.

В помещении VI—10 в заполнении над полом 2 с отметкой 230—233 были найдены остатки двух бронзовых пряжек. Одна из них имела овальную рамку с небольшим прогибом внутрь в середине внешней стороны (B-образная рамка). Размеры рамки 2,1×1,4 см, поперечное сечение прямоугольное. Рамка закреплена в обойме, сделанной из согнутой вдвое пластины с прямоугольной прорезью для язычка. Верхний конец пластины закругленный, нижний прямой. Концы обоймы скреплены сквозным штифтом с шайбочкой, который пропущен через ремешок. Подвижный язычок, прямоугольный в поперечном сечении, имел прогнутую спинку и загнутый кончик, чуть выходящий за пределы рамки. Общая длина пряжки 2,8 см, длина обоймы 1,5 см, ширина 1,1 см, длина язычка 1,7 см (рис. 54, 30).

От второй пряжки сохранилась аналогичная обойма из согнутой вдвое прямоугольной пластины с прямоугольным вырезом для язычка. Концы ее также соединены сквозным штифтом с двумя шайбочками. К верхней стороне обоймы припаяна прямоугольная пластинка с прямоугольной же прорезью с двумя шпеньками, крепившими ее к ремешку. Размеры пластины 1,9×1,6 см, выреза — 0,9×0,6 см (рис. 54, 32). Вторая такая же пластинка с вырезом и двумя шпеньками найдена отдельно. Скорее всего, она принадлежала первой пряжке (рис. 54, 31).

Здесь же была найдена половина бронзового, сильно окисленного овального круглопроволочного кольца шириной 1,1 см. Возможно, это обломок рамки второй пряжки, но, может быть, и серьги (рис. 54, 16).

Мелкие парные пряжки принято считать пряжками от обуви. Судя по форме язычка, рассмотренные пряжки можно отнести к концу III—началу V в.⁴⁶

В помещении V—2 на полу с отметкой 233 см были найдены фрагменты бронзовой пряжки. Овальная рамка из круглого в сечении дрота, утолщенного в передней части и зауженного в спрямленной задней, имела подвижный язычок, от которого сохранилась лишь петля. Размеры рамки 1,9×1,5 см (рис. 54, 27). Вместе с ней найдены обломки сильно окисленной бронзовой пластины, очевидно, от обоймы или щитка.

В помещении VI—10 на полу 1 с отметкой 279 см было найдено бронзовое кольцо аналогичной формы, но с еще более утолщенной передней частью. Размеры его 1,7×1,5 см (рис. 54, 26). Скорее всего, это рамка от такой же пряжки, менее вероятно, что серьга «калачиком». На задней стороне как будто бы заметны следы от трения петлями обоймы.

Утолщение в передней части рамок появляется на пряжках с конца III в.⁴⁷ Мелкие пряжки с подобными рамками были широко распространены в IV—начале V в. и служили застегивающими для обуви. Их много в керченских склепах этого времени, где они часто украшены в полхромом стиле⁴⁸.

Такую же рамку имела серебряная пряжка из одного из курганов Чаш-тегинского могильника, щиток которой также был украшен вставкой с инкрустацией⁴⁹.

В помещении V—2 на полу 4 с отметкой 223 см была найдена костяная пряжка (рис. 54, 33). Длина ее 4,5 см. Треугольное основание пряжки переходит в круглое кольцо, в котором сделан вырез для закрепления на металлическом стержне металлического подвижного язычка. Костяные пряжки не характерны для народов Прикаспия и Среднеазиатского междуречья. Видимо, они проникают из Сибири и с Алтая на запад в эпоху переселения народов.

Статуэтка. Статуэтка из слоновой кости была найдена в напластованиях нижнего горизонта, подстилавших помещение V—4. Высота фигурки 12 см. Основание имеет очертания равностороннего треугольника со скругленными углами со стороны около 4 см (рис. 56). Фигурка полнообъемная, хотя и со слегка уплощенной задней стороной. Голова утрачена. Очевидно, она была изготовлена отдельно, возможно, из другого материала, и насаживалась на железный стержень, который частично сохранился на месте шеи⁵⁰.

Статуэтка изображает, стоящую женщину, одетую в длинное подпоясанное платье. Ниспадающие складки юбки переданы несколькими бороздками, слоистость кости как бы подчеркивает направление складок. Руки в верхней части опущены вертикально, от локтя же направлены к низу живота. Кистей нет. На их месте довольно глубокие (1,5 см) аккуратные отверстия, предназначенные для введения штырьков от детали скульптуры, изготовленной отдельно и, возможно, также из другого материала. Это должны быть кисти рук, удерживавшие, вероятно, какой-то предмет, скорее всего сосуд.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на большие размеры, статуэтка выглядит как воспроизведение монументальной скульптуры. Ве-

Рис. 56. Статуэтка из слоновой кости

Рис. 57. Навершие булавки. Кость

роятно, мы не ошибемся, предположив, что она изображала богиню плодородия. Статуи богинь этого круга, держащих сосуд на груди или на лоне, достаточно известны.

Идолы. В помещениях I—5 на полу 4 с отметкой 343—335 см и в раскопе VI—10 на полу 2 с отметкой 270 см найдены очень примитивные керамические фигурки идолов. Грубое тесто, недостаточный обжиг, светлая поверхность у них такие же, как и у лепной посуды. По облику они несколько напоминают антропоморфные сосудики.

Один из них — очень плохой сохранности (рис. 55, 2). Головка его, полая внутри, оформлена как венчик сосуда, только сплюснутый, овальный. Никаких деталей на ней не показано. Головка отделена перехватом от остальной части фигурки, в верхней части которой обозначены руки в виде выступов со сквозными отверстиями, напоминающими ручки сосуда. На груди какие-то малопонятные налеты. В нижней части поверхность отслоилась. Не исключено, что как-то были обозначены ноги. Высота фигурки 5 см, ширина 2,2 см.

толщина 1,8 см. Основание, по-видимому, было плоским для того, чтобы идола можно было повесить.

Вторая фигурка сохранилась лучше (рис. 55, 1). У нее массивная головка и только полый внутри головной убор напоминает венчик сосуда. Защипами оформлены нос и выступы уши со сквозными дырочками, напоминающие ручки первой фигурки. Головка отделена перехватом от туловища, на котором никаких деталей не обозначено. Основание и спинка плоские. Высота фигурки 5,4 см, ширина 2,8 см, толщина 1,7 см.

В Хорезме известен еще только один подобный идоличек с городища Джигербент. Похожая фигурка идола была найдена на Дальверзин-тене, но, к сожалению, на поверхности памятника. Г. А. Пугаченкова связывает появление там такой фигурки с влиянием культуры степных племен⁵¹. Видимо, и на Топраккале действовал тот же фактор. Небольшие фигурки идолов, обычно алебастровых, известны в позднесарматских погребениях и погребениях кочевников эпохи переселения народов. Еще более примитивные глиняные фигурки идолов встречены при раскопках на городище Джеты-асар⁵². Очень похожие фигурки известны на Северном Кавказе и в Северном Причерноморье⁵³.

Квартал А. Предметы из здания II. В помещении 1 у входа в помещение 2 на полу был найден обломок костяной булавки со следами опаленности. Сохранились фигурные навершие и часть острия. Высота фрагмента 5,6 см, диаметр острия 0,4 см. Навершие сделано в виде человеческой фигурки, вырастающей из бутона лотоса, стеблем которого была сама булавка. Изображение полнообъемное (рис. 57).

Двойной рельефный поясok отделяет навершие от булавки. Бутон трехлепестковый, по четырехгранный. Один лепесток расположен впереди фигурки, два по бокам. Лепестки как бы двугранные: выпуклое ребро проходит от основания до треугольного завершения лепестка, по обе стороны ребра нанесены косые насечки в елочку. Боковые лепестки сходятся позади фигурки под углом, образуя четвертое ребро. Из бутона поднимается миниатюрный мужской бюст. На шею окружлив валиком обозначена гривна. Черты лица были проработаны очень тонко, но пострадали от жара и времени. Отчетливо видно, что линия носа продолжает линию лба. Над лбом обозначен валлик, над которым отделенный перехватом возмывается большой шар, обработанный насечками в косую клетку. Скорее всего это прическа, убранная в сетку, а под ней или валлик волос, или диадема, как на коронах царей

Парса, ранних Сасанидов и Кушано-Сасанидов.

О назначении таких предметов пока нет единого мнения: их считают и булавками, и шпильками, и стилями. Навершие их разнообразны — от самых простых до скульптурных, как в нашем случае. Стил, увенчанный фигуркой сидящей на троне богини, был найден в Старом Мерве на Гаур-кале в слое с монетой Артабана II⁵⁴. Другой стил с навершием в виде стоящей женской фигуры происходит из Новой Исы⁵⁵. Черты лица исийской и топрак-калинской фигурки близки по манере изображения. Дату топрак-калинской фигурки определяет прическа, известная по изображениям на монетах и других памятниках искусства с конца II до начала IV в.

Фрагменты стеклянной посуды. В помещении 2 на полу и в слое пожара найдены многочисленные осколки стеклянной посуды, отдельные кусочки стекла встречались и в проходе между помещениями 2 и 3 и в помещении 3. Многие фрагменты сильно пострадали от огня.

Большую группу составляют фрагменты сосудов с полированным и гравированным орнаментом. Только для сосудов этой группы удалось восстановить полностью или частично несколько форм.

1. Толстостенный кубок из прозрачного зеленоватого стекла с пятистойчатой патиной (рис. 58, 18). Диаметр устья 12,2 см, высота сохранившейся части 8,8 см, толщина стенок до 0,5 см. Фрагментов дна не сохранилось. Стенки кубка плавко расширились к слегка отогнутому наружу горизонтально срезанному краю. Толщина стенок убывает от донной части к устью сосуда. В верхней части его шел прямой гравированный поясok. Под ним в два ряда в шахматном порядке располагались плоские шифованные овалы. Верхний ряд отделял от нижнего еще один прямой гравированный поясok. Овалы верхнего ряда через один были обведены красным контуром и позолочены. На золотом фоне сохранились следы черной и красной краски от каких-то изображений, возможно, розеток⁵⁶.

2. Толстостенная чаша из прозрачного желтоватого стекла, покрытого черной патиной (рис. 58, 24). Диаметр устья 11,7 см, высота 8,2 см, толщина стенок до 0,5 см. Дно образует большая круглая вогнутая шифованная фасетка. Округлое тулово заканчивается обращенным внутрь закругленным краем. Стенки чаши сплошь покрыты примыкающими друг к другу вогнутыми шифованными фасетками, расположенными в четыре ряда в шахматном порядке. В двух верхних и в нижнем ряду они

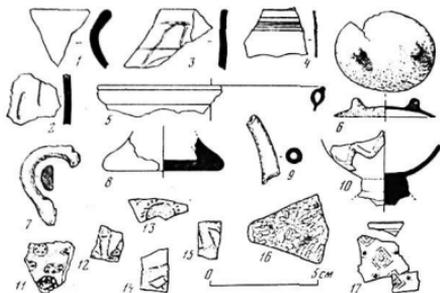

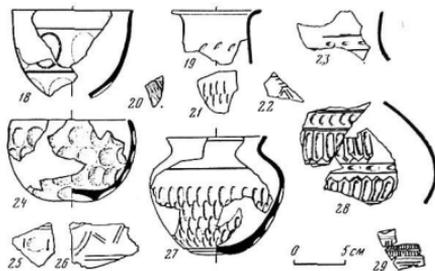
Рис. 58. Фрагменты стеклянных сосудов
1—2 — из квартала Б; 3—29 из здания II квартала А

круглые, в третьем — в форме сплюснутого с боков круга⁵⁷.

3. Толстостенный кубок из прозрачного бесцветного стекла с радужной призрацией (рис. 58, 27). Диаметр устья 10 см, высота 11,8 см, толщина стенок до 0,4 см. Кубок имел форму круглодонного горшочка с короткой шейкой с отогнутым, горизонтально срезанным венчиком. Снаружи венчик подчеркнут гравированной полоской. На плечиках сосуда — рельефный пояс. Тулово украшено пятью рядами расположенных в шахматном порядке узких вогнутых шлифованных овалов. В центре округлого донца — круглая вогнутая шлифованная фасетка, а по краю — concentрический широкий шлифованный желобок⁵⁸.

4. Часть горла кувшина из довольно прозрачного бесцветного стекла с радужной призрацией (рис. 58, 19). Диаметр устья 8,9 см, высота фрагмента 5,2 см, толщина стенок 0,2 см. Горло слегка расширялось книзу, венчик отогнутый, с вертикально срезанным краем. Примерно посередине высоты горла проходил пояс из овальных косых насечек, разделенных широкими интервалами. Вероятно, тому же сосуду принадлежал фрагмент плечиков, украшенный двумя рядами вертикальных тонких овальных насечек, расположенных тесно друг к другу в шахматном порядке (рис. 58, 21).

5. Фрагмент широкого горла кувшина из довольно тонкого прозрачного стекла с радужной призрацией (рис. 58, 23). По перегибу к тулову — орнаментальный пояс из ряда располагавшихся с небольшим интервалом мелких горизонтальных шлифованных овалов, заключенного между двумя небрежно гравиро-

ванными линиями. Судя по фрагменту, где-то этот пояс прерывался.

6. Фрагменты относительно тонкостенного сосуда из прозрачного стекла с радужной призрацией (рис. 58, 28). Судя по профилю восстанавливаемой части, они принадлежали невысокому, грушевидному, сплошь орнаментированному тулову кувшина.

Орнамент располагался горизонтальными поясами. По плечикам шел ряд соприкасавшихся вертикальных шлифованных овалов, заключенный между двумя двойными, гравированными поясками. Где-то эта полоска орнамента прерывалась. Ниже шел широкий пояс из узких вертикальных шлифованных овалов, разделенных гравированными линиями. Внизу овалы обрамляли уголки из двух гравированных линий. Этот пояс также прерывался. Ряд мелких горизонтальных шлифованных овалов, заключенный между двумя гравированными поясами, отделял его от следующего, орнамент которого состоял из тех же элементов, но в несколько видоизмененном виде. Овалы и разделяющие их линии были изогнуты влево, а уголки обрамляли овалы сверху. Снизу этот пояс завершался двойным гравированным пояском. Не исключено, что предыдущий фрагмент горла принадлежал этому кувшину. Тогда интервалы в полосках, вероятно, совпадали и могли проходить под ручкой.

Еще несколько орнаментальных мотивов сохранилось на фрагментах расслоившихся сосудов. На обломках толстостенного сосуда — шлифованный горизонтальный овал между двумя насечками под гравированным пояском (рис. 58, 25) и часть дуги, углы и пояски из двух параллельных гравированных линий (рис. 58, 22, 26).

На одном фрагменте относительно тонкостенного сосуда — поясик из косых насечек между двумя гравированными линиями, а под ним — часть другого пояса из узких наклон-

ных шлифованных овалов, чередующихся с насечками. На другом — гравированный орнамент в виде заключенной между двумя поясками горизонтальной линии, от которой вверх и вниз отходят вертикальные насечки. Над этой полосой — часть угла, а под ней — горизонтальные линии (рис. 58, 29).

Следует отметить еще фрагмент сосуда, сильно призраванный, у которого под венчиком две гравированные полосы. Между ними проходит гравированная волнистая линия. Она пересекает нижнюю полосу и ограничивает шлифованный круг или овал, от которого сохранился только маленький сегмент (рис. 58, 3).

Среди осколков тонкостенного стекла также есть пара фрагментов с маленькими шлифованными кружками диаметром до 1 см.

Остановимся еще на некоторых фрагментах.

1. Часть бокала на короткой ножке из сравнительно тонкого прозрачного зеленоватого стекла с пятнистой патинной, поддон отбит (рис. 58, 10). В нижней части тулова бокал был украшен накладным пояском зигзагами.

2. Часть венчика тонкостенного сосуда из призраванного стекла с шестью тонкими прямыми накладными нитями (рис. 58, 4). Осколок тонкостенных сосудов, украшенных прямыми или зигзагообразными накладными нитями, довольно много.

3. Часть края тонкостенной чаши с пятнистой радушкой патинной (рис. 58, 5). Диаметр устья 10,5 см. Край чаши был завернут внутрь и оформлен как немного вздутый с обеих сторон полый венчик. Краю венчика двумя бороздками снаружи и изнутри был придан вид тонкого валика.

4. Фрагменты сосуда типа бальзамария из почерневшего в огне стекла: плоское широкое дно диаметром 5,5 см с частью стенок (рис. 58, 8) и несколько обломков цилиндрического тулова.

5. Изогнутый, суживающийся носик от кувшина из тонкого почерневшего в огне стекла (рис. 58, 9).

6. Ручка от кувшина из прозрачного зеленоватого стекла с пятнистой патинной, в сечении плоско-выпуклая (рис. 58, 7).

7. Крышечка из тонкого прозрачного стекла с белой патинной (рис. 58, 6). Крышечка овальной формы, вогнуто-выпуклая в сечении, с двумя выступами, край сточен. Возможно, она была выточена из обломка сосуда на трех ножках.

8. Фрагмент мозаичного стекла, призраванный с одной стороны и обгорелый с другой (рис. 58, 11). Цвет фона не определяется. Сохранились розетки, очевидно, располагавшиеся рядами в шахматном порядке. Они со-

стоят из шести голубых, обведенных белым лепестком с красной серединкой в розетках верхнего ряда и желтой — нижнего. Под ними — такая же голубая розетка, но обведенная красными кругом с желтыми точками, серединка ее утрачена.

9. Плоский фрагмент мозаичного стекла, вероятно, от дна сосуда (рис. 58, 16). В темно-зеленой фоновой утолщены тесно расположенные желто-зеленые лепестки и три красных пятнышка. Система орнамента не улавливается.

10. Фрагменты тонкого белого стекла с росписью (рис. 58, 12—15). Рисунок оконтурен черным, заполнение — охристый подслои со следами позолоты.

11. Фрагменты тонкостенного призраванного стекла с росписью (рис. 58, 17). В маленькие шлифованные кружки вписаны обведенные коричневатым контуром позолоченные ромбики в шахматном порядке. Сердинки ромбиков сохранились плохо. Видимо, это были черные контурные ромбики, иногда с заполнением красной или голубой краской.

В промежутках между ромбиками — голубые пятнышки, обведенные неправильным коричневатым контуром. От того же сосуда, вероятно, кусочек стечонки с голубой полосой под венчиком. Сам венчик отбит.

Украшения. Основную массу находок в здании II составляли бусы. Их 2076 экз. Многие бусы, особенно стеклянные, очень пострадали от пожара. Среди каменных бус больше всего пиритовых — их 993 экз. (рис. 59, 14). Одна бусина сферической формы — из черного агата с белым узором, нанесенным раствором щелочи с последующим нагреванием (рис. 59, 16). Такие бусы индийского происхождения. Не совсем правильная форма и бледность рисунка отягчают эту бусину от аналогичных, но более ранних.

Две миниатюрные бусинки неправильной формы из граната, диаметр 0,6 см. Восемнадцать таких же мелких бусинок из бледно-оранжевого сердолика. Сорок две мелких низкоцилиндрических бусинки из гагата, диаметр 0,5 см. Тридцать пять мелких бусин из коралла, цилиндрической и округлой форм.

Две мелкие жемчужинки.

Две мелкие сферические и одна низкоцилиндрическая бусины, выточенные из раковины.

Две крупные плоские бусины из белого перламутра: одна в форме четырнадцатиградника, другая — прямоугольный разделитель с двумя продольными каналами (рис. 59, 12, 13).

Миниатюрный плоский прямоугольный разделитель с двумя поперечными каналами, вы-

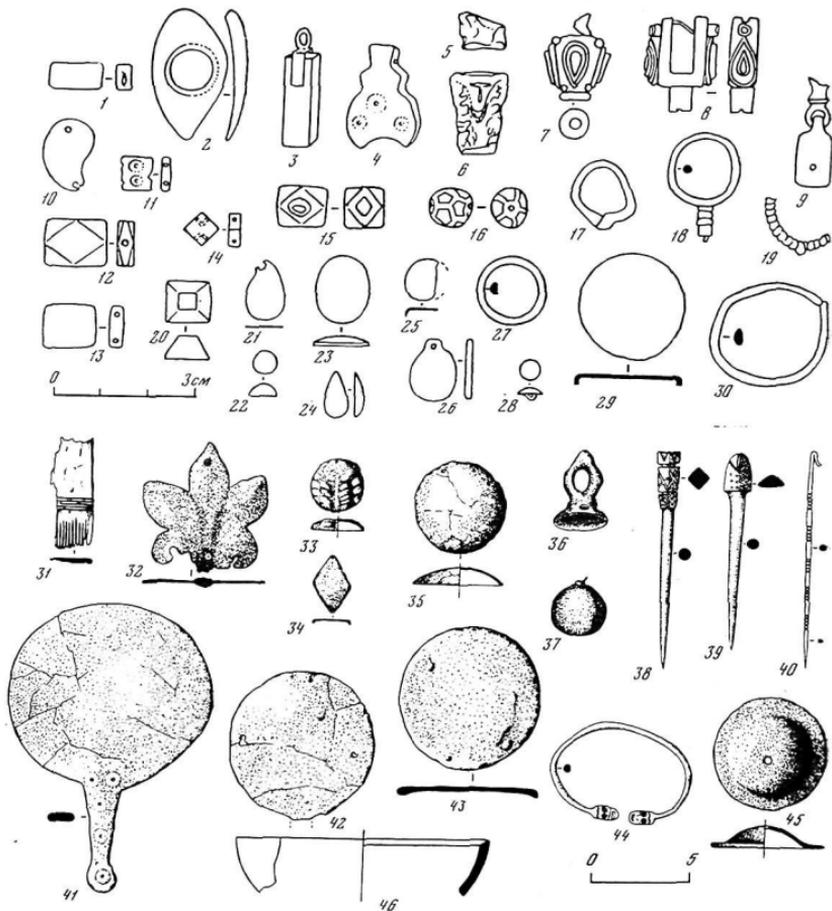

Рис 59. Предметы из зданий II и III

1, 11-16 — бусы; 2-4, 6, 9, 21, 26 — подвески; 5 — пронзья в виде лягушки; 7, 8, 17 — 19 — серьги; 20, 22-24 — вставки; 10, 25, 28, 29, 33-35 — бляшки; 27 — кольцо; 30, 44 — браслеты; 31 — обломок гребня; 32 — накладка; 36 — навершие (?); 37 — бубенчик; 38-40 — булавы; 41-43 — зеркала; 45 — крышка (?); 46 — чаша
 1, 5, 15, 20, 22-24 — стекло; 2, 4, 11-13 — перламутр; 3 — лазурит; 6 — египетский фаянс; 7-10, 18, 19, 25-30, 32-37, 40-45 — бронза; 14 — пирит; 17 — серебро; 21 — золото; 31 — самшит; 38, 39 — кость; 16, 46 — агат
 1-5, 10-16, 20-26, 31-37, 41, 42, 46 — из здания II; остальные номера — из здания III

точейный из раковины. Одна сторона украшена двумя циркульными глазками (рис. 59, 11).

Тонкая изогнутая подвеска неправильной овальной формы с широким отверстием, выточенная из раковины (рис. 59, 2).

Плоская фигурная подвеска из серого перламутра. На одной стороне три циркульных глазка (рис. 59, 4).

Подвеска из лазурита в форме четырехгранной призмы в бронзовой обойме с петлевой (рис. 59, 3).

Остальные бусины — стеклянные. Преобладает мелкий бисер — 633 экз. Часть бисера сохранила первоначальные цвета: зеленый, синий, голубой, красный и желтый.

Стеклянных бус 343 экз. Почти все они покрыты светлой патиной или почернели и потеряли первоначальный цвет. Это в основном мелкие одноцветные позднеантичные бусы, преимущественно сферические и подцилиндрические. Из бус других форм встречались веретеновидные, цилиндрические, призматические, бипирамидальные и катушковидные, в том числе улощенные, а также очень мелкие четырнадцатигранные и многочастные и витые прозники.

Следует отметить еще несколько небольших бус неправильно-округлой формы из египетского фаянса.

Одна прозник из сине-зеленого стекла изображает лягушку (рис. 59, 5).

Обоянками стоят несколько четырехгранно-призматических бусин из глухой оранжевой стеклянной пасты, какие распространяются только с IV в. (рис. 59, 1). К тому же времени относится и четырнадцатигранная бусина из коричневатого стекла с оранжевыми глазками с желтой серединкой (рис. 59, 15).

Было найдено также несколько стеклянных плоско-выпуклых вставок для ювелирных изделий. Две круглые овальные, для которых сохранились и овальные подкладки из золотой фольги, четыре мелкие крупнее и пять мелких каплевидных (рис. 59, 23, 22, 24). Стеклянные вставки с подкладкой из золотой фольги также характерны для эпохи переселения народов. Еще одна вставка из зеленого стекла имела форму усеченной четырехгранной пирамиды и предназначалась скорее всего для перасти (рис. 59, 20).

Много мелких круглых бронзовых нашивных бляшек, плоских с петличками для нашивания и выпуклых с выточкой на обороте (рис. 59, 25, 28). Одна плоская нашивная бронзовая бляшка имела ромбическую форму (рис. 59, 34).

На более крупных бляшках (овальной рельефной и круглой выпуклой) сохранились следы позолоты (рис. 59, 33, 35).

Две подвески: одна миниатюрная, круглая, бронзовая с выступом для отверстия, для другой использована каплевидная подкладка от вставки из золотой фольги (рис. 59, 26, 21).

Прочие предметы. Два бронзовых зеркала и осколки еще от нескольких. Одно зеркало диаметром 10,1 см, круглое, плоское, с суживающейся книзу ручкой с округлым расширением на конце. Ручка украшена гравированным циркулярным орнаментом (рис. 59, 41). Второе зеркало диаметром 7,2 см также

круглое, плоское. Ручка утрачена. По концам горизонтального диаметра — по одному пробитому позднему отверстию (рис. 59, 41). Обломки также принадлежат круглым плоским зеркалам.

Обломок самшитового гребня, украшенного пятью резными линиями, проходящими над зубьями (рис. 59, 31).

Фрагмент миниатюрной обгоревшей агатовой чашечки диаметром 12,7 см (рис. 59, 46).

Бронзовое навершие (?), полое в нижней части (рис. 59, 36).

Бронзовый бубенчик (рис. 59, 37), миниатюрный колокольчик, много бронзовых гвоздиков.

Бронзовая с позолотой накладка в виде пальметты (рис. 59, 32).

Обрывки обгоревшей ткани.

Миниатюрный железный нож с переходящей в черенок горбатой спинкой и прямым лезвием с упором у черенка. Длина 5,4 см, ширина лезвия до 1 см (рис. 50, 10).

Обломок небольшого оселка длиной 5—6 см, шириной 1,6—2,0 см, толщиной 0,8 см, с отверстием диаметром 0,5 см (рис. 51, 2).

Следует отметить еще небольшие обломки алебастровой скульптуры со следами позолоты.

Предметы из здания III. В здании III были найдены два бронзовых дисковидных зеркала. Одно диаметром 8 см имело два пробитых отверстия, расположенных по концам диаметра. Второе зеркало диаметром 7 см, видимо, имело ручку — кнопку с обратной стороны (рис. 59, 43).

Две роговые булавки: одна со сложным резным навершием, заканчивающимся как бы четырехзубчатой короной, другая — с навершием в виде головки змеи (рис. 59, 38, 39). Булавки, близкие первой, встречены в Хорезме на Джанбас-калпском поселении и на крепости Капарас⁵⁹. Бронзовая булавка с головкой крючочком, украшенная пятью поясками, образованными пятью кольцевыми пасечками каждый (рис. 59, 40).

Белое мраморное пряслице, украшенное резными concentрическими окружностями (рис. 52, 1).

Бронзовая крышка от сосуда (?) (рис. 59, 45).

Также было найдено много украшений: пескомкнутый круглопроволочный браслет с улощенными концами, на которых выгравированы личины, напоминающие личины на украшениях эпохи переселения народов (рис. 59, 44). Детский бронзовый браслет с заходящими концами, плоско-выпуклый в сечении (рис. 59, 30). Две бронзовые серьги с гнездами для полихромных вставок (рис. 59, 7, 8). Бронзовая «аланская» серьга и фрагмент такой же серьги

из рифленой проволочки (рис. 59, 18, 19). Серебряная сережка в виде кольца с заходящими концами (рис. 59, 17). Бронзовое колечко, плоско-выпуклое в сечении (рис. 59, 27). Бронзовая подвеска от серги (?) (рис. 59, 9). Крупная плоская бронзовая нашивная бляшка (рис. 59, 29). Много было и мелких бронзовых нашивных бляшек, таких, как на рис. 59, 25 и 28.

Бусы из здания III почти такие же, как и из здания II. Следует отметить фигурку Бесса из египетского фаянса. Головка, к сожалению, утрачена (рис. 59, 6).

Отдельные фрагменты стеклянной посуды также не отличаются от найденных в здании II.

- ¹ Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР (1945—1948 гг.).—ТХЭ, 1952, т. I, с. 32—35, рис. 20—22.
- ² Смирнов Я. И. Восточное серебро: Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб., 1909. № 61, табл. XXXIII; Орбели И. А., Тревер К. В. Сасанидский металл. Л.: Academia, 1935, табл. I, 6; ср.: Литвинский Б. А. Сложноставной лук в древней Средней Азии: (К проблеме эволюции лука на Востоке).—СА, 1966, № 4, рис. 1, 4.
- ³ Коляков С. М. Мастерская по обработке рога и кости в крепости Капарас.—В кн.: Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979, с. 49—50, рис. 1.
- ⁴ Кой-Крылган-кала—памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.—IV в. н. э.—ТХЭ, т. V, 1967, с. 136—137, рис. 54, 1, 3; табл. XX, 8, 10. См.: Литвинский Б. А. Сложноставной лук в Средней Азии..., с. 51—69; Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1966, с. 29—44.
- ⁵ Усманова З. И. Раскопки мастерской ремесленника парфянского времени на городище Глаур-кала.—Труды ЮТАКЭ, 1963, т. XII, с. 169, 179, рис. 10.
- ⁶ Кочевники на границах Хорезма.—ТХЭ, 1979, т. XI, с. 127, 129, табл. IV, 3, 4, 6, 7; Лозовиц В. А. Подбойно-катакомбные и коллективные погребения могильника Тумек-Кичиджик.—Там же, с. 142, 146, табл. III, 1—4.
- ⁷ Левина Л. М. Керамика и вопросы хронологии памятников джеты-асарской культуры.—В кн.: Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана, с. 54, рис. 5, 11, 12.
- ⁸ Коляков С. М. Мастерская по обработке рога и кости..., с. 50.
- ⁹ Кой-Крылган-кала..., с. 136—137, рис. 54, 2, табл. XX, 9.
- ¹⁰ Левина Л. М. Керамика и вопросы хронологии..., с. 65, 69, рис. 5, 10; Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1950 гг.—ТХЭ, 1958, т. II, с. 249, рис. 122, 1.
- ¹¹ Левина Л. М. Керамика и вопросы хронологии..., с. 65, 69, рис. 5, 8.
- ¹² Левина Л. М. Керамика и вопросы хронологии..., с. 65, 69, рис. 5, 8.
- ¹³ Засецкая И. П. О хронологии и культурной принадлежности памятников южноурских степей и Казахстана гуниской эпохи: (Постановка вопроса).—СА, 1978, № 1, с. 53.

- ¹⁴ Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М.: Наука, 1967, с. 54, табл. XVII, 4, табл. XV.
- ¹⁵ Сорокин С. С. О датировке и толковании Кенкольского могильника.—КСИИМК, 1956, вып. 64, с. 11, 12, рис. 2, 7; Литвинский Б. А. Среднеазиатские железные zakonничники стрел.—СА, 1965, № 2, с. 81—83, рис. 6.
- ¹⁶ Сорокин С. С. Железные изделия из кенкольской коллекции.—СГЭ, 1961, вып. XX, с. 51, рис. 1, 2, II, 5.
- ¹⁷ Берштан А. Н. Находки у озера Боровое в Казахстане.—МАЗ, 1951, т. XIII, с. 223 (два левых zakonничника).
- ¹⁸ Левина Л. М. Керамика и вопросы хронологии..., с. 66, рис. 13, 29.
- ¹⁹ Толстов С. П. Древний Хорезм. М.: Изд-во МГУ, 1948, с. 145, рис. 83.
- ²⁰ МИА, 1950, № 15, табл. 51, 4.
- ²¹ Кой-Крылган-кала..., с. 143—145, рис. 57, табл. XVI.
- ²² Мандельштам А. М., Левинер С. Б. Работы Кафиринганского отряда в 1952—1953 гг.—МИА, 1958, № 66, с. 305, 307, рис. 11, 23.
- ²³ Кой-Крылган-кала..., с. 145, рис. 58, 3, 4.
- ²⁴ Засецкая И. П. Полухромные изделия гуниского времени из погребений Нижнего Поволжья.—АСГЭ, 1968, вып. 10, с. 46, рис. 11, 2; Кропоткин В. В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э.—V в. н. э.).—САИ, 1970, вып. Д1—27, с. 28, № 952, рис. 76, 8.
- ²⁵ Кой-Крылган-кала..., с. 129.
- ²⁶ Засецкая И. П. О хронологии..., с. 53.
- ²⁷ Левина Л. М. Керамика и вопросы хронологии..., с. 68—69, рис. 13, 26.
- ²⁸ Багирова Г. И., Семигова Т. Н. Открытие гробниц в Западном Казахстане (II—IV и XIV вв.) в АН КазССР, 1968, № 2, сер. обществ. наук, с. 73, рис. 2, 4.
- ²⁹ Микаева Т. М. Археологические памятники на р. Гляя в верховьях Кубани.—МИА, 1951, № 23, с. 281, 296—297, рис. 8, 7; с. 286, рис. 14, 6.
- ³⁰ Неразук Е. Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. М.: Наука, 1966, рис. 48, 18.
- ³¹ Дальверзентекне. Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: ФАН, 1978, с. 60, рис. 36, 9; Альбаум Л. И. Балдак-тепе. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1960, с. 52, 54, рис. 33.
- ³² Fukai Sh. Persian Glass. New York; Tokio; Kioto: Weatherill/Tanshoksha, 1977, p. 61, табл. 51.
- ³³ Леммелейн Г. Г. Опыт классификации форм каменных бус.—КСИИМК, 1950, вып. XXII, с. 157—172. Там же, с. 166; Леммелейн Г. Г. Каменные бусы Самтаврского некрополя.—Материалы по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1951, вып. 29, с. 202—205, табл. VI, 3, 4.
- ³⁴ Труднооская С. А. Украшения позднеантичного Хорезма по материалам раскопок Топрак-кала.—ТХЭ, 1952, т. I, с. 123—124, табл. II, 7, 8.
- ³⁵ Dikshit M. G. Etched Beads in India.—Deccan Monograph Series, (Poona), 1944, N 4, p. 19, 20, pl. V, 6, 14.
- ³⁶ Dikshit M. G. Beads from Alichhatra, U. P.—Ancient India, 1952, N 8, p. 36, tabl. X, 6, 8; fig. 1, 5, 6, 8.
- ³⁷ Beck H. C. Etched Carnelian Beads.—A. J., 1933, vol. XIII, N 4, p. 396, tabl. LXXI B: 7, 8; tabl. LXXI C: 7, 10.
- ³⁸ Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М.: Наука, 1972, с. 82; ср.: Литвинский Б. А. Украшения из могильников Западной Ферганы.—В кн.: Могильники Западной Ферганы. М.: Наука, 1979, т. III, табл. 19, 1.
- ³⁹ Леммелейн Г. Г. Каменные бусы..., с. 206; Ростоцев М. И. Скифия и Боспор. Пг., 1925, с. 235; ср.:

- Дмитриев А. В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска. — СА, 1979, № 4, с. 222, рис. 7, 33.
- ⁴¹ Погребова Н. Н. Бусы Боспора (из некрополя римского времени). Рукопись (Архив ИА АН СССР).
- ⁴² Девонин В. Е. Классификация бус Северного Кавказа, IV—V вв. — СА, 1959, № 3, с. 51.
- ⁴³ Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. — СА, 1971, № 2, с. 100.
- ⁴⁴ Арсеньева Т. М. Могильник у д. Ново-Оградное. — МИА, 1970, № 155, с. 142, табл. 5, 13, 10, 3, 13, 5, 6.
- ⁴⁵ Ковалевская В. В. Посыные наборы Евразия IV—IX вв. Прижки. — САИ, 1979, вып. Е1—2, табл. 1, 1.
- ⁴⁶ Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии. ... с. 100—101.
- ⁴⁷ Там же, с. 100—102, рис. 2, 7, 8.
- ⁴⁸ Фицури А. А. Вещи с инкрустацией из Керченских катакомб 1904 г. — ИАК, 1906, вып. 17, с. 115—116, рис. 12, 14, 16, 24; Засецкая Л. Л. О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья. — СА, 1968, № 2, с. 54—55.
- ⁴⁹ Рапопорт Ю. А., Трудиновская С. А. Курганы на возвышенности Чаш-тепе. — ТХЗ, 1979, т. XI, с. 157—158, рис. 7.
- ⁵⁰ Маловероятно, что стержень введен при ремонте для насадки отбитой головы. Скорее всего, окислы железа, проступая на поверхность, образовали темные пятна на груди статуэтки. Есть и другое предположение, что это след от какой-то накладки с тремя фестонами, изготовленной отдельно и наклеенной когда-то на фигуру.
- ⁵¹ Пушаченкова Г. А. Художественные сокровища Дальневосточного побережья. Л.: Аврора, 1978, с. 70, рис. 49.
- ⁵² Толстов С. П. Работы Хорезмской экспедиции в 1949—1953 гг., рис. 114, 9, 10.
- ⁵³ Кругликова И. Т. Погребение IV—V вв. в д. Айвазовское. — СА, 1957, № 2, с. 255, рис. 2.
- ⁵⁴ Кацурус К., Бураков Ю. Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гиуркалы. — Труды ЮТАКЭ, 1963, т. XII, с. 124.
- ⁵⁵ Ремпель Л. И. Новые материалы к изучению древней скульптуры Южной Туркмении. — Труды ЮТАКЭ, 1953, т. II, с. 185—186, рис. 20.
- ⁵⁶ Фукак относит кубки такой формы к I—III вв. н. э. См.: Fukai Sh. Persian Glass..., tabl. 6.
- ⁵⁷ Подобные чаши Фукак датирует III—VII вв. (там же, табл. 3).
- ⁵⁸ Кубки с отогнутым венчиком Фукак также относит к III—VII вв. (там же, т. 9).
- ⁵⁹ Коляков С. М. Мастерская по обработке рога и кости. ... с. 50—52, рис. 4, 6, в.

ГЛАВА V

МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ ИЗ РАСКОПОК ГОРОДИЩА

За все годы раскопок на городище Топраккала в слоях было обнаружено около 200 экз. медных и одна серебряная монета. Среди медных после расчистки определенными оказались около 140 экз. Часть монет из раскопок городища (до 1970 г.) была обработана и учтена автором при издании монографии «Монеты древнего Хорезма»¹, поэтому подобного описания уже опубликованным монет мы не приводим, а ссылаемся на номер Каталога (КТ №) ². Каталог, предлагаемый в настоящей работе, содержит все определенные монеты, найденные при раскопках городища; монеты, публикуемые впервые, имеют сквозную нумерацию; все монетные находки описываются по типам хорезмийских монет, подобно описанным ранее³. Для удобства пользования новый каталог назван «Дополнительным» (ДК), что соответствует его сущности.

Предлагаемая таблица распределения монетных находок по раскопкам, помещениям и полам (табл.) довольно наглядно позволяет рассматривать их стратиграфию.

Хорезмийские медные монеты, как демонстрируют это и раскопки на городище Топрак-

кала, обращались довольно ограниченное время. Зафиксированы перечислены одних типов по другим⁴ (рис. 60). Так, из 138 учтенных нами в предлагаемой таблице монет (р. 126—127) хронологически разновременные типы встречены только в трех помещениях, в пяти случаях (помещения III—5, V—4, VI—10). Помещения эти имели бесспорные нарушения слоев в связи с ямами и вкопанными хумами. По довольно устойчивому сочетанию комплексов монет в раскопах и слоях отдельных и расположенных по соседству помещений выделяются три хронологических монетных комплекса (I, II и III), сменяющих друг друга. Из 6 экз. монет комплекса I одна найдена в слое нарушенной стратиграфии, из 39 монет комплекса II в аналогичных условиях найдены три монеты, а из 93 монет комплекса III — только одна.

Хронологический комплекс I содержит хорезмийские монеты типов Б, В/2, Б²20 и Б²21. Это первые, еще эпизодические выпуски местной медной монеты, осуществившиеся, по нашему мнению, в период с конца I в. н. э. и на протяжении II в. н. э.⁵ Среди них отсут-

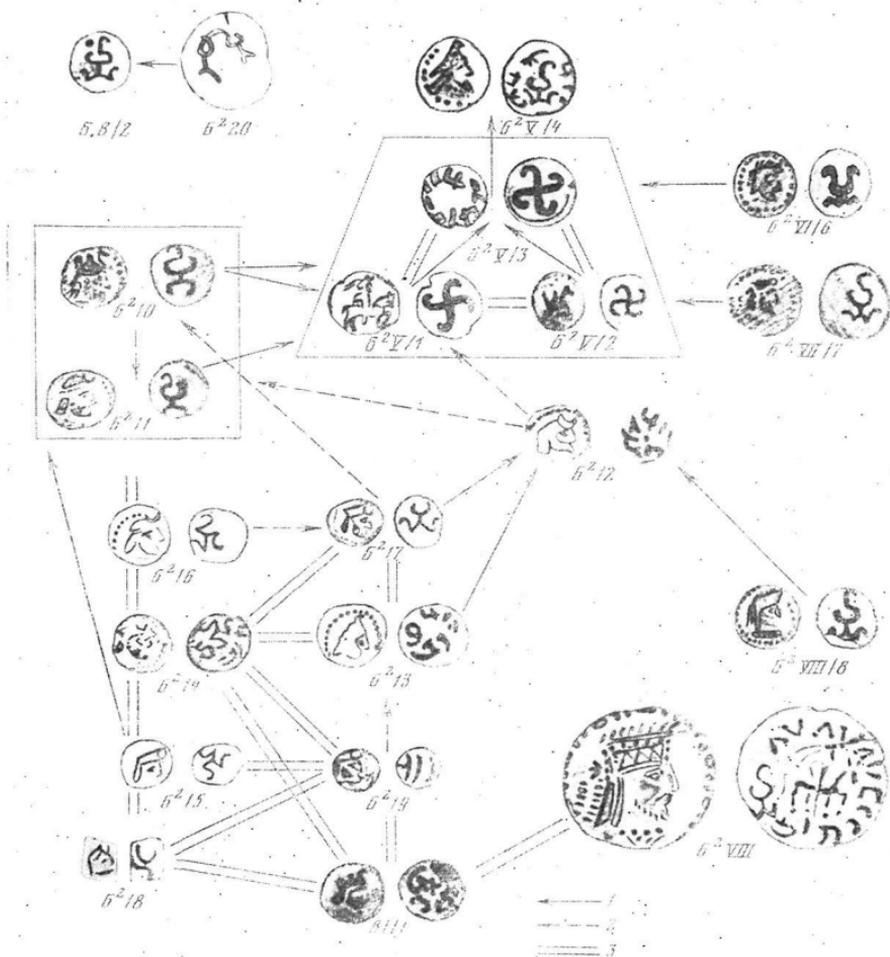

Рис. 60. Типы монет с городища Тоирак-кала и их соотношение

1 — перечекан; 2 — соотношение по данным стратиграфии; 3 — совместные находки.

ствуют выделенные нами дополнительно монеты типа Б²²² 6, нет их и в обильном подъемном материале на городище⁷. Вероятно, к этому комплексу могут относиться и не найденные пока кушанские монеты чекана Канишки и Хувишки. В шурфе у магистральной улицы

(квартал Б, помещение III—12) на материке была обнаружена стертая неопределяемая кушанская монета с S-видным надчеканом (в табл. — просто кушанская). Учитывая, что на недавно обнаруженных хорезмийских медных монетах типа Б²² S-видная тамга помещается там же, что и на монетах царя Артамуха, и аналогично надчеканам на кушанских монетах, можно сделать заключение, что надчеканка кушанских медных монет в Хорезме производилась в правление этого царя. Сравнение надчеканов (из 18 монет Кашкири надчеканен 1 экз. из 7 монет Хувишки — 3, из 35 монет Васудевы — 5, неопределяемых кушанских с надчеканом — 16, на мелких монетах, чеканенных по типу монет Васудевы, надчеканов не обнаружено) позволяет сделать заключение, что наибольший процент их падает на монеты Хувишки. Вероятно, правление Артамуха совпадает с обращением в Хорезме преимущественно монет Хувишки и началом обращения монет Васудевы. Справлением этого царя, очевидно, можно связывать и верхнюю дату I хронологического комплекса монет (представлены на нижних полах в помещениях I—5а, III—8а, III—7 и на улице 1).

Хронологический комплекс II содержит уже типы регулярных хорезмийских монетных выпусков Б^{2V}/4, 5, 3, 1, 2, Б^{2VI}/6, Б²¹¹, Б²¹⁰, Б²¹², Б²¹³ (порядок перечисления соответствует относительной хронологии монетных выпусков), а также в небольшом числе кушанские монеты чекана Васудевы. В одном случае, возможно, монета была надчеканена S-видной тамгой (ДК № 45). Подобный хронологический набор типов известен в Хорезме по подъемному материалу из окрестностей Кош-Парсана и Беркут-калинского оазиса. Близкий набор был получен и на городище Куя-Уаз⁸. Начальная дата этого комплекса вряд ли может быть отнесена ранее чем к середине III в. н. э., так как, за исключением монет Васудевы, наиболее ранним в нем являются выпуски царя Вазарма, датируемые последней третью III в. н. э.⁹ Шесть случаев совместных находок монет хронологических комплексов II и III в одном слое (см. табл.) указывают, как нам кажется, на непрерывность жизни города в это время. Монеты хронологического комплекса II в чистом виде представлены на ряде полов в помещениях I—5, III—7 и III—11, V—1, 1а и VI—1 (см. табл.).

Хронологический комплекс III (типы монет Б²¹⁷, Б²¹⁴—16, Б²¹⁹, Б²¹⁸, Б^{2VII}, VI/1) характерен для верхних слоев всех раскопок. Особенно обильны находки монет типа Б²¹⁴—16 и Б²¹⁹. Тип VI/1 представлен только 2 экз., один из которых при переконе попал в ниж-

ний слой (КТ № 772). Серебряная монета этого царя обнаружена в подъемном материале на городище (ДК № 49). Может быть, выпусками этих монет датируется самый верхний слой массовой застройки на городище, на смену которому пришла уже лишь частичная застройка в более позднее (афригидское) время.

Для абсолютной хронологии комплекса III данных очень мало. В 1974 и 1975 гг. при раскопках цитадели Дильберджина в Северном Афганистане (раскопки И. Т. Кругликовой) в двух помещениях (162 и 167, раскоп С VI) были найдены две хорезмийские медные монеты типов Б²¹⁶ и Б²¹⁴ или 15. В помещении 167 на одном полу с хорезмийской монетой лежали еще три неопределенные мелкие монеты типов, обычных для сасанидо-кушанской и кушано-сасанидской серий¹⁰. В помещении 167, кроме того, были найдены еще кушанская и сасанидо-кушанские по типу монеты. Вообще помещения раскопа С VI на Дильберджине на вскрытых в 1974—1975 гг. участках содержат кушанские монеты, монеты, чеканенные по типу Васудевы, и сасанидо-кушанские¹¹, что дает нам определенные основания синхронизировать хорезмийские монеты выпусков Б²¹⁴—16 с кушано-сасанидскими и сасанидо-кушанскими монетами. Но хронология последних в свою очередь довольно широка и не очень четка¹². Тем не менее она может дать некоторые ориентиры. Кушано-сасанидские правители, во всяком случае, прекратили чеканить монету в середине V в. н. э. (около 459 г.)¹³, поэтому мы имеем основание датировать хорезмийские монеты типов Б²¹⁴—16 не позже середины V в. н. э. Учитывая широкое распространение монет этих типов на верхних полах раскопок, следует, очевидно, признать верхней (поздней) датой III хронологического комплекса монет с городища Топрак-кала середину V в. н. э. Следует отметить, что из четырех найденных в настоящее время в Хорезме кушано-сасанидских монет три обнаружены на городище Топрак-кала. На некоторых раскопанных участках жизнь, вероятно, продолжалась еще какое-то время, на что указывают найденные в небольшом количестве монеты типа VI/1 и, возможно, Б²⁹ (КТ № 229) и даже монеты VII в.

Таким образом, можно предложить в достаточно общем виде следующие даты для выделенных комплексов монетных находок: I—II в.—начало—первая половина (?) III в. н. э.; II—от середины III в. до середины IV в. (последняя дата дается условно); III—от середины IV в.—до середины V в. (для ряда помещений — VI в.).

Между комплексами I и II хронологический разрыв очень невелик, но он ощущается

Квартал Б, раскоп	I										II									
	1			5			5a	5б		6	10	1	2	3	4	5	6	7	8	
	1	3	4	1	2	6	6	7	8	2	1	2	1	1	1	яма 2	2	6	2	
Б. В/2 Б ²⁰ Б ²¹ Кушанская							+												+	
Васулева Б ¹ V/4 Б ² V/5 Б ² V/3 Б ² V/1 Б ² V/2 Б ² V1/6 Б ²¹¹ Б ²¹⁰ Б ²¹² Б ²¹³			+			+			+	?										
Б ²¹⁷ Б ²¹⁴ Б ²¹⁵ Б ²¹⁶ Б ²¹⁹ Б ²¹⁸ Б ² VIII В1/1		+						+			+		+	+	+		+		+	
Б. В/3						+														

Квартал Б, раскоп	V										VI														
	1	1a	4 *			6		9	10		1	1a	3	10 *			12		13						
	5	2	1	2	3	4	5	(клад 2)	3	4	1	2	1	1	3	1	2	4	5	5	2	3	5	7	
Б. В/2 Б ²⁰ Б ²¹																									
Васулева Б ² V/4 Б ² V/5 Б ² V/3 Б ² V/1 Б ² V/2 Б ² V1/6 Б ²¹¹ Б ²¹⁰ Б ²¹² Б ²¹³				+			+									+				+			+	+	
Б ²¹⁷ Б ²¹⁴ Б ²¹⁵ Б ²¹⁶ Б ²¹⁹ Б ²¹⁸ Б ² VIII В1/1				+	+				+				+	+		+		+	+	+	+	+			
Б. В/3 Б ⁹																									

* Знак * отмечает случаи нарушения стратиграфии монетных находок.

по материалу. Во-первых, отсутствуют местные находки монет комплексов I и II, что фиксируется при переходе от комплекса II к III. Во-вторых, лет не только весьма редких монет типа Б²²², но и более ранних, чем Васудева, кушанских монет. Может быть, такая подборка типов достаточно случайна и объясняется небольшой площадью вскрытых ранних слоев.

Последний вопрос, на который следует обратить внимание в связи с анализом монетных находок, это соотношение выделенных на городище комплексов с находками монет из дворца и Северного комплекса Топрак-калы¹⁴. Первому хронологическому комплексу монет с городища, по всей видимости, хронологически соответствуют прежде всего монетные находки с «Северного комплекса», где найдены кушанские монеты Вимы Кадфиза (впервые в Хорезме!), Хувинки с S-видным надчеканом и медная хорезмийская монета типа Б²²⁰. Во дворце Топрак-калы хорезмийские монеты, характерные для выделенного комплекса, отсутствуют, лишь на поверхности дворца была найдена одна монета типа Б²²⁰ (КТ № 743). Но зато здесь представляются находки кушанских монет Канишки и Хувинки без надчеканов¹⁵. Наличие этих монет во дворце позволяет датировать ранние комплексы дворца временем, предшествующим второму хронологическому комплексу монет с городища, так как к числу наиболее ранних монет в нем относятся кушанские монеты чекана Васудевы.

Отсутствие в материалах с городища кушанских монет Канишки и Хувинки вызывает недоумение. Но следует обратить внимание, что среди обильного подъемного материала с городища известно всего семь экземпляров кушанских монет, среди них монеты Канишки отсутствуют. Отмеченное противоречие между монетными находками во дворце и на городище, может быть, найдет объяснение в отсутствии сплошной застройки города в первой половине III в. н. э. или в каких-то коренных перестройках в нем.

Монеты хронологического комплекса II представлены во дворце. Монеты Васудевы или подражания его чекану найдены в значительном количестве в помещениях дворца¹⁶. Следует отметить находку монеты Васудевы в растворе между кирпичами кладки коридора на южном склоне северо-восточного массива («башни») дворца. Монеты типа Б²¹¹ (примерно начало IV в. н. э.) найдены в трех помещениях дворца. Судя по находке монеты этого типа на полу заложенного помещения, прекрывавшего «шахту» (ДК № 48), еще одна существенная перестройка дворца осуществлялась вскоре после Вазамара. Так что представ-

ленные во дворце монеты хронологического комплекса II с городища соотносятся не только раннему периоду существования дворца, но и времени его перестройки. Монеты комплекса III (два экземпляра) связаны, возможно, уже с освоением отдельных заброшенных помещений дворца.

Как уже неоднократно отмечалось, нумизматические материалы не противоречат датам документов из архива дворца Топрак-калы, данных по хорезмийской эре; они приходятся на период от 188 до 231 гг. этой эры¹⁷, что укладывается в пределах III в. н. э. (от конца двадцатых—начала сороковых до начала семидесятых—середины восьмидесятых годов III в. н. э.). Монетные находки, отмечавшиеся выше, как нам представляется, дают основание считать, что начало постройки и, возможно, освоение некоторых помещений дворца можно отнести ко второй половине II в. н. э. (время обращения в Хорезме монет Канишки и Хувинки без надчеканов). Частичная перестройка дворца (закладка шахты и т. д.) происходила скорее всего в самом конце III в. или на рубеже III и IV вв., но не позже начала IV в. н. э. Перестройка крепостных стен, если основываться на нумизматических материалах, произошла несколько раньше — около середины—начала второй половины III в. н. э.

Дополнительный каталог

Настоящий каталог дополняет Каталог монет древнего Хорезма, изданный ранее, в связи с чем полное описание типов монет здесь не приводится. Монеты из раскопок городища Топрак-калы, опубликованные в Дополнительном каталоге, упоминаются с ссылкой на номера Каталога (КТ), но помещаются в разделе о соответствующем типе монет.

Нумерация раскопок, помещений и прочих археологических объектов приводится по архивной документации¹⁸.

В связи с тем что в настоящий Дополнительный каталог (ДК) включены монеты только из раскопок городища Топрак-калы, при указании места находок отмечаются лишь квартал и номер раскопа.

Соотношение осей литевой и оборотной стороны, указание места надписи или тамги на монетном кружке приводятся по дифровому циферблату. Вес указан в граммах, диаметры — в миллиметрах.

Принятые сокращения: Кт — Каталог¹⁹; О, П, С, X — соответственно: обломана, плохая, средняя, хорошая — для обозначения сохранности монет; пом. — помещение; Т — тамга; К — корона. Тип тамги или короны обозначен, соответственно, цифрами.

№ пп	Особенности лицевой стороны	Особенности оборотной стороны	Сохранность	Металл	Диаметр	Вес	Сопоставительные осы	Место находки	Примечание
	Тип B ^{2V} /1 КТ № 23								
	КТ № 24								
	КТ № 25								
1.	Четкое изображение, на голове всадника различны полумесяц. Штемпель сдвинут Тип B ^{2V} /2 КТ № 73	Обычная тамга	C	Медь	19	2,95	—	Квартал Б, раскоп I, пом. 5, пол 2 Квартал А, раскоп I, пом. 5, из закладки над полом 5 Раскоп у западной крепостной стены, у ее основания внутри городища Квартал Б, раскоп III, пом. 11, пол 3	
2.	Сильно потерта	Сильно потерта	П	»	14,5	1,04	—	Квартал Б, раскоп V, пом. 4, пол 1 Квартал Б, раскоп III, пом. 5, пол 2	
3.			C	»	16	1,27	—	Квартал Б, раскоп III, пом. 5, пол 3	
4.	Очень хорошее изображение верблюда в короне, волосы царя изображены в виде кониц из точек		X	»	14,5	1,39	—	Квартал Б, раскоп VI, пом. 40, поверхность пола 2	
5.		Возможно, есть следы перечекана	X	»	15,5	2,92	—	Квартал Б, раскоп III, пом. 7, пол 2 Улица между кварталами А и Б, верхний гумусный слой Там же, второй слой	
	КТ № 74								
	КТ № 75								
	Тип B ^{2V} /3 КТ № 129								
6.	Тип B ^{2V} /4 Портрет царя обычного типа	Различимы следы букв имени царя, тамга стерта	П	»	13	1,78	?	Квартал Б, раскоп I, пом. 1, пол 4	
7.		Следы букв имени и очень потертое изображение тамги в центре	»	»	17,5	2,85	6	Квартал Б, раскоп VI, пом. 13, пол 7	
8.	Тип B ^{2VI} /6 Сильно потерта		»	»	16,5	2,99	7	Квартал Б, раскоп III, пом. 7, пол 2	
9.	Портрет бородатого царя	Тамга несколько повреждена	X	»	19,5	3,07	12	Квартал Б, раскоп III, пом. 7, пол 3	
10.		Возможно, перечекан	»	»	18	1,57	2	Квартал Б, раскоп III, пом. 11, пол 4	Форма монеты не совсем правильная
	КТ № 199							У пересечения центральной улицы и боковой (между кварталами А и Б), поверхность	

№ п/п	Особенности лицевой стороны	Особенности оборотной стороны	Сохранность	Металл	Диаметр	Вес	Состояние осей	Место находки	Примечание	
11.	Тип В ² VIII КТ № 218	Сильно потеря	С	медь	14,5	1,57	7	Квартал Б, раскоп I, пом. 6, слой над полом	Совместная находка с типом В ² 13	
	Тип В ² 9 КТ № 229							Квартал А, раскоп I, пом. 1, пол 1		
12.	Тип В ² 10 Портрет безбородого царя. В короне горбы верблюда переданы зубцами		П	»	12	3,0	6	Квартал Б, раскоп III, пом. 5, пол 3, у западной стены		
	Сильно потеря		П	»	12	3,0	6	Квартал Б, раскоп III, пом. 11, пол 1		
	КТ № 286							Квартал Б, раскоп IV, пом. 1, пол 4, в ю.-з. углу		
	КТ № 267							Квартал Б, раскоп VI, пом. 1, из завала над полом 1		
	КТ № 268							Квартал Б, раскоп VI, пом. 3, пол 3		
13.	Очень четкое изображение. Лицо царя безбородо			Х	»	14	1,22	11		Квартал Б, раскоп VI, пом. 10, пол 5, у хума 9
14.	Испорчена, может быть тип В ² 11			П	»	15	1,1	?		Квартал Б, раскоп VI, пом. 13, пол 3
	Тип В ² 11 КТ № 321									Квартал Б, раскоп V, пом. 1а, пол 2
	КТ № 322									Квартал Б, раскоп VII, пом. 3, слой поверхностной зачистки
	Тип В ² 12 КТ № 351									Квартал Б, раскоп I, пом. 5, пол 1
	КТ № 354							Квартал А, раскоп I, пом. 6, из заполнения над полом 1		
	КТ № 352							Квартал Б, раскоп II, пом. 5, пол 2, яма		
	КТ № 353							Квартал Б, раскоп IV, пом. 2, пол 3		
15.		Легенда различима вся, кроме первого знака в имени царя	»	»	14	1,47	—	Квартал Б, раскоп V, пом. 1, пол 5		
16.		Вся легенда	»	»	14	3,78	—	Там же, пом. 9, пол 4		
17.	Тип В ² 13 Потерта	Сохранилась вся легенда, неясно написание последнего знака в имени царя	П, О	»	16	2,9	—	Квартал Б, раскоп III, пом. 11, пол 1	Совместная находка с типом В ² 10	
18.	Потерта	Легенда сохранилась полностью, кроме последнего знака в титуле	П	»	15	1,47	—	Квартал Б, раскоп III, пом. 11, пол 2		

№ п/п	Особенности лицевой стороны	Особенности оборотной стороны	Сохранность	Металл	Диаметр	Вес	Соотношение осей	Место находки	Примечание
	КТ № 381							Квартал Б, раскоп IV, между пом. 1 и 2, яма № 1	
	КТ № 382							Квартал Б, раскоп V, пом. 4, пол 2	
	КТ № 383							Там же	
	КТ № 384							Там же, пол 3	
	КТ № 385							Квартал Б, раскоп V, пом. 6, пол 3	
	Тип B ² 14								
	КТ № 488							Квартал А, раскоп I, пом. 1, пол 4	
	КТ № 428							Квартал А, раскоп I, пом. 3, завал над полом 1	
	КТ № 429							Квартал А, раскоп I, пом. 4, мягкий слой под закладкой	Совместная находка с типом B ² 17
	КТ № 430							Там же	
19.	Сильно повреждена	Тамга и следы надписи вокруг нее	П	медь	13	2,23	—	Там же	
	КТ № 432							Квартал Б, раскоп I, пом. 10, пол 1	
	КТ № 439							Квартал Б, раскоп II, пом. 3, завал над полом 1	
	КТ № 433							Там же, пом. 8, над полом 2	
	КТ № 434							Квартал Б, раскоп III, пом. 5, пол 1	
	КТ № 436							Там же, пол 2	
	КТ № 437							Квартал Б, раскоп V, пом. 4, пол 2	
	КТ № 435							Там же	
20.	Потерта	Тамга Т8 и часть надписи: sy'w. . . r ³	С	»	13	1,72	—	Там же, пол 3	
								Квартал Б, раскоп VI, пом. 10, пол 1, в 5 м от северной и 6 м — от западной стены	
21.	Изображение сдвинуто на 7—8 ч.	Надпись: sy'ws?	Х	»	13,5	1,95	—	Там же, пол 4	
22.			П	»	12, овальная	0,87	—	Там же, пол 5	
23.	Сильно потерта, может быть, B ² 16		»	»	14,5	2,34	—	Там же, у западной стены	
24.			П, О	»	11	0,96		Квартал Б, раскоп VI, пом. 13, пол 2, возле хума 2	
25.	Ободок линейно-точечный	Надпись: sy'wsp'g. . . k'	Х	»	13,5	1,73	—	Там же, из заполнения над полом 3	
	КТ № 438							Квартал Б, раскоп VII, пом. 2, проход, пол 6	
	Тип B ² 15								
	КТ № 490							Квартал А, раскоп I, пом. 1, пол 4	
	КТ № 491							Квартал А, раскоп I, поверхность закладки над пом. 3	

№ п/п	Особенности лицевой стороны	Особенности оборотной стороны	Сохраняемость	Металл	Диаметр	Вес	Составляющие слои	Место находки	Примечание
	КТ № 492							Квартал Б, раскоп II, пом. 2, пол 1	
	КТ № 493							Квартал Б, раскоп II, пом. 6, пол 2	
	КТ № 557							Квартал Б, раскоп III, пом. 4, пол 2	
	КТ № 494							Квартал Б, раскоп V, пом. 4, пол 2	
	КТ № 495							Квартал Б, раскоп VI, пом. 1, из завала	
	КТ № 496							Там же, пом. 1А, пол 1 (третья обмозка)	
26.	Тип Б ² 16 Возможно перечекан по надписи.		X	медь	13, овальная	2,21	—	Квартал Б, раскоп I, пом 56, пол 2, у задней стенки очага (отметка +299)	
	КТ № 565							Квартал Б, раскоп III, пом. 3, пол 2	
	КТ № 566							Там же, пом. 5, пол 2	
	КТ № 564							Там же	
	КТ № 567							Квартал Б, раскоп IV, пом. 1, в забутовке над полом 2	
	КТ № 568							Квартал Б, раскоп V, пом. 4, пол 2	
27.		Возможно, перечекан	X	»	10,5	1,12	—	Квартал Б, раскоп V, пом. 9, пол 4	
28.		Следы тамги	П	»	14,5	1,77	—	Там же, пом. 10, пол 2	
	КТ № 569							Квартал Б, раскоп VI, пом. 1, пол 1	
29.			»	»	10	1,07	—	Там же, пом. 12, пол 5, у северной стены	
	Тип Б ² 17								
	КТ № 602							Квартал А, раскоп I, пом. 1, пол 2.	
	КТ № 603							Там же, пом. 2, пол 1	
	КТ № 604							Там же, пом. 4, мягкий слой под закладкой	
	КТ № 605							Там же	
	КТ № 606							Там же	
	КТ № 607							Квартал Б, раскоп I, пом. 1, пол 3	
30.	Может быть, перечекан или двойной чекан с поворотом штампера	Тамга немного повреждена	С	»	8,5	0,54	5	Квартал Б, раскоп III, пом. 10, пол 2	Совместная находка с типом Б ² 14
	КТ № 608							Квартал Б, раскоп IV, пом. 1, пол 2	
	КТ № 609							Там же	
	КТ № 610							Квартал Б, раскоп V, пом. 4, пол 3	
	КТ № 611							Квартал Б, раскоп VII, пом. 1, верхний слой забутовки над полом 2	

№ п/п	Особенности лицевой стороны	Особенности оборотной стороны	Сохранность	Металл	Диаметр	Вес	Секционные осей	Место находки	Примечание
	<i>Тип Б²¹⁸</i> КТ № 653							Квартал Б, раскоп I, пом. 1, пол 1	
	КТ № 654							Квартал Б, раскоп II, пом. 3, завал над полом 1	
	КТ № 655							Там же, пом. 6, пол 2	
	КТ № 656							Квартал Б, раскоп VI, пом. 4А, пол 1	
	<i>Тип Б²¹⁹</i> КТ № 672							Квартал Б, раскоп II, пом. 1, завал над полом 2	
	КТ № 673							Там же, пом. 3, завал над полом 1	
	КТ № 674							Там же, пом. 4, забутовка над полом 1	
	КТ № 675							Там же	
	КТ № 676							Квартал Б, раскоп III, пом. 1, пол 2	
	КТ № 678							Там же, пом. 5, над поверхностным слоем	
	КТ № 677							Там же, пол 1	
31.		Легенда сохранилась целиком	X	медь	11	1,6	8	Квартал Б, раскоп III, пом. 7, пол 1	
32.	Очень графичный характер изображения	Вся легенда	»	»	12,5	1,2	12	Там же	
33.			»	»	9,5	1,43	3	Там же, пом. 10, пол 2	
	КТ № 679—701							Квартал Б, раскоп V, пом. 6, пол 2	Клад из 23 экз. односторонних монет
34.	Изображение сдвинуто вниз		C	»	11	0,85	11	Квартал Б, раскоп VI, пом. 10, пол 5	
35.	Сильно потерта		»	»	9×9, подквадратная	0,9	5	Квартал А, раскоп I, к северо-востоку от пом. 3, поверхностный слой	
	<i>Тип Б²²⁰</i> КТ № 734							Квартал Б, раскоп III, пом. 5, пол 1	
36.	Легенда видна полностью		»	»	14	2,56	—	Там же, пом. 8а, из слоя над 7 полом	
	<i>Тип Б²²¹</i>								
37.	Следы надписи с характерным начертанием букв		II	»	11,5×15, овальная	1,56	—	Квартал Б, раскоп I, пом. 5а, пол 6	
	<i>Тип В1/1</i> КТ № 771							Квартал Б, раскоп II, пом. 3, завал над полом 1	
	КТ № 772							Квартал Б, раскоп V, пом. 4, завал над полом 4	
38.		Небольшая часть надписи ушла за край монетного кружка	X	»	13	2,24	—	Квартал Б, раскоп V, пом. 10, пол 1	

№ п/п	Особенности лицевой стороны	Особенности оборотной стороны	Сохранность	Металл	Диаметр	Вес	Соотношение осей	Место находки	Примечание
39.	<i>Тип Б, В/2</i> В круглом картуше (диаметр — 14 мм), тамга Т4		X	медь	18	2,8	—	Квартал Б, раскоп II, пом. 7, пол 6, уровень +242	
40.			П, О	»	18	0,85	—	Улица между кварталами А и Б, из слоя с отметкой +270	
41.			С	»	18	3,24	—	Там же, слой 6	
42.	<i>Тип Б, В/3</i> Необычна передача торса — не фронтально, а строго в профиль	Перечекан, очевидно, по типу Б, В/2. Верх первоначальной тамги — на 8 часов	»	»	15×16 подквадратная	3,92	5	Квартал Б, раскоп I, пом. 5, пол 6	
	<i>Тип ГУ/9</i> КТ № 1050, подтип Б							Квартал А, раскоп I, поверхность смыва над пом. 3	
	<i>Уникальная</i> КТ № 1396							Квартал Б, раскоп VI, пом. 9, пол 2	
	<i>Кушанские</i> Канишка или Хувишка							Раскоп II (комплекс у подножья дворца), с поверхности пола помещения	См.: Вайнбер: Б. И., Монеты древнего Хорезма, с. 181, № 77
43.	Васудева. Следы стоящей фигуры царя Васудева.	Шива и бык Нанди	П, О	»	19,5	6,55	11	Квартал Б, раскоп VI, пом. 13, пол 5 Квартал А, раскоп I, пом. 5, слой под закладкой над полом 5	См. там же, № 30
44.	Васудева с надчеканами. Следы стоящей фигуры. Как будто бы два сильно стертых надчекана обычного типа на 3—4 и 8—9 часов	Следы Шивы с быком, надчекан на 3—4 часа	П	»	25	12,86	12	Раскоп у ворот, проход возле помещения, у наружной стены галлерей, пол 1	
45.	Сильно потертая. Возможно, Васудева. Следы надчекана	Слабые следы изображения и надчекана	»	»	21	5,35	—	Квартал Б, раскоп I, пом. 5б, пол 8	
46.	Сильно потертая. Следы стоящей фигуры с надчеканом на голове	Изображение стерто, сохранился только четкий надчекан	П	»	22,5	6,6	—	Квартал Б, раскоп III, пом. 12, пол на материке (шурф) (раскопки 1978 г.)	
47.	Сильно потертая монета по типу чекана Васудевы		П	»	17,2	2,48	—	Западная крепостная стена, стрельковый коридор с прямоугольными бойницами (раскопки 1967 г.)	
48.	<i>Добавления</i> Тип Б*11		С	»	13,5	1,65	12	Дворец, пом. 4 (1972 г.), на полу заложеной комнаты, перекрывавшей «шахту», отметка +13,56	

№ п/п	Особенности лицевой стороны	Особенности оборотной стороны	Сохраненность	Металл	Диаметр	Вес	Состояние монеты	Место находки	Примечание
49.	Тип VI. Портрет близок к типу B ² VII, корона довольно округлых очертаний, повреждена борода	Голова всадника расположена между двумя лигатурными в надписи. Надпись обычного типа, в титуле отсутствует последний знак, может быть, просто не поместился	C	серебро	27	6,22	1	Северо-западная часть городища, подвешенная с поверхности	

¹ Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М.: Наука, 1977.

² Там же.

³ Там же, ч. 1, гл. III.

⁴ См. например: Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма, табл. XV; а также ДК в настоящей статье.

⁵ Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма, с. 64, 87 и сл.; Она же. Первые выпуски медных монет в древнем Хорезме. — В кн.: Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979, с. 47—48.

⁶ Вайнберг Б. И. Первые выпуски... с. 47.

⁷ Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма, с. 101, табл. 5.

⁸ Там же. Указатель распределения типов монет по археологическим памятникам (с. 186—187).

⁹ Там же, с. 64.

¹⁰ Вайнберг Б. И., Кругликова И. Т. Монетные находки из раскопок Дильберджина. — В кн.: Древняя Бактрия: Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969—1973 гг. М.: Наука, 1976, с. 172—182.

¹¹ Благодарю И. Т. Кругликову за возможность ознакомиться с этим материалом.

¹² Луконин В. Г. Кушано-сасанидские монеты. — ЭВ, 1967, XVIII, с. 16 и сл.; Он же. Культура сасанидского Ирана. М.: Наука, 1969, с. 130 и сл.

¹³ Вайнберг Б. И. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV—V вв. (в связи с запуском Кара-тепе). — В кн.: Буддийский культовый центр Кара-

тепе в старом Термезе. М.: Наука, 1972, с. 150—151, табл. 1.

¹⁴ Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма, с. 88, 101 (табл. 5); Рапопорт Ю. А., Геррман А. Н. Работы на Топрак-кале. — АО 1976 г., 1977, с. 539.

¹⁵ Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма, Каталог (см. Указатель).

¹⁶ Аналогичные находки есть и на полу коридоров в западной крепостной стене, а также на полу стрельковой галереи с прямоугольными бойницами (ДК № 47).

¹⁷ Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма, с. 88. Все соображения о начальной дате хорезмийской эры изложены там же, новых материалов для уточнения ее после публикации этой работы не появилось.

¹⁸ Поскольку ДК — продолжение Каталога монет древнего Хорезма, мы придерживаемся принятой там нумерации помещений, которая соответствует используемой в главе I, но является более развернутой (например, раскоп I помещение 3 в ДК — помещение 1—3 в главе I). Упоминаемые в ДК под номерами 14, 25, 30 помещения 1а раскопа V и VI являются частями помещения 1 раскопа V и VI. Помещение 10 раскопа V (№ 38) — часть помещения 9 раскопа V. Подробнее об этом см. в главе I.

¹⁹ Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма, с. 103—175.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ГОРОДОВ И ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕГО ХОРЕЗМА В СВЕТЕ РАСКОПОК ГОРОДИЩА ТОПРАК-КАЛА

Изложенные в книге материалы позволяют наметить основные этапы истории города. Мы постараемся теперь рассмотреть их в тесной связи с проблемами исследования городов позднеантичного Хорезма и вопросами формирования кушано-афригидской культуры (IV—VI вв. н. э.), для изучения которой в итоге раскопок города впервые появился массовый материал, происходящий из культурных слоев.

Сравнительное изучение всей совокупности полученных сведений показало, что в истории города выделяются два этапа. Первый может быть охарактеризован по материалам из нижнего горизонта и относится ко II—III вв. н. э. Это время строительства и расцвета города.

Топрак-кала — один из значительных по площади городов Хорезма (17,5 га). Лишь такие крупнейшие городские поселения хорезмийской древности, как Кюзели-гыр (25 га) и Калалы-гыр (70 га), много превышали его размеры. Крупнее были Гульдурсун-кала (35 га) и Базар-кала (31,3 га), примерно равны древнебактрийская Зар-тене (16 га)¹, Старая Ниса без пригородов (18 га)² и др.

Прямоугольный абрис города с многочисленными башнями, мощной цитаделью и регулярной планировкой вводит его в широкий круг древневосточных памятников. Особенности внутренней застройки с симметрично расположенными относительно единственной центральной магистрали кварталами ставят Топрак-калу в один ряд с такими правильно распланированными городами древности, как древнеиндийские центры Харашпской цивилизации, Таксила (Сиркап)³, эллинистические Дура-Европос⁴ и др. Происхождение правильной, так называемой регулярно-сетчатой планировки («решетки») многие исследователи связывают с именем Гипподама Милетского. Прямым отражением эллинистических градостроительных идей является план Дура-Европос, который, по мнению Г. Гопкинса, строго следует схеме Гипподама⁵. К ней же, по А. Габриелю, восходит план западной части Пальмиры⁶. Однако если особенности планировки этих двух городов закономерно связывать с традициями элли-

низма, то уж никак нельзя исходить из такого предположения применительно к древнеиндийским городам, столь же строго распланированным. Известно, что, согласно древнеиндийским письменным источникам, существовало представление об идеальном городе с заранее описанным расположением его отдельных частей. Основными линиями на территории города должны были быть три главные улицы, пересекавшие его с запада на восток и три — с севера на юг. Определялись зоны для ремесленников, воинов, рынков и т. п.⁷

Материалы о планировке древнеиндийских городов времени Кушанов по письменным источникам и археологическим данным собраны в статье Б. А. Литвинского⁸, что избавляет нас от необходимости их изложения. Видимо, следует согласиться с его выводом: регулярно-сетчатая планировка могла иметь местные истоки и не зависеть от какого-либо внешнего культурного воздействия.

Добавим, что строго распланированные города существовали и в древнем Египте, но это были «города мертвых» (Гиза, Кахун). В данных «городах» все строения были стандартизированы, сгруппированы в заранее спланированные зоны⁹. Профессор Опенгейм пишет следующее: «Желание расположить солдат и рабочих в регулярно поставленные бараки привели, например, к определенному рисунку рабочих кварталов в Кахуне и Амарне в Египте и рабочих кварталов в цитадели Харашпы. Военная, так же как и церемониальная, организация требуют правильности в устройстве, так же как и план некрополей, например в Египте»¹⁰. Некоторые исследователи архитектуры и планировки египетских городов даже полагают, что ортогональный (регулярно-сетчатый) план греческих городов происходит из Египта¹¹.

К числу городов описываемого типа относится также Мерв III в. до н. э.—III в. н. э.¹² В древнебактрийских городах пока никаких следов «решетки» не выявлено, однако замечено, что внутриквартальная застройка и уличная сеть следовали единым направлениям, со-

ответствовавшим в основном ориентации крепостных стен¹³. Однако Топрак-кале ближе всего, как нам кажется, такие древневосточные города, как Борсиппа и Хорсабад, с правильной сеткой кварталов и единственной центральной улицей, ориентированной, как и на Топрак-кале, с севера на юг¹⁴.

Полагают, что направление улицы определялось расположением «священного участка» — укрепленного внутреннего города с храмами и административными зданиями типа древнегреческого теменоса, лежащего в противоположном от ворот конце¹⁵. Только эта центральная улица и могла быть мощеной. Существует также предположение, что и сама необходимость в такой широкой улице возникла с изобретением колесниц, возможно, участвовавших в священных процессиях или в маршах солдат¹⁶. Если напомнить, что центральная улица Топрак-калы вела от ворот к входу в цитадель (где находился храм огня, а рядом располагался городской храмовый квартал) и есть основание полагать, что она была мощеной, то в планировке города можно найти соответствие вышесказанному.

Правильно распланированные города хорошо приспособлены к жаркому климату, хотя, разумеется, нельзя считать данное обстоятельство главной причиной возникновения регулярной-сетчатой планировки. Тем не менее ориентация улиц соответственно направлению господствующих ветров, может быть, и сыграла определенную роль при создании схемы «идеального» города. Во всяком случае, такую ориентацию предусматривала «Милянда-Паньха»¹⁷.

Замечено также, что цитадели и кварталы, где находилась жилища знати, находились в древневосточных городах в северо-западной части, откуда дули благоприятные ветры¹⁸. Число совпадений в принципах планировки и размерах ее элементов можно умножить. Так, повторяются или очень близкими оказываются основные цифры, характеризующие размеры отдельных частей правильно спланированного города: ширина боковых улиц около 4 м и центральной 9—10 м (Дура-Европос, Пальмира, Таксила, урартские города)¹⁹. Возможно, что эти размеры лучше всего соответствовали условиям жизни в городах рассматриваемого типа, если не считать правдоподобным сохранение в столь отдаленных во времени и пространстве пунктах основ общей схемы «идеально распланированного» города. На сохранение на протяжении многих столетий стабильных цифр, характеризующих, например, размеры многокомнатного дома или города на равнине, обратил внимание Л. Мамфорд, который считает, что данные размеры лимитировала, по-

мимо запасов продовольствия и воды, система коллективной связи, причем определенные пределы их зависели от того, сколько человек могло поместиться во время праздничных церемоний внутри священного участка или быть созданными туда голосом²⁰.

Глубокие древневосточные традиции сохраняются, как отметил С. П. Толстов, в архитектурном оформлении Топрак-калы с ее вертикальным членением стен выступами-лопатками, мощными разновысокими объемами двorca, крепостных стен и городских построек²¹. Прием обработки внешних фасадов стен лопатками и пилястрами оказался очень живучим, удерживаясь в крепостной архитектуре Средней Азии в течение многих сотен лет (Афрасиаб, Хазарасп, Дурнали и др.), причем Топрак-кала относится к числу наиболее поздних примеров городов с подобным образом оформленными стенами.

Высокие искусственные платформы под цитадели и храмы также, как известно, одна из наиболее характерных черт архитектуры Древнего Востока, в том числе и среднеазиатской, причем наиболее мощные искусственные платформы — отличительная черта именно древнемесопотамской архитектуры²².

Цитадели среднеазиатских древних городов исследованы еще очень мало. Полагают, что они являлись местом сосредоточения административных зданий, различных служб при находившемся там дворце правителя, складов, построек для гарнизона²³. Таковой, как теперь постепенно выясняется, была цитадель древнего Мерва²⁴. Исследователи древнемесопотамских городов отмечают подчас огромные размеры цитадели при сравнительно скромных размерах города: «Не было жертвы, которая казалась бы чрезмерной для утверждения престижа и власти»²⁵. Поэтому развитие города от цитадели (а не от деревни) — «путь насилия и войны»²⁶.

В оформлении цитаделей передневосточных городов отразилось, как полагают, большое значение религиозных верований в жизни населения, в частности концепция «священной горы» с небесной благодатью, доминирующая роль которой на Ближнем Востоке объясняется происхождением древних ближневосточных культур, которое связывается с выходцами из горной местности²⁷. Культурная символика в архитектурно-планировочном решении древнехорезмийских городов пока почти совсем не выявлена, по она, несомненно, должна была учитываться при строительстве Топрак-калы в силу специфики этого города (средоточие культурно-мемориальных ансамблей во дворце, его роль в жизни страны)²⁸. В целом же назначение и облик цитадели в древнехорезмий-

ских городах выяснены пока не достаточно. Цитадель Баазар-калы представлялась незастроенной и служившей местом укрытия в случае опасности, и ритуальных действий — в остальное время²⁹. Однако этот вопрос требует специального исследования, так как до раскопок данной цитадели трудно судить о степени ее застроенности. Мощная цитадель Думан-калы, расположенной так же, как и Топрак-кала, в зоне канала Гавхоре, пока еще не обследовалась. В цитадели Топрак-калы, окруженной стеной с внутрискладным коридором, находились дворец, храм огня и какие-то совершенно разрушенные постройки. Часть из них, безусловно, имела служебное назначение. Об этом с очевидностью свидетельствует сама планировка вскрытой здесь постройки, состоявшей из двух коридоров, которую следует отнести к так называемому коридорно-гребенчатому типу. Видимо, она, как и все подобные строения, являлась казармой или хранилищем³⁰.

В начале исследований древнехорезмийских городов, когда появились лишь самые общие сведения о них, одной из своеобразных их черт было принято считать отсутствие там цитаделей или малое количество городов с цитаделями. Однако это впечатление сложилось в результате обследования окраинных археологических памятников типа Джанбас-калы или Акча-Гелина, социальная природа которых пока не ясна. Они возникли на месте селка земледельческого и скотоводческого населения и наилучшим образом демонстрируют мысль С. П. Толстова о большой роли обмена между этими группами населения в возникновении среднеазиатских городов: «Зачатки, из которых вырастает среднеазиатский город, это, с одной стороны, *refugium*, с другой — базар, причем и то, и другое очень рано освящается божественным авторитетом»³¹.

Скорее всего, это были зародыши будущих городов — военные пограничные форпосты, причем возле некоторых возникали неукрепленные поселения (Кургашино-кала, Буры-кала, Акча-Гелин, Ярбекир-кала). По мере роста последних данные укрепления могли превращаться в укрепленное ядро-цитадель будущего города. Таким образом, есть основания полагать, что сложение города возле укрепления — его будущей цитадели был для древнего Хорезма одним из распространенных путей развития. По этому городу с цитаделью скорее тишечен для страны, чем город без цитадели, однако до накопления новых материалов следует при исследовании этого вопроса воздержаться от категорических суждений.

Что же касается регулярной сетчатой планировки, то на фоне всего того, что известно о древнехорезмийском городе, она кажется не

правилом, а исключением. Если не считать Джанбас-калу и Акча-Гелин, которые можно рассматривать лишь в качестве первичной ячейки города этого типа (и к тому же подробности их плана в полной мере до раскопок неясны), то лишь в Хайван-кале можно увидеть ту же регулярность плана, что и в Топрак-кале: с правильной формы кварталами, симметрично расположенными в обеих половинах разделенного надвое единственной центральной магистралью города³². В Хайван-кале нет слоев ранее VII—VIII вв. н. э. и, следовательно, регулярно-сетчатая планировка удерживается в Средней Азии достаточно долго³³. Может быть, не случайно, что в обоих случаях она проявляется в крупных столичных городах. Напомним, что Хайван-кала являлась столицей области Кердер, располагавшейся в низовьях Амударьи³⁴ и сыгравшей важную роль в истории Хорезма начала VIII в. н. э. Впрочем, вопрос о возможности связать появление в Хорезме городов с правильной планировкой с событиями политической истории только ставится и далеко не разработан. Мы хотели лишь подчеркнуть многогранность этой проблемы.

Теперь об общих чертах плана города перейдем к рассмотрению его внутренней застройки в той мере, в какой это позволяло сделать небольшие масштабы раскопок.

Вскрытая в городе застройка, как это было показано в первой главе, относится в основном к IV—VI вв. н. э. О ранних постройках города имеются лишь отрывочные сведения, которые, тем не менее, кажутся нам весьма существенными.

Установлено, что первоначально жилища застройки были менее скученной, чем позднее. Возле восточной и западной стен города прослеживаются незастроенные пространства. Вероятно, подступы к крепостным стенам вообще сохранялись открытыми для удобства маневрировать в случае опасности. В северо-восточном углу находился бассейн, куда вода поступала из рва, окружавшего город. Никаких следов арычной системы не замечено, но, надо полагать, существовали колодцы. Один из них, засыпанный золой, открыт в квартале А.

Есть некоторые основания думать, что древнейшие постройки в квартале Б были более фундаментальными, чем последующие (одна из них включала помещения VI—1 и VI—3), причем направление оси запад—восток не совпадало с позднейшей ориентацией застройки в этом квартале. Возможно, что здесь, как и в квартале А, повторялся план построек в виде цепочки взаимосвязанных помещений. Если бы это оказалось так, то тогда бы в композиции храмовых и жилых построек проступала еди-

ная типологическая схема. Выше, в главе I, отмечалось, что по ряду признаков (находки алебастра, каменной базы колонны, статуэтки из слоновой кости) в квартале могли располагаться жилища состоятельных слоев населения. Однако до вскрытия больших площадей застройкой все это — только гипотезы. Зато достоверно установлено, что на всем протяжении раннего этапа истории города в юго-восточном углу квартала Б находилась мастерская по изготовлению луков. Следы каких-то ремесел сохранились и в некоторых помещениях, выходивших на центральную улицу и сильно разрушенных в результате позднейших перестроек. Признаки наличия бронзолитейного производства зафиксированы у стены цитадели в квартале А. Все это — важнейшие штрихи, затрагивающие вопросы о составе населения кварталов, роли и размещении ремесел в городе. Благодаря раскопкам древневосточных и, в частности, среднеазиатских городов все с большей полнотой в них выявляются кварталы состоятельных горожан из крупных многокомнатных домов и кварталы, занятые ремесленниками, места храмов в общегородской застройке и т. д.³⁵ Следует особо подчеркнуть, что во многих древневосточных городах на улицы выходили лавки-мастерские ремесленников. Так могло быть и на Топрак-кале. Ремесленные кварталы здесь не обнаружено, но до расширения масштабов раскопок полностью отрицать их существование там пока не приходится. Нельзя при этом упускать из виду, что такие ремесла, как гончарное, требуют особых условий и прежде всего — запаса воды. Кроме того, размещение печей в черте слитной застройки могло вызывать пожары. Поэтому кажется естественным, что большие гончарные мастерские, синхронные раннему городу, обнаружены именно в сельской местности. Видимо, керамические производства сосредоточивались в основном в пригороде, вне городских стен, хотя в небольших масштабах могли быть и в городе, судя по находкам керамических шлаков на поверхности городища.

Обратившись к вопросу о городской застройке Топрак-калы, необходимо иметь в виду главную особенность города: он являлся прежде всего культурно-административным центром, городом, сложившимся возле двух огромных дворцовых ансамблей (трехбашенный «высокий» дворец и так называемый Северный комплекс). Население города в значительной степени должно было состоять из разного ранга обслуживавшего эти дворцы персонала. Весьма вероятно, что по счастливой и редкой для исследователей древних городов случайности уцелевшие остатки дворцового архива содержат перечни городских домов-семей — «ВУТ», как

бы ни трактовать эти списки: как податные или лиц, подлежащих воинскому учету³⁶.

Эти документы проливают свет на столь важный вопрос, как структура городского квартала. Напомним, что согласно сделанной после первых исследований города реконструкции, квартал Топрак-калы представлял огромный дом-массив, состоявший из многочисленных разной величины помещений, чередовавшихся с открытыми дворами. Над каждым из таких домов-массивов возвышалась на кирпичном покое башня главы крупного родового коллектива, обитавшего в доме³⁷. Если основываться на данных документов, то естественнее предположить, что кварталы состояли из отдельных домовладений, причем, вероятно, преобладали крупные — не менее чем из 20—40 человек, включая и рабов. И действительно, в застройке жилого квартала в самом конце рассматриваемого этапа или в начале следующего мы видим большое домовладение, включавшее почти два десятка помещений. Если учесть, что распана треть квартала, то можно полагать, что в нем было от трех до шести таких домовладений. При этом мы исходим из предположения, что квартальная застройка в целом определялась едиными закономерностями, отражавшими социальную структуру населения, и восточная часть квартала была типична для его планировки в целом. Для подтверждения этого предположения можно привлечь данные о кварталах древних городов Средней Азии и соседних стран. Так, кварталы парфяских городов на территории Южной Туркмении — уже не многосемейные дома архаической поры, но множество индивидуальных строений³⁸. В целом распананых кварталах Таксилы (Сиркап, Сирсукх) располагалось различное число многокомнатных домов, чаще от трех до семи. Площадь среднего домовладения составляла 3600 кв. м, причем оно включало примерно два десятка помещений и несколько больших дворов³⁹. Примерно такая же картина наблюдалась в Дура-Европос в первые века н. э.⁴⁰ Многокомнатные жилища, распанываемые в Дальверзин-тепе, также превышают по площади топрак-калинские (их размеры 1500—2000 кв. м и более), но, видимо, они принадлежали населению более высокого ранга⁴¹. Определенные закономерности, послужившие основой для подсчетов их населения, наблюдаются в застройке жилых кварталов Пенджикента⁴².

Сопоставление данных дворцовых документов и особенностей застройки жилого квартала позволяет произвести предварительные демографические расчеты. Принимая за единицу подсчетов большое домовладение горизонта II, относимся, возможно, к чуть более позднему

времени, мы вряд ли допускаем большую ошибку, так как, согласно стратиграфическим наблюдениям, в период расцвета города населения там было не меньше, чем в последующее время. В большом домохозяйстве, занимавшем значительную часть раскопанной площади квартала, было не менее шести-семи жилых помещений, назначение которых определяется по наличию в них отопительных или кухонных очагов, столовой и кухонной посуды и прочих бытовых находок (помещения IV—2, III—5, VII—3, I—5A, I—3 и др.). Особенности планировки домохозяйства позволяют заключить, что оно принадлежало представителям зажиточного слоя населения, которые составляли привилегированную часть коллективов типа «ВУТ» документов. Такая группа включала, как указывалось, 20—40 человек взрослых. Примерно ту же цифру дают подсчеты, основанные на анализе планировки, если считать, что на одну брачную пару приходилась одна жилая комната⁴³. На остальные двух—трехкомнатные секции раскопанной части квартала должно было приходиться 30—40 человек, и в целом на этом участке могло жить 70—80 человек, а в квартале, соответственно, от 200 до 250 человек. Общая цифра жителей города могла составить примерно 2000—2500 человек, а плотность населения (учитывая, что незастроенные площади вдоль стен и бассейн в северо-восточном углу занимали 67500 кв. м) — более 200 человек на 1 га. Примерно к таким же выводам пришел В. А. Шишкин, рассчитывая плотность населения в раннесредневековой Варакше: у него получилось 285 человек на 1 га⁴⁴. Значительно плотнее, судя по подсчетам Г. Фрэнкфорта, были заселены древнемесопотамские города⁴⁵.

Нельзя не отметить, что при иной трактовке социальной структуры квартала приведенные цифровые данные очень близки полученным в результате первых археологических разведок на городище. Основываясь на анализе микроструктуры квартала, С. П. Толстов пришел к выводу, что большой родовой дом-массив состоял из 150—200 помещений, и этот итог совпадает с нашим: в раскопанной трети квартала вскрыто около 50 помещений. Нам кажется чрезвычайно интересным и другое наблюдение, сделанное во время первых исследований на городище, которое в свете этнографических и археологических сведений может приобрести новый смысл. С. П. Толстов заметил, что «некоторые из массивов с восточной стороны сливаются по два. Узкий, разделяющий такую пару переулок не доходит до конца, образуя тупик»⁴⁶. Но именно такой массив, согласно О. А. Сухаревой, и следует считать кварталом среднеазиатского города (в частно-

сти, средневековой Бухары) в отличие от европейских городов. В последних квартал — это застройка, ограниченная улицами, бухарский же квартал включал дома, стоявшие по обеим ее сторонам и отходящим от нее улочкам и тупичкам. Границы между кварталами проходили по задним сторонам обращенных на разные стороны улицы домов⁴⁷. К такому же выводу пришли и исследователи позднесредневекового Отрара. Квартал XVI—первой половины XVII в. определяется ими как участок улицы двора с выходящими на нее домами. Со стороны магистральных улиц и внутри этих жилых массивов кварталы, как правило, окружены глухими стенами, дома имели индивидуальный выход на внутриквартальную улицу⁴⁸.

В IV—VI вв. на городище Топрак-кала внутриквартальная первоначальная схема была нарушена, хотя ориентация на боковые межквартальные улицы 1 и 2 сохранилась, но в нижнем горизонте она была выражена яснее. Вместе с тем в этом случае мы должны были бы столкнуться с чрезвычайно интересным осмысленным регулярного плана города — с превращением боковых улиц в замкнутые дворники жилых кварталов.

Принципиально важным для понимания строя городской жизни и представления о культуре населения имеет открытие на городище близ цитадели квартала, занятого монументальными зданиями, как мы полагаем, культурного характера. Храмы занимали центральную часть квартала, возвышаясь посреди открытых площадей. Поздние храмы воздвигались на мощных платформах, в которые были превращены руины более древних, но и первоначальные здания также были поставлены на кирпичные доколы. Таким образом, как и в древневосточных городах, храмы были строго локализованы, и отправление культов традиционно происходило на одном и том же месте⁴⁹.

План самых древних зданий неясен, известно лишь, что частью их оформления были колонны, а стены отличались большой мощностью. Можно, однако, предположить, учитывая консервативность традиций в духовной и материальной культуре Хорезма, что они были похожи на более поздние культовые постройки в квартале, сохранявшие одну и ту же схему: цепочку помещений, соединенных широким осевым проходом. К тому же в планировке здания I, возникшего в конце первого этапа истории города или начале второго, можно найти много черт, сближающих его с культовыми постройками античной эпохи (используя этот термин в хронологическом смысле) Средней Азии и сопредельных районов. Рассмотрим их подробнее.

Монументальность здания I, отсутствие следов жилья резко выделяют его из прочей городской застройки, а особенности внутренней планировки сближают его с древневосточными культовыми постройками, в частности с южно-месопотамскими. В последних, как известно, целла, прнаос и расположенный на одной оси двор составляют основное ядро⁵⁰. Наиболее близок к топрак-калинскому храм Джандила II в. н. э. (Индия)⁵¹ и храм А в Ашуре⁵², датирующийся концом парфянского периода, посвященный Гераклу и воспроизводивший тип древних южно-месопотамских культовых построек. Основной чертой сходства с топрак-калинским зданием I, помимо самого плана (причем совпадают даже общие очертания и размеры помещений), является наличие известняковой вымостки против ниши. В Ашурском храме там находился постамент для культовой статуи. Наблюдаются соответствия и в деталях отделки помещений: алебастр — в Ашуре, особый состав обмазок — на Топрак-кале, обожженные керамические плитки и т. п.

Вместе с тем нам кажется бесспорным, что здание I являлось храмом огня. В связи с этим привлекает внимание особого устройства очаг в южной стене целлы, необычный для жилых помещений в квартале В. Это глубокое, узкое, нишеобразное, скорее всего, сводчатое углубление с выдвинутым вперед постаментом из сырцовых кирпичей. Сходный тип культовых ниш, в некоторых случаях оформленных трехчетвертными колонками, известен в культовом строительстве Бактрии⁵³. Здесь мог гореть неугасимый священный огонь подобно тому, как это известно по сведениям М. Бойс в зороастрийских храмах парсов. Она сообщает, что огонь хранился там в темном помещении внутри специального купольного сооружения, занимавшего большую часть этого помещения⁵⁴.

Находит объяснение и строительство необычной глухой стены посредине помещения 2 в здании I, против прохода в целлу. Она закрывала центральную нишу, где могло находиться какое-нибудь культовое изображение или жертвенник со священным огнем. Такие стены против входа известны в культовых постройках с глубокой древности. Они есть уже в знаменитом храме огня в Сузах, относящемся к эпохе Ахеменидов⁵⁵.

И, наконец, очень важный момент: большое количество чистого пепла вокруг храма и внутри него, а также следы огня на его полу и стенах. Наличие их могло бы объясняться пожаром (здание I, несомненно, сгорело), если бы не особый вид помещений, очага в одном из них, а главное — захоронения золы в ямах-колодцах вокруг здания. Если наши предположения верны, то мы впервые сталкиваемся

с дотоле неизвестным в Хорезме типом храмов. Больше того, если основания предполагать, что культовые сооружения подобной планировки строились в Хорезме и на его периферии с очень ранних времен. Так, на Чирк-рабате было раскопано так называемое квадратное здание III—II вв. до н. э. сходного плана с очень мощными кирпичными стенами (разница лишь в том, что проходы в здании на Чирк-рабате лежали не на одной оси). Обнаруженные в нем погребальные ямы, по мнению исследователя, относятся к более позднему времени⁵⁶.

Если первоначальный облик здания I все-таки ясен, хотя и сильно искажен последующими ремонтами и перестройками и проступает сквозь них в трудноузнаваемом виде, то очень нелегко определить, как было задумано его внешнее оформление. Находки баз колонн на периферии храма позволяют предположить, что это мог быть периптер типа ашурского⁵⁷. Не исключено также, что здание стояло в обводе коридора. Как показано выше, такой коридор шириной около 4 м вскрыт вдоль южной стороны храма, найдены его поворот на север и начало у западной стороны.

Восточная часть разрушена до основания, к северной стороне храма пристроено здание II, скрывшее нижележащие конструкции. Но если представить, что здание окружал коридор, то напрашивается ряд параллелей. Известно, что обводной коридор — постоянная черта многих древневосточных храмов⁵⁸. Работы Г. А. Пугаченковой показали, что храмы, дворцы и жилые постройки древней Бактрии развивают в разных вариантах единую типологическую схему: центральное ядро в виде большого зала с вестибюлем и айваном с колоннами, открывавшимся во двор, охваченное коридором или группой помещений⁵⁹. Этот принцип прослежен в планировке жилых домов и храмов Дальверзина⁶⁰ Дильберджина⁶¹, положен в основу дворцово-административного комплекса в Ай-Ханум⁶². Сходные композиции, по данным Г. А. Пугаченковой, развивались и в зодчестве Восточной Парфии⁶³. Не исключено, хотя этот вопрос и требует дальнейшего уточнения, что в ареал данной планировочной схемы следует включить и Хорезм первых веков н. э., но здесь проступает очень выдоизмененный ее вариант.

Таким образом, Топрак-кала представляет перед нами как крупный культовый центр с храмами разного ранга. Свои «священный огонь» был в цитадели при дворце. В городе существовал общегородской храм, и, наконец, есть много оснований полагать, что были и внутриквартальные небольшие святилища. Одно из таких святилищ нам как будто удалось

открыть, правда, в более позднем слое горизонта III (см. с. 35).

Несколько удивляет отсутствие терракот на городище, всегда сопутствовавших раскопкам памятников первых веков н. э. Может быть, это объясняется небольшими масштабами вскрытых слоев нижнего горизонта. Там найдена только одна статуэтка из слоистой кости, изображающая фигуру в длинном, прилегавшем в талии платье с поясом и широкой юбкой. Богиня держала перед грудью какие-то предметы. Так же как и голова фигурки, они были съемные, возможно, из другого, драгоценного материала и не уцелели. На плечах видны темные разводы, скорее всего, образовавшиеся от окиси металлического стержня, на котором укреплялся голова, но, возможно, это и отпечаток фестоночатым накладкам. Последнее обстоятельство представляло бы чрезвычайный интерес, так как фестоночатые накладки на плечах — драгоценный убор, который можно увидеть на буддийских изображениях⁶⁴. Происхождение его связывается с эволюцией кушанского панциря, а в дальнейших трансформациях этого убора, прослеживающихся на протяжении многих столетий, он всегда имел ритуальный смысл⁶⁵. Разумеется, для сколь угодно серьезных выводов (например, о роли буддизма в культуре Хорезма в первые века н. э.) это слишком шаткая основа, но во всех случаях перед нами — свидетельство широких культурных связей Хорезма эпохи Кушан. В этом же плане можно рассматривать и другие находки на городище: привозное стекло ближневосточного происхождения, подвеска в виде лягушонка, костяные стили с фигурными наконечниками и др. Выразителен и набор керамики из нижнего слоя городища. Мы отметили разнообразие видов и новые формы сосудов, ранее не зафиксированных в керамических комплексах позднеантичного Хорезма (сосуды на трех ножках, миска с вертикальными ручками по краю, сосуды со штампами, некоторые типы горшков и др.), находящие соответствие в керамике ряда других среднеазиатских городищ и поселений, в первую очередь бактрийских. Такая широта и многообразие культурных связей населения города на первом этапе его истории вполне естественны, поскольку речь идет о столице Хорезма. Совсем в другом виде предстает культура населения, когда роль Топрак-калы в политической жизни страны изменилась. Затронув этот вопрос, мы должны перейти к второму этапу истории города.

Второй этап стратиграфически выражен напластованиями горизонтов II и III. Суммируя сведения, изложенные в главах данной книги, следует отметить, что в хронологическом и стратиграфическом отношениях грань,

отделяющая горизонты I и II, выражена нечетко. Основную сложность представляет определение нижней хронологической границы горизонта II. Как мы видели, отдельные формы керамического комплекса из слоев данного горизонта восходят к III в. н. э. В целом по набору форм он ближе всего среднеазиатским комплексам III—V в. н. э., однако даты последних, видимо, еще могут быть сужены и уточнены, и, во-вторых, самые ранние типы керамики из данного горизонта происходят преимущественно из слоев квартала, где можно ожидать выходы нижнего слоя (раскоп I—5, помещение VI—13 и др.). Необходимо дальнейшее накопление данных и для уточнения стратиграфии кушанских и хорезмийских монет типа B²V/3, B²V/4, B²V/2 и B²V/1. Большую трудность в установлении дат представляет и плохая сохранность кушанских монет с городища, в частности монет Васудевы, погребения которым, как известно, чеканились вплоть до VI века н. э. Поэтому находка одной монеты этого правителя в коридоре стрелковой галереи поздней крепостной стены еще не является твердым обоснованием даты перестройки оборонительных сооружений города (см. гл. V данной книги).

Нуждаются в расширении масштабов раскопки нижнего слоя для выяснения вопроса о специфике перехода от нижнего горизонта к среднему, II, например, остается пока открытым вопрос о возможности перерыва в строительстве. Такой перерыв пока можно предполагать только в квартале А, из древних слоев которого происходят отдельные формы керамики, традиция их изготовления восходит к последним векам н. э.

Вместе с тем нельзя обойти молчанием стратиграфические наблюдения, сделанные при шурфовке в квартале Б: наличие комков обгорелой глины, лиз с золотом и других следов разрушения в верхних слоях горизонта I. Однако эти данные получены на участках, где предполагается разрушенные мастерские и выходы горелых слоев, пожара в храме. Накопление подобных сведений, относящихся к менее специфическим участкам, могло бы представлять большой интерес. Оно бы пролило свет на такие важные события в истории Хорезма, как предполагаемый приход к власти в середине или второй половине III века н. э. чужеземцев, чеканивших монеты с тамгой в виде свастики (откуда бы ни появился основатель династии — из Индии или с берегов Сыр-дарьи)⁶⁶.

С другой стороны, судя по датам документов из дворцового архива, они накапливались там в течение всего III в. и, следовательно, дворец функционировал без всяких перемен⁶⁷.

Последние наблюдаются там не ранее IV в., когда в помещениях появляются слои заустення, а в дальнейшем — ремонтные стены. Начало IV в. мы и считаем наиболее вероятной датой начала второго этапа истории города, поскольку на протяжении этого периода происходят большие изменения в культуре населения, отмечается ее упадок, который логично связать с переносом столичной резиденции из Топрак-калы в другое место и превращением последней в небольшой провинциальный городок.

Изменения в культуре населения, в застройке квартала и в облике города в целом постепенно нарастают и стали вполне ощутимыми к концу существования города (горизонт III).

В жилом квартале Б в начале второго этапа находилось уже неоднократно упоминавшееся большое домовладение, занимавшее площадь около 550 кв. м и состоявшее более чем из полутора десятков помещений. Центрами его являлись крупный парадный зал и обширное хранилище, занятое хумами. Площадь каждого из них (около 40 кв. м.) вдвое превышала размеры жилых комнат.

По краям квартала, обращенным на улицы, по-прежнему существовали какие-то ремесленные мастерские или лавочки, судя по находкам поздних накладок от сложноставных луков, деталей, связанных с производством, наличием печей явно бытового назначения. Однако полной картины по этим разрозненным деталям не составляется, кажется лишь, что масштабы производства (например, луков) сокращаются.

Такие бытовые подробности, как оброченные детские лепные игрушки, фишки для игры или гирька торговца-менялы, создают очень живую картину жизни небольшого городка, в который превратилась бывшая столица. Кстати, находка гирьки на месте бывшего большого хранилища VI—10 — намек на традиционное сохранение в квартале центров хозяйственной жизни. В помещении III—5, также занятом хумами, было найдено более всего из найденных в данном горизонте мелких хорезмийских медных монет.

На протяжении рассматриваемого периода времени (IV—VI вв.) застройка жилого квартала становится менее регулярной, система большого домовладения нарушается, появляются отдельные небольшие группы помещений, связь между которыми малоопытна и трудноустойчива. С несомненностью установлен факт постепенного сокращения жилой застройки квартала.

Большие изменения происходят и в квартале А. Здание I после пожара было перест-

роено и какое-то время использовалось, но уже не являлось храмом. За его северной стеной строится новое небольшое храмовое сооружение — здание II, а рядом с ним — здание III, также, видимо, культового назначения. Храмовый участок по-прежнему огражден, но стена теперь — ограда полуметровой толщины, ни в какое сравнение не идущая с древней мощной границей «священного участка» города.

Меняется и само архитектурное оформление города: вместо украшенных лопатками крепостных стен с двухэтажным коридором и стрельчатой формы бойницами в стрельчатой галерее появилась поздняя стена, строительство которой мы склонны относить к данному этапу и которую, как нам кажется, следует рассматривать с точки зрения архитектурного оформления как более примитивную организацию оборонительных сооружений. В самом деле, поздняя стена — просто мощный сырцовый массив, «подушка», на которую была поднята одноэтажная стрельчатая галерея, по принципам своей конструкции уже очень сходная с системой фортификации следующего, афригидского периода истории страны. Может быть, поэтому она наиболее выразительно отражает дух времени, наступление новой средневековой эпохи, становление новой культуры в Хорезме. Под этим углом зрения мы и рассмотрим отдельные аспекты полученных из верхних городских слоев материалов.

IV—VI вв. — время формирования кушано-афригидской культуры, согласно хронологической классификации культур, созданной С. П. Толстовым⁶⁸. Однако в период работы над ней он располагал лишь очень ограниченными сведениями, полученными главным образом благодаря сборам на поверхности ряда городищ и поселений и шурфовке городища Топрак-кала, считавшегося эталонным памятником данного культурного периода. Поэтому в ту пору могла быть создана лишь самая общая характеристика культуры, однако основные ее черты были намечены правильно. Так, С. П. Толстов отметил традиционность культуры и вместе с тем — ее несомненную связь с культурой племени периферии Хорезма, указав при этом, что ее развитие приходится на период упадка в стране⁶⁹.

Дальнейшие исследования Хорезмской археолого-этнографической экспедиции позволили существенно пополнить эти первые сведения о кушано-афригидской культуре. Так постепенно определялись конкретные направления связей. Было доказано, что известную роль в формировании данной культуры сыграло население низовьев Амударьи и Сырдарьи. Раскопки городища Топрак-кала внесли много нового в сложившееся представление о кушано-

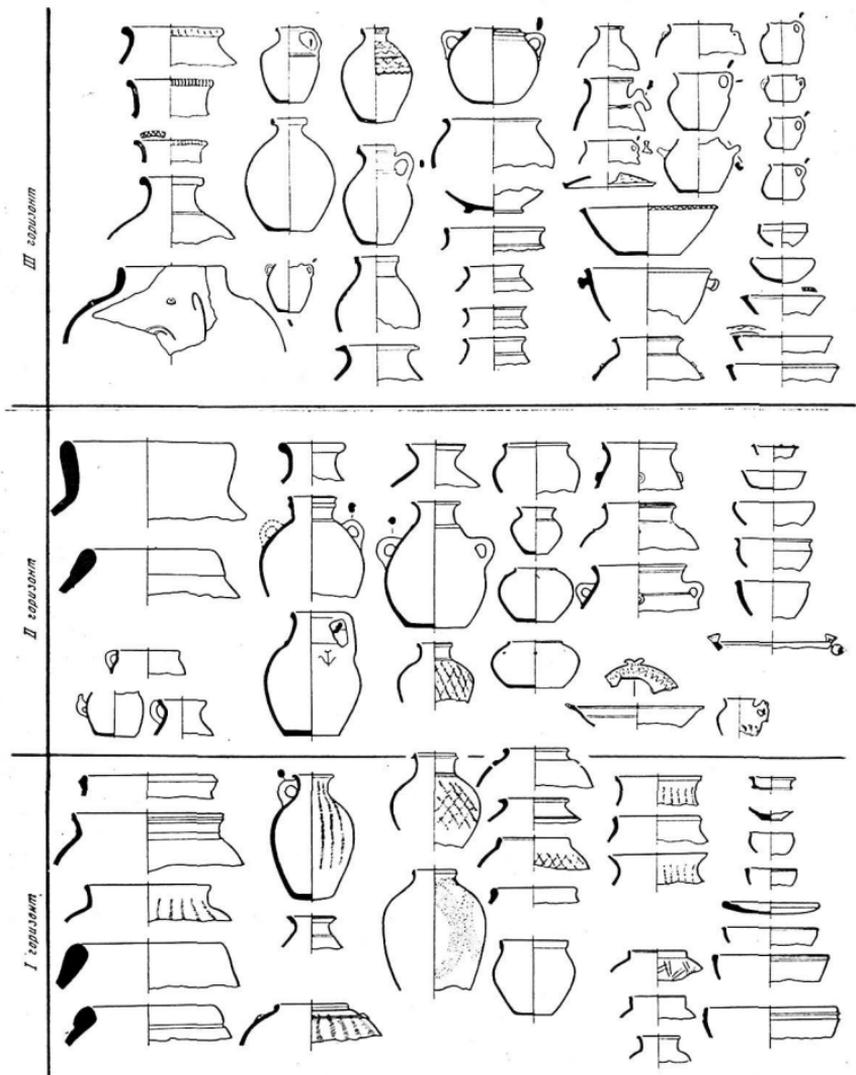
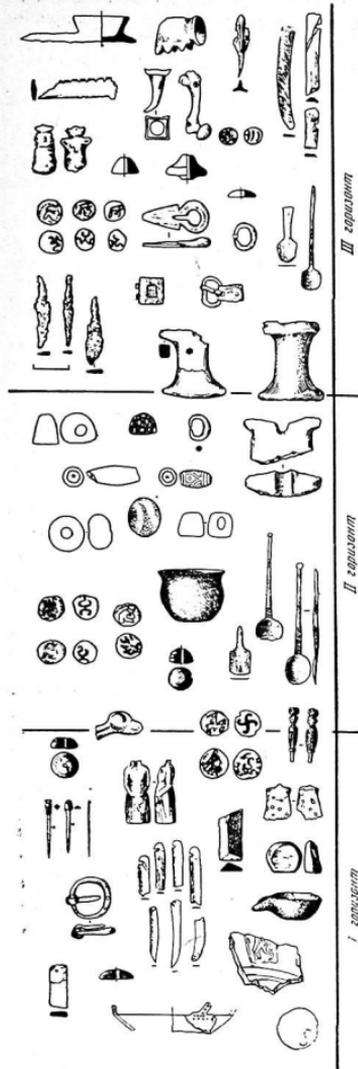

Рис. 61. Сводная хронологическая таблица. Составили Е. Е. Неразик и С. А. Трудновская

афригидской культуре, расширив прежде всего характеристику ее основных элементов. Так, впервые появились сведения о городском хорез-

мийском жилище IV—VI вв. н. э. с такими характерными элементами интерьера, как обширные угловые суфы из сырцовых кирпичей, ранее в архитектуре жилища в Хорезме неизвестные и устраивавшиеся как в парадных двух-

колонных залах, так и в хозяйственных помещениях и дворах. По составу помещений, отсутствию какого-либо четко выделенного композиционного центра топрак-калинский дом го-

ризонта II находят полное соответствие в синхронном ему сельском жилище Турпак-калинского поселения (Левобережный Хорезм)⁷⁰. Однако оформление помещений в сопоставляемых постройках различно: в турпак-калинском доме нет угловых суф, вместо них стены помещений отгибают сырцовые II-образные лежанки, которые характерны для самых верхних слоев Топрак-калы. Четырехколонный зал дома в Турпак-калинском поселении гораздо торжественнее: видимо, он мог быть в отличие от топрак-калинских залов домашним святилищем. Вообще же двух- и четырехколонные залы — отнюдь не новость в жилой архитектуре Хорезма: они открыты в Гяур-кала⁷¹, входили в состав крупных жилищ Аяз-калинского поселения первых веков н. э.⁷² Однако основания колонн в виде сырцовых вымоستков до сих пор там не встречались, но они выявлены в Варахше в помещениях V в. н. э.⁷³

Совсем другого типа дома входили в застройку Кой-Крылган-калы, лишь одна черта объединяет сопоставляемые жилища — наличие в жилых комнатах четырехугольных очажных вымоستков, вообще традиционных для хорезмийского жилища⁷⁴. Отличны от топрак-калинских и жилые постройки, раскапываемые, например, в древнебабтрийских городах. Правда, это главным образом жилища представителей привилегированного слоя населения. Дома рядовых горожан хотя и обнаруживают сходство с рассматриваемыми общей аморфностью плана, отсутствием композиционного центра, однако в целом они иные⁷⁵.

Таким образом, архитектура хорезмийского городского жилого дома IV—V вв. н. э. обнаруживает своеобразные черты. Последующие столетия вносят в нее новые изменения. Иной облик приобретают залы, теперь одноконные, хотя основанием колонн по-прежнему являются вымостки из сырцовых кирпичей. Интерьер жилых комнат вместе с распространением II-образных суф вдоль стен уже во всех деталях сходен с оформлением жилья в последующий период эпохи Афригидов (VII—VIII вв.).

Изменения в культуре горожан, происходившие на всем протяжении второго этапа жизни в городе, находят наиболее яркое отражение в керамике. Они происходили постепенно и лишь к концу периода проявились резко. К этому времени исчезают многие формы, характерные для нижнего горизонта: теперь почти нет чаш, мало горшковидных сосудов, напротив, распространяются кувшиновидные, становятся обычными одноручные и двуручные сосуды, господствует лентная керамика, много кружек. Весьма симптоматично широкое использование в орнаментации зооморфных сюжетов, палепов, прочерченного орнамента.

Таким образом, меняются ассортимент посуды, ее оформление, качество изготовления. Однако основу процесса составляет эволюция старых форм, видоизменяющихся и сильно огрубевающих. Из прочих предметов, характеризующих кушано-афригидскую культуру, отметим крупные халдедоновые и сердоликовые бусины эллипсоидной и шаровидной форм, металлургические пряжки с подвижным языком, бронзовые и костяные ложечки, подвески в виде когтей и т. п. (см. рис. 61). Большинство этих предметов вводит нас в мир сармато-аланских связей. Еще большее значение в этом плане имеют находки антропоморфных сосудов и маленьких глиняных идоличков. Г. А. Брыкина, рассматривая алебастровые фигуры найденных ею в Кайрагаче идолов (IV—V вв.), подробно осветила вопрос о ритуалах, в которых они фигурировали⁷⁶, что избавляет нас от повторения. Напомним лишь, что они являлись важными атрибутами таких культов, как погребальный, некоторых производственных культов, а также культа предков. Это могли быть изображения духов-покровителей домашнего очага, дома, а мелкие фигурки — личными оберегами. Думается, что топрак-калинские фигурки и следует рассматривать в качестве таких оберегов. К числу явлений того же порядка следует отнести и обиховные украшения: лепные сосуды налентами, изготовление антропоморфных и зооморфных сосудов, магические свойства которых раскрывают этнографические параллели, столь подробно исследованные Е. М. Пещеревой⁷⁷. Находки подобных предметов обихода в верхних слоях городища, и это показывает, какую большую роль данные верования играли в жизни населения Топрак-калы в IV—VI вв. В наиболее «концентрированной форме» эти представления выразились в появлении на городище здания II — «храма с рогами». Культ барана, бараньих рогов известен в Средней Азии с глубокой древности. В качестве его пережитка можно рассматривать, например, обиховные в еще недавнем прошлом оформлять окна домов изображением рогов. Рога-обереги — охранители от злых духов — защищали священные мазары и т. п.⁷⁸

В древности, как полагают, они обычно символизировали фан — божество царской власти и могущества, покровителя дома, являясь символом благополучия и процветания. Б. А. Литвинский, специально исследовавший этот сюжет, показал, что «верования, связанные с фарном, получили широкое распространение среди населения Средней Азии в I тысячелетии н. э. Они сопрягались, особенно в среде кочевого и полукочевого населения, с образом барана»⁷⁹. Отметим, что у осетин, которых с древними хорезмийцами связывали

общность некоторых компонентов этнического процесса и многие совпадения в материальной и духовной культуре, существовала вера в фан человека, времени года, суток, в фан дома и фан народа⁸⁰.

В. Н. Ягодин собрал факты, показывающие, что представления, связанные с фарном, имели в Хорезме большую древность и стойко удерживались там на протяжении длительного времени. Он предположил, что где-то на рубеже эр эти образы облеклись в зооморфную оболочку: символом фарна стало изображение барана⁸¹. Нам кажется, что предположение о времени появления зооморфной символики, основанное главным образом на учете находок только из одного памятника — Кой-Крылган-калы, требует уточнения.

Суммируя все эти сведения, можно уловить одно из главных направлений культурных связей кушано-афригидской культуры: это сармато-аланский мир Приаралья. Вероятно, однако, что по мере расширения наших знаний об этой культуре появится много новых сведений: уж очень пестрым был тот поток великого переселения народов, который захватил периферию Хорезма, а может быть и проник гораздо глубже. Вспомним находки на Куя-Уазе и Канга-кале: исследованные нами материалы оттуда ведут в центральноазиатские степи⁸². Однако не следует переоценивать значение этих связей, хотя оно было, несомненно, велико. Совокупность материалов из городища Топрак-кала показывает, что роль местных традиций в формировании кушано-афригидской культуры была гораздо важнее. Нельзя забывать о тех больших переменах, которые повлек за собой упадок городского ремесла в рассматриваемый период истории города⁸³. На первый план выступили домашние промыслы, тот местный и, видимо, во многом родственный сармато-аланскому миру субстрат, которому и без влияния извне могли быть присущи те же элементы материальной и духовной культуры, что и его степному окружению. Вместе с упадком роли города, превращением Топрак-калы в небольшой городок или, может быть, даже в просто поселение ярче проступили народные, языческие верования, в том числе идолопоклонничество, поклонение магическим силам и стихиям, скрытые в имперский период государственным культами и ритуалами. Теперь народные религиозные воззрения заявили о себе, окрасив культуру в иной и кажущийся чужеземным колорит. На поверку же этого «нехорезмийского» элемента может оказаться гораздо меньше, чем мы себе представляем. Это еще традиционная культура, но уже в период упадка, хорезмийская античная эпоха на исходе. Новые веяния, выражающиеся в других

привычка населения, смене культуры, уже чувствуются в конце второго этапа истории города, являясь преддверием раннесредневековой эпохи Афригидов в Хорезме. Если же всмотреться внимательно в проявления культуры VII—VIII вв., то еще можно узнать древние прототипы в новой средневековой оболочке, однако это — тема другого исследования.

Таковы краткие итоги исследования городища Топрак-кала, одного из самых замечательных памятников культуры древнего Хорезма. Многие вопросы мы смогли лишь поставить, продолжение раскопок городища и всего этого уникального археологического комплекса, надо надеяться, даст материалы для их дальнейшей разработки и решения.

- ¹ Щегенко А. Я. Раскопки монументального комплекса Зар-тепе. — В кн.: Древняя Бактрия. Л.: Наука, 1974, с. 43.
- ² Пузаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М.: Изд-во АН СССР, 1958, с. 57.
- ³ Щегенко А. Я. Типы поселений древнеиндийской цивилизации. — В кн.: Древний город Средней Азии. Л.: 1973, с. 9—11.
- ⁴ Preliminary Report of fifth Season of Work (1931—1932). — In: The Excavations at Dura Europos. New Haven: Yale University Press, 1934, p. 77—78.
- ⁵ Op. cit., p. 80.
- ⁶ Gabriel A. Resherches archeologiques à Palmyra. — Syria, t. II, N 1, p. 80.
- ⁷ Majumbar G. P. Hearth and home. — Indian Culture, 1936—1937, v. III, p. 437—438.
- ⁸ Литвинский Б. А. Куманский город Средней Азии и Индии. — НАА, 1979, № 3.
- ⁹ Флитгнер Н. Д., Ходжаши С. И. Архитектура Среднего Царства. — ВИА, 1970, т. 1, с. 69—70.
- ¹⁰ Wadawy A. Architecture in ancient Egypt and Near East. Cambridge; Mass.; London, 1966, p. 225.
- ¹¹ Oppenheim L. Ancient Mesopotamia. Chicago; London, 1964, p. 138.
- ¹² Усманова З. И. Древний город Мерв. — В кн.: Древний город Средней Азии. Л.: Наука, 1973, с. 22—23.
- ¹³ Пузаченкова Г. А. Из недавних открытий в Южном Узбекистане. — В кн.: Памятники культуры. М.: Наука, 1975, с. 417.
- ¹⁴ Lampl P. Cities and Planning in the ancient Near East. New York, 1968, p. 19.
- ¹⁵ Op. cit., p. 140.
- ¹⁶ Mumford L. The City in the History: its Origin, its Transformation and its Prospects. London, 1961, p. 91.
- ¹⁷ Пузаченкова Г. А. Халчяян. Ташкент: ФАН, 1966, с. 255.
- ¹⁸ Lampl P. Op. cit., p. 21.
- ¹⁹ Simon F. Fouilles de Dura-Europos. Paris, 1926, p. 25—26; Gabriel A. Palmyra, p. 80; Marshall J. Taxila. Cambridge, 1951, p. 4; Oppenheim L. Op. cit., p. 138.
- ²⁰ Mumford L. The City in the History, p. 79.
- ²¹ Толстов С. П. Древний Хорезм, с. 123.
- ²² Frankfort H. The Art and Architecture of the ancient Orient. London, 1954, p. 2—3.
- ²³ Пузаченкова Г. А. Халчяян, с. 256.
- ²⁴ Усманова З. И. Древний город Мерв, с. 23.
- ²⁵ Mumford L. The City in the History, p. 108.
- ²⁶ Ibid.

- ²⁷ Pore A. Persepolis as ritual city. — Archaeology, 1957, N 10, p. 2.
- ²⁸ Рапорт Ю. А. Некоторые итоги изучения двора на городище Топрак-кала. — В кн.: Культура и искусство Хорезма. М.: Наука, 1980, с. 230—242.
- ²⁹ Толстов С. П. Древний Хорезм, с. 112.
- ³⁰ См.: Неразик Е. Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. М.: Наука, 1966, с. 68—69.
- ³¹ Толстов С. П. Древний Хорезм, с. 275.
- ³² Тем же традиция подчинена реконструированная О. Г. Большаковым планировка центральной части Бухары. См.: Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973, с. 273, рис. 94.
- ³³ Гудкова А. В., Ягодин В. Н. Археологические исследования в правобережной части Приаральской дельты Амударьи. — МХЭ, 1963, вып. 6, с. 264.
- ³⁴ Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма, с. 63, 99. Ягодин В. Н. К вопросу о локализации Кердера. — Вестник КК ФАН УзССР, 2, 1963, с. 71—75.
- ³⁵ См.: Пузаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма, с. 29—30; Филианович М. И. Древний Мерв в свете изучения стратиграфии городища Гауркалы. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1974, с. 19; Дальверзинтее. Ташкент: ФАН, 1978, с. 203—207; Кругликова И. Т. Дильберджи. М.: Наука, 1974, с. 99; Auboyer L. La vie quotidienne dans L'Inde ancienne (II v. a. n. e.—VII v. p. n. e.). Paris, 1961, p. 159—165; Oppenheim L. Ancient Mesopotamia, p. 116.
- ³⁶ См.: Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Изд-во вост. лит., 1962, с. 217—221; Лешин В. А. Земледелие и аграрные отношения в Туркменистане в период раннего средневековья в IV—VII вв. — В кн.: Очерки истории земледелия и аграрных отношений в Туркменистане. Ашхабад: Ылым, 1971, с. 102—104.
- ³⁷ Толстов С. П. Древний Хорезм, с. 123.
- ³⁸ Пузаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма, с. 58.
- ³⁹ Marshall J. Taxila, p. 121, 147, 169, 195.
- ⁴⁰ Preliminary, Report of the fifth Season of Work, p. 34—41.
- ⁴¹ Дальверзинтее, с. 33, 47—48.
- ⁴² Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973, с. 259.
- ⁴³ См. подробнее: Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.), с. 213—216.
- ⁴⁴ Шишкин В. А. Варакша. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 109.
- ⁴⁵ Frankfort H. Town planning in ancient Mesopotamia. — Town planning Review, 1958, v. XXI, pt 2, p. 103.
- ⁴⁶ Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации, с. 17.
- ⁴⁷ Сузарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. М.: Наука, 1976, с. 326.
- ⁴⁸ Акишев К. А., Байпаков К. М., Еракоевич Л. Е. Отрар XVI—XVIII вв. по итогам раскопок 1971—1973 гг. — В кн.: Древности Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1975, с. 29.
- ⁴⁹ Oppenheim L. Ancient Mesopotamia, p. 131.
- ⁵⁰ Frankfort H. The Art and Architecture of the ancient Orient. London, 1954, p. 54.
- ⁵¹ Короцкая А. А. Архитектура Индии. — ВИА, 1970, т. 1, с. 410, рис. 37.
- ⁵² Andrae W., Lensen H. Die Partherstadt Assur. Leipzig, 1933, s. 64—67.
- ⁵³ Кругликова И. Т., Пузаченкова Г. А. Дильберджи. М.: Наука, 1977, с. 43, рис. 34.
- ⁵⁴ Boyce M. The Fire Temples of Kerman. — Acta Orientalia (Copenhagen), 1966, XXX, p. 54—55.

- ⁵⁵ Schirpman K. Die iranischen Feierheiligtümer. Berlin: New York, 1971, p. 266—267, Abb. 38.
- ⁵⁶ Лодоци В. А. Раскопки квадратного погребального сооружения на городище Чирик-рабат. — МХЭ, 1963, вып. 6, с. 97, 101—102.
- ⁵⁷ Кошелев Г. А. Культура Парфии. М.: Наука, 1966, с. 166.
- ⁵⁸ Воронина В. Л. Доисламские культовые постройки. М.: Наука, 1966, с. 166.
- ⁵⁹ Пугаченкова Г. А. К архитектурной типологии в зодчестве Бактрии и восточной Парфии. — ВДИ, 1973, № 1, с. 125.
- ⁶⁰ Дальверзинтене, с. 33, 47 и др.
- ⁶¹ Кругликова Н. Т., Пугаченкова Г. А. Дильберджин. М.: Наука, 1977, ч. II, с. 6, рис. 1.
- ⁶² Bernard A. Troisième Campagne de fouilles à Aikhanoum en Bactriane. — CRAIBL, 1968, p. 211.
- ⁶³ Пугаченкова Г. А. К архитектурной типологии в зодчестве Бактрии и восточной Парфии, с. 127.
- ⁶⁴ Дьяконова Н. П., Сорокин С. С. Хотанские древности. Л.: Изд-во ГЭ, 1960, табл. 4, 15, 18, 23.
- ⁶⁵ Горелик М. В. Среднеазиатский мужской костюм на миниатюрах XV—XIX вв. — В кн.: Костюм народов Средней Азии. М.: Наука, 1979, с. 54.
- ⁶⁶ См.: Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта, с. 225; Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма, с. 97.
- ⁶⁷ Лившиц В. А. Хорезмийский календарь и эра древнего Хорезма. — В кн.: Палестинский сборник. Л.: Наука, 1970, вып. 21 (84), с. 161—169. Как сообщают нам В. А. Лившиц, наиболее поздняя из дат топрак-калинских документов, согласно его последнему чтению, — 252 г. хорезмийской эры.
- ⁶⁸ Толстов С. П. Древний Хорезм, с. 33.
- ⁶⁹ Толстов С. П. Периодизация древней истории Средней Азии. — КСИИМК, 1949, вып. XXVIII, с. 27—28.
- ⁷⁰ Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме, с. 53, рис. 27.
- ⁷¹ Рапопорт Ю. А., Трудновская С. А. Городище Гяур-кала. — ТХЭ, 1958, т. II, с. 347.
- ⁷² Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме, с. 42.
- ⁷³ Шишкин В. А. Варахша, с. 70.
- ⁷⁴ Кой-Крылган-кала... с. 79.
- ⁷⁵ См.: Дальверзинтене, с. 34, рис. 15, с. 48, рис. 26.
- ⁷⁶ Брыкина Г. А. Некоторые вопросы верований древних ферганцев (в связи с находками в курганах и в усадьбе Кайрагач). — В кн.: Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. — Ташкент: ФАН, 1973, с. 152—154.
- ⁷⁷ Пещерова Е. М. Гончарное производство Средней Азии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959, с. 78—115.
- ⁷⁸ См.: Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент: ФАН, 1970, с. 137.
- ⁷⁹ Литвинский Б. А. Кангойско-сарматский фари. Душанбе: Донш, 1968, с. 87 след.
- ⁸⁰ Там же, с. 73.
- ⁸¹ Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К. Некрополь..., с. 136.
- ⁸² Неразик Е. Е. О некоторых направлениях этнических связей населения южного и юго-восточного Приаралья в IV—VIII вв. — В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968, с. 198—202; Она же. Сельские поселения афригидского Хорезма. М.: Наука, 1966, с. 121—124.
- ⁸³ Упадок городского ремесла и вообще культуры населения на втором этапе истории города могут объясняться, как сказано выше, изменением роли Топрак-калы в системе политических связей страны. Однако поскольку аналогичные явления происходили и в других городах (Куля-Узая, Гяур-кала Миздахканской) в тот же промежуток времени, то они могут рассматриваться шире — как признак общего для страны кризиса, наиболее ярко прослеживающегося по материалам Топрак-калы.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия. М.: Наука
- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.: Аврора
- ВДИ — Вестник древней истории
- ВИ — Вопросы истории
- ВИА — Всеобщая история архитектуры. М.: Изд-во литературы по строительству
- ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества. СПб.
- ИАК — Известия Археологической комиссии. СПб.
- ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана. — Ташкент: Изд-во АН УзССР
- ИООН — Известия Отделения общественных наук Академии наук СССР. М.: Изд-во АН СССР
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.: Наука
- КСНИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР
- Вест. ККФ АН — Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. Нукус
- МАК — Материалы по археологии Кавказа. М.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. — М.; Л.: Изд-во АН СССР (с 1964 г. — Наука)
- Сб. МАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии. Л.: Изд-во АН СССР (с 1964 г. — Наука)
- МХЭ — Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР. М.: Изд-во АН СССР (с 1964 г. — Наука)
- НАА — Народы Азии и Африки. М.: Наука
- ОАК — Отчеты Археологической комиссии. СПб.
- СА — Советская археология
- СЭЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа
- СЭ — Советская этнография
- САИ — Археология СССР: Свод археологических источников. М.: Изд-во АН СССР (с 1964 г. — Наука)
- ТИИ — Труды Института истории
- Труды САГУ — Труды Среднеазиатского государственного университета: Ташкент: Изд-во САГУ
- Труды ТашГУ — Труды Ташкентского государственного университета. Ташкент: Изд-во ТашГУ
- ТКЭ — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР
- ТОВЭ — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа
- ТХЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР. М.: Изд-во АН СССР (с 1964 г. — Наука)
- Труды ГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа
- Труды ТФАН — Труды Таджикского филиала АН. Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР
- Труды ЮТАКЭ — Труды Южнотуркменской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад: Изд-во АН ТССР (с 1969 г. — Туркменистан; с 1969 г. — Ылым)
- ЭВ — Эпиграфика Востока. Л.: Наука
- AJ — Antiquaries Journal
- AM — Asia Major
- CRAIBL — Comptes rendus d'Academie des Inscriptions et belles lettres
- MDAFA — Memoires de la Délégations archéologique française en Afghanistan
- SPA — A Survey of Persian Art. London; New York

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава I. Археологическое описание памятника	8
Глава II. Городские укрепления	56
Глава III. Керамика из раскопок городища	72
Глава IV. Предметы вооружения и быта. Украшения	101
Глава V. Монетные находки из раскопок городища	123
Глава VI. Некоторые вопросы истории городов и истории культуры древнего Хорезма в свете раскопок городища Топрак-кала	136
Список сокращений	149

ГОРОДИЩЕ ТОПРАК-КАЛА.
Труды Хорезмской
археолого-этнографической экспедиции,
т. I

Утверждено к печати
Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая

Редакторы издательства
Н. Г. БЕЛЕЙ, С. Н. РОМАНОВА
Художник **А. Г. КОБРИН**
Художественный редактор **Н. А. ФИЛЬЧАГИНА**
Технический редактор **Т. Д. ПАНАСЮК**
Корректоры
Л. Р. МАНУИЛЬСКАЯ, Р. В. МОЛОКАНОВА

ИБ № 15290

Сдано в набор 07.04.81. Подписано к печати 08.04.81.
Т-04078. Формат 84×108¹/₁₆.

Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 16,21. Усл. кр. от. 17,9. Уч.-изд. л. 18,3.
Тираж 2260 экз. Тщ. зак. 26.
Цена 2 руб.

Издательство «Наука» 117864 ГСП-7
Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
1-я типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 июня, 12

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»
В 1981 ГОДУ
ВЫИДЕТ В СВЕТ:

А. В. Виноградов
ДРЕВНИЕ ОХОТНИКИ И РЫБОЛОВЫ
СРЕДНЕАЗИАТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

19 л., 2 р. 40 к.

В книге публикуются материалы Хорезмской экспедиции об истории и культуре племен, населявших в каменном веке территорию междуречья. Описаны интересные находки: костяные предметы орудий рыболовства и охоты, поселения и жилища; исследована хозяйственная деятельность, показана динамика ландшафтно-климатических условий рассматриваемого региона. Большое внимание уделено периодизации найденных памятников.

IV кв.

Книги можно предварительно заказать в магазинах Центральной конторы «Академкнига», в местных магазинах книоторгов или потребительской кооперации без ограничений.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117192 Москва В-192, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197110 Ленинград П-110, Петровская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

- 480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13;
320005 Днепропетровск, проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
734001 Душанбе, проспект Ленина, 95 («Книга — почтой»);
335009 Ереван, ул. Туманяна, 31;
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289;
252030 Киев, ул. Ленина, 42;
252030 Киев, ул. Пирогова, 2;
252142 Киев, проспект Вернадского, 79;
252030 Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);
277001 Кийпиев, ул. Пирогова, 28 («Книга — почтой»);
343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1;
660049 Красноярск, проспект Мира, 84;
443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);
192104 Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57;
199164 Ленинград, Таможенный пер., 2;
196034 Ленинград, В/О, 9 линия, 16;
220012 Минск, Ленинский проспект, 72 («Книга — почтой»);
103009 Москва, ул. Горького, 8;
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
630076 Новосибирск, Красный проспект, 51;
630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22 («Книга — почтой»);
142292 Пущино Московской обл., МР «В», 4;
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49;
720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).

«АКАДЕМКНИГА»

